

К. Д. Бальмонт

ЯСЕНЬ

ВИДЕНИЕ ДРЕВА

**Иваново — Москва
Издатель Епишева О. В.
2015**

УДК 882–8 + 882.091–1
ББК 84(2Рос=Рус)6 + 83.3(2Рос=Рус)6
Б 21

Бальмонт, К. Д.

Б 21 Ясень. Видение Древа / К. Д. Бальмонт; вступ. ст. Н. А. Молчановой, заключ. ст. Т. С. Петровой; коммент. Н. А. Молчановой, Т. С. Петровой, О. В. Епишевой. — Иваново ; М. : Издатель Епишева О. В., 2015. — 263 с.

ISBN 978-5-904004-49-1

Издание, представляющее собой републикацию стихотворной книги К. Д. Бальмонта «Ясень» (1916), снабжено комментариями и сопровождается новейшими исследованиями, посвящёнными месту данной книги в творчестве поэта и ключевым мотивам в её художественном строе.

Компьютерный набор текста —
Ольга Епишева и Анна Преображенская

Текст печатается по изданию:

Бальмонт, К. Д. Ясень. Видение Древа. — М.: Изд-во К. Ф. Некрасова, 1916.

Выражаем сердечную благодарность
Национальному фонду поддержки правообладателей
за сотрудничество и помощь в издании книги

Издано при содействии НФПП

www.cfund.ru

**Национальный
Фонд
Поддержки
Правообладателей**

ISBN 978-5-904004-49-1

© К. Д. Бальмонт, 2015
© Вступ. ст., комментарии. Н. А. Молчанова, 2015
© Заключ. ст., комментарии. Т. С. Петрова, 2015
© Оригинал-макет, комментарии. О. В. Епишева, 2015

Н. А. Молчанова

МИТОПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В КНИГЕ К. Д. БАЛЬМОНТА «ЯСЕНЬ. ВИДЕНИЕ ДРЕВА»

Лирика Бальмонта 1910-х годов до сих пор остаётся серьёзным пробелом в изучении творчества поэта и традиционно оценивается под знаком «упадка», усугубившегося распадом русского символизма как единого литературно-эстетического направления. Между тем, в «Зареве Зорь» (1912), в «Белом Зодчем» (1914) и особенно в книгах «Ясень» (1916) и «Сонеты Солнца, мёда и Луны» (1917) поэт раскрывает совершенно неожиданные грани своего таланта, сохраняя приверженность символизму и одновременно своеобразно перекликаясь с пост-символистскими тенденциями литературы.

Книга «Ясень. Видение Древа» была задумана Бальмонтом в качестве итоговой, как своего рода «энциклопедия» собственной лирики. «Это самая благородная книга, которую я написал»¹, — признавался поэт в письме к Е. Цветковской от 5 сентября 1915 года. Д. Выгодский в обзоре лирики поэта, сделанном немного позднее по поводу выхода в свет «Сонетов Солнца, мёда и Луны», подчёркивал: «“Ясень” — вершина, не многим уступающая прежним достижениям поэта» [*Выгодский 1917*]².

Высокий уровень единства и «выдержанности» (К. Бальмонт) всех мотивов и настроений привёл к тому, что в «Ясене» поэт отказался от дробления на разделы, присущего предшествующим сборникам. В книге можно обнаружить зачатки единого лирико-мифологического сюжета, воссоздающего панораму истории человеческой цивилизации от «утра вселенной» до апокалипсиса, причём в развитии этого сюжета активную роль играют архаические древние мифы, христианские идеи, естественно-научные и философские концепции XIX—XX веков.

¹ ОР РГБ. Ф. 374. К. 4. Ед. хр. 12. Л. 8.

² Библиографический список приводится на 259-й странице настоящего издания.

В основе сложной образной системы «Ясеня» лежало обращение к космогоническим архетипам. «Воздействие архетипа... сильно потому, что в нём говорит голос более мощный, чем наш собственный, — утверждал К. Г. Юнг. — Кто бы ни говорил в первобытном образе, он говорит тысячью голосов; он очаровывает и поработывает, и в то же время несёт идею, которая через частное посылает нас в область неизбывного. Он трансмутирует нашу личную судьбу в судьбу человечества» [Юнг 1996].

Центральный образ — «древо жизни» Иггдрасиль — представлял собой новую попытку синтеза объективного и субъективного начал мифопоэтического житнетворчества. Не случайно поэту «Ясень» казался книгой, «по значительности» идущей за «Будем как Солнце» (1903).

Символ «мирового Древа» в трагической ипостаси впервые появился у Бальмонта в книге «Злые чары» (1906), чуть позднее он трансформировался в идеализированное «Славянское Древо» (книга «Жар-Птица», 1907). Это один из основополагающих символических образов бальмонтской лирики. С одной стороны, образ «древа жизни» гарантировал «целостный взгляд на мир, определение человеком своего места во вселенной» [Топоров 1991: 405], с другой — был призван воплотить важнейшие качества поэзии самого Бальмонта. «Дерево в кроне экстенсивно, каким Бальмонт был тематически, а в корнях “генетивно”, как бальмонтское устремление к источникам-космогониям», — справедливо отмечал В. Марков [Markov 1992: 134].

В ориентации поэта на древние космогонии на первый план в «Ясене» выступает скандинавская «Эдда». С «Эддой» Бальмонт, очевидно, познакомился в начале 1890-х годов, когда он переводил норвежских писателей и «Историю скандинавской литературы» Горна-Швейцера. Именно так надо понимать слова поэта в письме к М. В. Сабашникову от 30 января 1913 года: «Была у меня также с детства жажда перевести на русский язык “Эдду”, но, кажется, её уже переводят для тебя» [Сабашниковы 1979]¹. В «Зовах древности» (1908) среди многочисленных кос-

¹ Книга «Эдда. Скандинавский эпос» вышла в издательстве Сабашниковых в 1917 г. в переводе С. Свириденко.

могоний и теогоний мифология скандинавов была представлена сравнительно мало. Ссылки на неё встречаются в книге «Поэзия как волшебство». Пик увлечения Скандинавией приходится, как видно из процитированного письма, на 1913 год. В этом послании, одобряя издательские планы Сабашникова для серии «Страны, века и народы», поэт говорит не только об «Эдде», но и об исландско-скандинавских сагах, а также о готовности приняться за перевод «древней исландской саги, прозаической “Саги о Ньяле”». По его мнению, она даёт «гениальную картину древней Скандинавии, с языческим миром и последующим переломом, картину выпуклую, какой не смогут дать и записные историки» [Сабашниковы 1979]. «Сага о Ньяле» не появилась в переводе Бальмонта ни в издательстве Сабашниковых, ни в других издательствах, но, как и обращение к «Эдде», этот факт свидетельствует о глубоком увлечении Бальмонта скандинавским эпосом. Кроме скандинавской «Эдды», в «Ясене» присутствуют также египетские мифы и сказки, обозначенные уже эпитафией, индийский религиозно-культурологический пласт, элементы мифологии майя, «скифское сказание», заметна и опора на излюбленную книгу А. Н. Афанасьева [Афанасьев 1983]. Такой «сплав» сильно затрудняет непосредственное читательское восприятие бальмонтской книги. Значительно усложнились в «Ясене» и формы выражения авторского сознания. Здесь, безусловно, присутствуют эпические тенденции, наметившиеся в «Зовах древности», лирическое начало проявляется как в образе лирического героя, так и в целой серии «ролевых» персонажей.

Нуждается в специальном исследовании вопрос о художественном времени в рассматриваемой книге, так как философия «мгновения» сосуществует в ней с «абсолютной эпической дистанцией» (М. Бахтин) героического эпоса разных веков.

Ключевыми в «Ясене» являются первое и последнее стихотворения («Навек» и «Полночь»). Стихотворение «Навек» — своеобразный бальмонтский «Памятник», в котором поэт декларирует непреходящую художественную ценность своего творчества:

Как мыши точат корни Игдразила,
Но Ясень вечно ясен в бездне дней, —
Как дым течёт из звонкого кадила,
Но счёта нет для ладанных огней...
<...> Как в камне скал есть звонкий водоём,
И будет петь, копя ключи для жажды,
Так буду петь о царствии твоём, —
Любовь, что я узнал во сне однажды [Бальмонт 1916¹: 5].

В тексте стихотворения упомянуты многие узловы́е символы лирики Бальмонта: огонь, дым, вода, звук, камень, вихрь, свирель, сон, бездна, любовь. Недоумение у В. Маркова вызвало появление образа мыши в первой строке: «<...> Как переводчик “Эдды” Бальмонт должен был знать, что корни Иггдрасиля грызут змеи (а также дракон Нидхёрр)» [Markov 1992: 136]. Следует признать, что поэт довольно часто отходит от канонического текста «Эдды» и в других стихотворениях «Ясеня», данный же образ не нарушает древних традиций восприятия древа жизни [Топоров 1991: 399]. Видимо, его истоки нужно искать в восточных мифах, а также в детских воспоминаниях поэта, воспроизведённых в статье М. Волошина «Аполлон и мышь» (вошла в книгу «Лики творчества». Пб., 1914).

«Корневая» часть Иггдрасиля естественно ассоциируется в бальмонтовской книге с «нижним», подземным слоем мироздания, скрывающим тайны жизни и смерти, а также с праисторическим прошлым человечества. В полном соответствии со «Старшей Эддой» у бальмонтовского древа «три корня»:

Один до Богов устремляется,
Другой к Исполинам драконится,
А третий идёт в Дымосвод.
Под третьим змеиная ямина,
Оттуда родник пробивается,
Там влажная мудрость качается,
Кипит и горит и течёт (*Снежные боги*).

«Мудрость», скрытая в корнях под Ясенем, воплощается в символике мёда, рун и мудрых дев Норн (Мойр, Парк, Прях).

¹ В дальнейшем все цитаты в статье приводятся по этому изданию.

С последними тесно связаны сквозные в книге мотивы прядения и гадания. Постигание этой мудрости, по убеждению поэта, возможно лишь через жертвоприношение. Бальмонту оказалась наиболее созвучной та версия скандинавского мифа о верховном асе, согласно которой «сам Один так жаждал той мудрости, / Что отдал свой глаз за глоток её» (Снежные боги).

Звучат в «Ясене» и отголоски древних мифических представлений о том, как Один повесился на мировом древе, пронзив самого себя копьём для того, чтобы обрести знание рун. В примечаниях к «Старшей Эдде» М. И. Стеблин-Каменский писал: «Добровольное ритуальное мученичество имеет целью вызвать у себя экстатическое состояние» [Стеблин-Каменский 1975: 671]. Бальмонту была чрезвычайно близка эта идея, важно, однако, отметить, что если в скандинавском цикле стихотворений с выраженными эпическими тенденциями такое мученичество имело именно ритуальный характер, то в последующем цикле «Ордалии» и некоторых других стихотворениях, проецируясь на судьбу лирического героя, оно было исполнено неподдельного драматизма переживаний.

Весьма существенный для лирики Бальмонта 1910-х годов образ мёда в книге — это не столько символ «напитка мудрости», сколько «мёд поэзии», творческое вдохновение, делающее лирического героя «сверхчеловеком»:

Упившись мёдом,
Первичным млеком,
Я с вешним годом
Нечеловеком...
<...> Всхожу к порогам
Иного сада,
Иного лада,
Иного строя,
Где заодно я
С Всесильным Богом (*Поющее дерево*).

Среди наиболее близких поэту богов в скандинавском цикле, наряду с Одином и Бальдером, выделена Сага — «сестра богинь, чей дар священный — речь»:

На берегу сидит и грезит Сага,
 Пьёт с Одним из чаши золотой...
 <...> Из пряжи снов немую нить продлив,
 Завяжет в страшном узелок из дрёмы.
 Сплетёт из снов высокие хоромы (*Saga*).

Появившийся ещё в сборнике «Под северным небом» (1894) романтический образ «нить Ариадны», пройдя через всю поэзию Бальмонта, приобретает в книге «Ясень» глубокий мифопоэтический смысл. «Пряжу снов» в бальмонтовской книге неустанно прядут древние богини из мифов разных народов:

Это Норны, это Мойры, это Парки, Пряхи, Пряхи,
 Это Судьбы, Суденицы, на пожарищах зари.
 Замыслительницы роков, и ваятельницы далей,
 Восприемницы-ткачихи волоконца без конца... (*Мойры*).

Сокровенный смысл вечного «прядения» пытается разгадать вкусивший «мёд веков» лирический герой поэта. Его душа — «внимательная пряха», однако она не имеет власти над «клубком»:

В мигах звуком мир угадан,
 Нить дана золотая мне,
 Вьётся, курится, как ладан,
 А клубок — в другой стране (*Я играю берегами*).

Обращаясь к истокам, первоосновам человеческого бытия, Бальмонт опирается на мифы разных народов, своеобразно переплавляя с ними философские идеи своего времени. При этом нередко он реализует «попытку эпоса» (В. Брюсов). В эпически-размеренной «Сказке Месяца и Солнца» излагается запечатлённое в «Эдде» предание о начале мира: «Кости Имира остались как горы, плоть его стала равнина. / Мозг его тучи, и кровь его Море, череп его небосвод, / Брови у грозного стали Мидгардом, это срединный Оплот»¹.

¹ Ср. с текстом «Старшей Эдды» [*Старшая Эдда 2005*: 213–214]:

Имира плоть	кости — горами,
стала землёй,	череп стал небом,
кровь его — морем,	а волосы — лесом.

Эпическое начало присутствует и в «Скифской летописи», воспроизводящей легендарную историю этого народа, и в некоторых других текстах. Однако лучшие в «Ясене» стихотворения на «праисторическую» тематику выдержаны в бальмонттовском лирическом ключе. Таков небольшой цикл стихотворений об Индии, где поэт тоже находит своё «древо жизни»:

В моей индусской роще есть древо деодар,
Своим стволом высоким восходит ввысь оно,
Его расцвет походит на призрачный пожар,
Голубоваты ветви, внизу у пня темно (*Деодар*).

«Печать совершенства» Божьего помысла видит Бальмонт и во вновь открываемой им Грузии:

В красивую из творческих минут,
Рука Его, рука Нечеловека,
Согнув гранит, как гнётся тонкий прут,
Взнесла узор победного Казбека.
Вверху — снега, внизу — цветы цветут (*Грузия*).

Лирико-философский венок сонетов «Адам» причудливо соединяет библейского первочеловека с египетским богом — «творителем людей» Атумом, причём к творящему провидению оказывается причастным ещё и тёмный Демииург:

Адам возник в раю из красной глины,
И был он слеплен божеской рукой.
Но в этом колдовал ещё другой,
И все его стремленья не едины.

В стихотворениях «Тот предок» и «Рука» Бальмонт неожиданно воспеваает дарвинистскую теорию эволюции:

От предка ли я отрекаться буду,
Пусть был четверорук он и мохнат?
Рука есть воплощённый в оцупь взгляд,
Рука есть мост к свершению и чуду (*Рука*).

Видимо, нашли отклик в душе поэта и появившиеся в начале XX века теории о неземном происхождении человеческой цивилизации (стихотворения «Солнцезернь», «Полночь»).

Свою собственную «родословную» лирический герой Бальмонта, конечно же, ведёт от Солнца:

Я родился от Солнца. Сиянье его заплелось
В ликованьи моих золотых и волнистых волос... (*От Солнца*)

Не менее «кровно» связан он и с древом жизни, воплощая миф о Поэте — Мировом древе:

Я стоял у поющего дерева,
Был брат я шмелям и жукам.
И с пчелой устремлялся я в зарево,
Был пономарь мотылькам...
<...> С пчелой летящей
Сквозистой чащей
Ветвей цветущих,
Я в райских кущах,
В Весне манящей
Я стих звенящий (*Поющее дерево*).

Скорее всего, Бальмонт был знаком с эзотерическим учением, согласно которому «человек сначала существует потенциально в теле дерева, а позднее расцветает в объективные манифестации через свои ветви» [Холл 1992: 339]. Недаром он включает в «Ясень» монолог ролевого персонажа — отшельника-дендрита:

Меня зовут отшельником-дендритом.
Покинув жизнь, где всюду цепко зло,
Замкнулся я в древесное дупло,
Оно мне стало церковью и скитом... (*Отшельник*)

Ствол и ветви дерева отождествляются в древних мифологических представлениях с бесконечностью универсальных жизненных явлений, имеющих единый источник. Им соответствовала своя символика: «...со средней частью связываются копытные (олени, лоси, коровы, лошади)», — отмечает В. Н. Топоров [Топоров 1991: 401]. Весьма существенное место в образной системе «Ясеня» занимает символика «коня». Ей поэт придавал важное значение; в письме к Е. А. Андреевой от 31 января 1916 г. он сообщает, что приготовил программу своего выступления «Слово о коне», и пишет: «Меня волнует эта

тема чрезвычайно». Составленная поэтом программа представляет интерес, поэтому имеет смысл привести её целиком: «Слово о Коне. 1. Быстрейшее быстрейшему. — 2. Конь — солнечная сила. — 3. Конь космогоний. — 4. Конь доисторических времён. — 5. Многоликость Коня. — 6. Конь сказок и легенд. — 7. Конь безумного хотения. — 8. Конь и лошадь. — 9. Конь наших дней. — 10. Конь в свете огня» [Андреева-Бальмонт 1996: 475].

«Конь космогоний» пришёл в «Ясень» из «Эдды» и «Поэтических воззрений славян на природу». «То же самое впечатление быстрого движения, какое породило стихийные явления с птицами, заставило сблизить их с легконогим конём», — замечает А. Н. Афанасьев [Афанасьев 1983: 143]. Неумолимость движения времени, переносящего лирического героя от детства к «закату», нередко передаётся в бальмонтовской книге с помощью довольно традиционной в народной поэзии символики «огненного» («красного») и «белого» коней:

Солнце вспыхнуло. Подобен луч мечу.
 На лихом коне лечу, лечу, лечу...
 <...> Конь мой огненный. Нет равного ему.
 Он промчит меня сквозь бархатную тьму...
 <...> Где я? Что я? Конь мой белый. Сам я в снеге.
 Ах, не всё ли мне равно?.. (Звёздная пляска)

Сказочно-фольклорный колорит ощутим в стихотворениях «Заговор о конях» и «Царевич из сказки». В венке сонетов «Адам» белый цвет коня навевает уже апокалиптические видения:

Чьи кони мчатся? Белы эти спины
 И гривы их. Чуть слышен звук подков...

Воссоздавая образы «суровых богов Скандинавии», Бальмонт тщательным образом переводит имена их коней:

Вот конь Двоебыстрый, весь в яблоках,
 Вот конь Златоверхий, весь в золоте,
 Конь Грузный, копыто туманное,
 Конь Вихрь, легконогий размах.
 Двенадцать коней огнедышащих,
 У всех имена означительны... (Снежные боги)

Как и образ мирового древа, «бег коня» соотносится в «Ясене» с ходом мирового историко-культурного процесса, который получает очень неоднозначное художественное осмысление. В книге есть целый ряд стихотворений, охарактеризованных В. Марковым как «пробеги по векам» («В былое время», «Мёд веков», «Через века», «В потоке», «Преображение», «Знаки»).

Многоплановость, текучесть пространственно-временных отношений сочетается в них с затемнённой формой выражения авторского начала, в «монологических» стихотворениях подчас оказывается невозможным отделить «двойников» лирического героя от «ролевых» историко-мифологических персонажей. Среди «персонажных» героев явно выделяются боярыня Морозова («Превозмогшая») и ранее упоминавшийся отшельник-дендрит. Лирический герой поэта наделён вещью прапамятью, позволяющей свободно соединять разнообразие культурно-исторические пласты сознания:

Я был на зиккуратах Вавилона,
Бог Солнца жёг меня своим лучом...
<...> Я был везде. Я древле был Варяг.
Вся кровь моя есть красный путь к Валгалле...
<...> Я был жрецом на грозном теокалли... (*Преображение*)

Кроме того, он обладает «колдовским» даром перевоплощения, легко переносающим его «через века», и магической способностью «читать бесчисленные знаки, начертанные мыслью вековой» («Знаки»). Несомненная для поэта-символиста знаковая природа мира ощущается как великая тайна, во многих стихотворениях «Ясеня» причудливо переплетаются самые разные религиозно-мифологические системы единого «текста» — жизни:

Лик божий, человеческий, соколиный,
По очереди ввёл в иероглиф,
Над целым миром был я царь единый...
<...> На мне порой качалась диадема,
Я убежал от царского венца,
От Вавилона шёл до Вифлеема... (*Знаки*)

Бальмонтовский герой надеется оставить свой «знак» в этом «тексте»:

И запоздавшему столетью,
Его предчувствуя в тоске,
Черчу рассказ я тонкой сетью
На мастодонтовом клыке (*Водоворот*).

Помимо любимой поэтом символики «чисел», он постигает «волшебство» наименований, о котором писал в работе «Поэзия как волшебство»:

Есть волшебство вещей и их имён,
Есть буквенное, нет, лишь звуковое
Гадание в преджизненном покое,
Что, угадавшись, выявило сон (*Имена*).

«Верхняя» часть древа жизни органично ассоциируется в книге «Ясень» с небесным царством:

И вершину Ясеня венчая,
Сонмы нежных маленьких цветков
Уходили в небо вплоть до Рая,
По пути веков и облаков (*Под Деревом*).

Здесь доминирует символика птиц (орёл, кондор, соловей, одиноцкий ворон, солнечник-колибри), в истолковании которой можно выявить «точки соприкосновения» с книгой «Птицы в воздухе» (1908) и другими поэтическими сборниками Бальмонта.

«Рождённый от Солнца» и стремящийся к познанию «волшебных рун» лирический герой поэта проходит в книге ряд посвятительных испытаний, имеющий древнюю архетипическую основу [см. об этом: *Мелетинский 1994*: 21–32]. Наиболее остро и драматично мотив испытания прозвучал в цикле «Ордалии», навеянном знакомством поэта с многочисленными литературно-религиозными источниками, повествующими о средневековом «суде Божиим». «Ордалиями в тесном смысле называются испытания посредством огня и воды; спорящие вызвались сделать что-нибудь такое, что по естественному порядку вещей должно быть гибелью для них, но вследствие непосредственного участия Божества окажется безвредным», — поясняется

в энциклопедическом словаре «Христианство» [*Христианство 1995: 655*].

Всю книгу «Ясень. Видение Древа» завершает стихотворение «Полночь», в котором апокалиптическая тема гибели мирового древа подаётся поэтом в оптимистическом, «музыкальном» ключе.

Таким образом, в книге «Ясень» «стихийный гений» К. Д. Бальмонт неожиданно предстаёт как поэт-философ, размышляющий о трагичности судеб человеческой цивилизации. Этот «лик» поэта не получил признания у современников и не был по достоинству оценён. Ставшую преобладающей оценку «нового» Бальмонта точнее всех выразил Эллис: «Философии в стихах вообще плохая вещь, у Бальмонта же в особенности... Дар созидания идей, творчество в области разума вообще не даны ему...» [*Эллис 1996: 99*]. В Брюсов откликнулся на выход книги «Ясень» злой эпиграммой:

Мораль бывает в заключенье басен,
Нельзя ль моралью заключить и «Ясень»?
Красива осень ясеней и сосен,
Но устаревший стих несносен.

[Цит. по: *Русская эпиграмма 1988: 470*.]

Из последующих исследователей творчества поэта один В. Ф. Марков с сожалением констатировал тот факт, что «“знатоки”, с улыбкой превосходства сбрасывающие Бальмонта со счетов, просто не знают, чего они лишены» [*Markov 1992: VIII*]. Действительно, книги К. Д. Бальмонта 1910-х годов, в сущности, до сих пор остаются «непрочитанными». На наш взгляд, можно согласиться с мнением учёного: «“Сонеты” Бальмонта стоят в ряду лучших книг двадцатого века, которые можно счесть по пальцам обеих рук. А любителям “непонятных стихов” <...> мой совет — почитать “Ясень”: там много такого, на чём зубы поломать (при несомненном поэтическом качестве)» [*Markov 1992: VIII*].

ЯСЕНЬ

ВИДЕНИЕ ДРЕВА

Ибо я зачарую моё сердце, и помещу его
на вершине Древа в цветке.

Египетская сказка о двух братьях

НАВЕК

Как мыши точат корни Игдразила,
Но ясень вечно ясен в бездне дней, —
Как дым течёт из звонкого кадила,

Но счёта нет для ладанных огней,
И чуть священник приподнимет руку,
Есть фимиам, и есть мольба теней, —

Как в мире вслед чуть дрогнувшему звуку
Помчался вихрь, и вот уж вечен гром,
И дед передаёт свирели внуку, —

Как в камне скал есть звонкий водоём,
И будет петь, копя ключи для жажды,
Так буду петь о царствии твоём, —

Любовь, что я узнал во сне однажды.

СОЛНЦЕЗЕРНЬ

Когда я жил ещё на Солнце,
 Зерно средь зёрен,
И дух был в светлом волоконец,
 Никто не чёрен, —
Когда одни златые зёрна
 Себя качали,
И было всё огнеузорно,
 Нигде печали, —
Когда Земля была намёком,
 Луна виденьем,
Когда в кипенье златооком
 Всё было пеньем, —
Я между зёрен был сильнее
 В игре зернистой,
И потому люблю я, рдея,
 Мой пламень чистый.

Когда Луна была Землёю,
 Без разделенья,
Когда Земля была с Сестрою
 Одно виденье, —
Когда в могучих выдыханьях
 Растенья-звери
Тянули щупальца в дрожаньях,
 Страшась потери, —
Когда на ветровых мальстрёмах,
 Гореньем дики,
В пловучих пламенах-хоромах
 Сквозили лики, —
Я меж сновидцев был светлее,
 Как образ жгучий,
Вот почему люблю я, млея,
 Мой стих певучий.

Когда Луна, простясь с Землёю,
 Как Месяц медный,
Ушла в простор своей стезёю,
 И стала бледной, —
Когда, в Сестре увидя Брата,
 Она, тоскуя,
Постигла счастье возврата
 И поцелуя, —
Когда в любви, что так красива,
 Узнали души,
Что нет блаженства без надрыва,
 Волны без суши, —
Я меж Земных и Земно-Лунных
 Пронзён был светом,
И должен я в виденьях струнных
 Пребыть поэтом.

Когда зловещею воронкой
 Спустились духи
Туда, где гаснет пламень тонкий,
 Нет звона в слухе, —
Когда, причудливы и хмуры,
 Взросли гиганты,
Младенцеликие Лемуры,
 Огне-Атланты, —
Когда драконились узоры
 Сребристой черни,
И были пламенными взоры
 От солнцезерни, —
Когда восторг сердец был страшен,
 Любил я в гневе,
Вот почему, лишённый башен,
 Я весь в напеве.

ЧАС И ДОМ

Мне нужен час, мне нужен дом,
Чтоб мыслить мир, что жив кругом.
Мне нужно время и пространство,
Чтобы соткать ему убранство.
Мне нужен дом, мне нужен час,
Чтобы затеять свой рассказ.

Как зыбкий дом я выбрал Море,
Плыву в крутящемся просторе.
Как час назначил Полночь я,
Когда ломается струя.
Велел, пьяня миры игрою,
Быть светом тьме, быть свету тьмою.

Построив стройность пирамид,
Я знал, что час их раздробит.
Раскинув жёлтые пустыни,
Я знаю, день забрезжит синий.
И быстрый всадник на коне,
Летя к себе, летит ко мне.

Два войска — в двойственном пожаре,
Но мной — в одном они угаре.
Я рознь одна в тех двух враждах,
Я смелость их, и я их страх.
И я на тихом поле брани
Луна в колдующем тумане.

Как гусеница ест листок,
Но животворен мотылёк,
Я змей шипящий и грызущий,
И кондор Солнца, змея бьющий,
Я благовонная пыльца,
Да светит ландыш без конца.

ЗВЁЗДНАЯ ПЛЯСКА

1.

Баю-баю-баю-баю.

Я слышу песенку родную.

Всё горе мысли затаю.

Всю боль сознания зачарую.

Я в бездне звёзд узнал мою.

Нашёл в ней арфу золотую.

Баю-баю-баю-баю.

2.

Пламень тонкий

Я воронкой

Передам.

Я мелькаю,

Возникаю,

Здесь и там.

Я пьянящий,

Веселящий

Метеор.

Веря раю,

Я играю,

Зыблю хор.

Много было

Огнекрыло,

Млела мгла.

Много было,

Что могила

Вновь взяла.

Много будет,

Кто забудет

Свой исход.

Мчись, мгновенье,
Через пенье,
В хоровод.

В вихре счастья,
Сладострастья,
Крайний час.
В меж-планетных
Снах несметных
Мой рассказ.

В миг сладимый
Я незримый
Проскользну.
Я качаю,
Расцветчаю,
Жгу весну.

Радость глазу,
Я алмазу
Пламень дам.
Врину в льдины
Я рубины
Здесь и там.

В сумрак красный
Дух согласный
Мчит зарю.
Над мирами
Я громами
Говорю.

Ходом молний,
В жарком чёлне
Проплыву.
Час веселья,
Сон и хмель я
Наяву.

Я ребёнок,
Смех мой звонок,
Цвет мой ал.
Ты ли, ты ли
Этой были
Не узнал?

3.

Солнце вспыхнуло. Подобен луч мечу.
На лихом коне лечу, лечу, лечу.

Степь звенящая. И нет нигде станиц.
Птиц ли хочется? Как много в мире птиц.

Зверь ли яростный бесстрашного зовёт?
Мчи скорей к нему. Вперёд, вперёд, вперёд.

Конь мой огненный. Нет равного ему.
Он промчал меня сквозь бархатную тьму.

Видит за сто вёрст. Ушами сторожит.
И как жизнь сама, бежит, бежит, бежит.

Конь мой знающий. Узда его звезда.
Не споткнётся, не падёт он никогда.

Я куда с конём? Хоть знаю, умолчу.
Степь изведать всю хочу, хочу, хочу.

4.

Ах, как длинны эти тени. Те косые. Те кривые. Без конца.
Были длинны. Всё длиннее. Всё темнее.

Не рассмотришь их лица.

Солнце было. Грело жаром. Красным шаром
закатилось там вдали.

Всё ль изжито? Звон подковы. Стук копыта.

Путь далёкий. Путь в пыли.

Ах, как воеет этот ветер. Пыль наносит. Пылью кружит.
 Пыль метёт.
 Сколько их, песчинок малых. Сосчитать ли?
 Разгадать ли? Жуткий счёт.
 Еду. Еду. Кто я? Что я? Где я? Сплю я?
 Взор мой ищет по степям.
 Изнутри себя я вижу. И не знаю, здесь ли я или вон там.
 Странный свист несётся сверху. Сонмы малых.
 Еле зримых смутный бег.
 Шелест. Шёпот. Окаймленье. Паутина. Зов. Покров.
 Постель. Ночлег.
 Где я? Что я? Конь мой белый. Сам я в снеге.
 Ах, не всё ли мне равно?
 Я в безбрежном. Я в бездонном. В озарённом.
 Засыпаю. Утопаю. Тише. Дно.

5.

Многосозвенную змею
 Созвездья дружные сковали.
 Из грани в грань по Бытию.
 Какие лёгкие вуали
 Струят в веках свою струю.
 Как звёзды дышат без печали
 Баю-баю-баю-баю.

МЁД ВЕКОВ

Сперва я увидел, что мир есть песнопенье,
И я, дрожа, его пропел.
Потом я нараспев сказал стихотворенье,
То был вторичный мой предел.
Потом я начертал на камне заклинанье,
Перстообразный взнёс алтарь.
И круглую Луну впустил в ограду зданья,
Я был певец, колдун, и царь.
Теперь, когда прошли ряды тысячелетий,
И завершился круг племён,
Я помню эти дни, когда все были дети,
Как ясно помнишь яркий сон.
От вкрадчивой Луны ушёл к иным я чарам,
Лесной я изменил Луне.
И был как во хмелю, пьянясь цветным пожаром,
И было Солнце богом мне.
И там, где взлёты гор, где кондор верхолётный,
И там, где жёлтый сон пустынь,
Сын Солнца, мёд веков я накопил несчётный,
Богов венчая и богинь.
Ещё сменился ряд победных ликований,
И, отойдя от Пирамид,
Давно плывёт мой ум в колдующем тумане,
Вновь факел ночи мне горит.
Но не Луна, свеча и бледная лампада,
Над ветхим саваном страниц,
Меня ведут туда, откуда силой взгляда
Я вызываю сонмы лиц.
Алхимик пыльных руд, восторг пресуществленья
Из древних выманил я строк,
Я молнии велел придти из усыпленья,
И в тяжкий плуг её запрёг.
Летаю коршуном, взлетаю альбатросом,
Предвижу ход и нрав комет,
И к лунным, наконец, хочу взлететь откосам,
Все руны разобрав примет.

ЗАКОН СВЕТИЛ

Закон светил есть пляска постоянства,
Но есть звезда, которая летит
Не в правиле размеченных орбит,
Вне чисел, с пряжей строгого убранства.

От Солнца к Солнцу путь через пространство,
Внесение размерных пирамид
Сложением спокойно взятых плит,
Но есть угадка вкось, чей смысл шаманство.

Смотри в лесу, как спутаны следы
С людским умом враждующего волка,
Как конская завита Лешим чёлка.

Колдуй в ночах над люлькою воды,
Да на коврах волшебная иголка
Зазыбит лунный храм, сплотивший льды.

ОТ СОЛНЦА К СОЛНЦУ

От Солнца к Солнцу — пламень умягчённый,
Ночная лютия снов звезды к звезде, —
Я чую соответствия везде,
Я, цвет Земли, в расцвет Небес влюблённый.

Я вечно упадаю в Дух бездонный,
Всем гнётом тела, в невесомость, где
Тень череды уступит череде,
И будет тишь — как колокол всезвонный.

Я должен долгий путь пройти сполна.
Не для меня ли Демоны качали
Живую люльку вымыслов и сна?

За пеленой сомлеет пелена.
Как хорошо мне в лунной здесь печали,
Душа-невеста снегом убрана.

ИМЕНА

Есть волшебство вещей и их имён,
Есть буквенное, нет, лишь звуковое
Гадание в преджизненном покое,
Что, угадавшись, выявило сон.

Есть в бедных сёлах колокольный звон,
Есть яростность в ликующем гобое,
Их слушаешь, и хочешь слушать вдвое,
Затем, что в них угадан небосклон.

От пламеней вселенского пожара
До первых капель кроткого огня,
Что влагой стал, дождём упал, звеня, —

В сознание звуковая зрела чара,
Колодец угадания, без дна.
Так всколосились в мире имена.

ТАЙНА

Среди древнейших землеописаний
Забыт один могучий Океан,
Меж тем как самый яркий в нём обман,
И самый нежный свет, как в зыбкой ткани.

Безумна водокруть его рыданий,
Звонящей мглы пьянительный кальян
В веках тоски Земле от Неба дан,
И звёздный смысл сквозит в священной дани.

Единое из всех земных морей,
Где можно пить. И пьём мы ненасытно,
Вселенная глядит в него. И слитно

С бездонностью, наш разум, как ручей,
Лиясь из тайн, втекает в Тайну, льётся.
Тот Океан здесь Музыкой зовётся.

КАНУН

Что лучше в мечте многозвонной,
Чем полный надежды канун?
Смычок, чуть коснувшийся струн.
Любовь в предулыбке влюблённой.
Наш дух в несвершённых юн.

Что лучше, чем цветик оврага,
Цветущий на мленье снегов?
Рожденье, в камнях, родников.
Пленительна пряная брага,
Во здравие юных богов.

Что лучше родных навечерий,
С мерцанием ласковых свеч?
Восславим заветы предтеч.
Раскроем для счастья все двери.
Кто ждёт, — и дожждётся он встреч.

НАРУЧНИ

Качаюсь. Качаясь, качаю.
Тихонько и верно точу.
Скольжу по оконному краю.

В душе возжигая свечу.
Прочтя заклинанье в алмазе,
По острому острым черчу.

Вселенная — в видящем глазе.
Вселенная будет моя.
Сотрутся железные вязи.

Ветров заиграет струя.
Сорвётся оконная рама.
В утонченных наручных я.

В тюрьме. И в преддверии храма.

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

Я дошёл до звенящего дерева,
Там ветви слагались в храм.
Благовонное алое марево,
Огонь и жертва богам.
Я стоял у поющего дерева,
Был брат я шмелям и жукам.
И с пчелой устремлялся я в зарево,
Был пономарь мотылькам.

Я стихами,
И мечтою,
Молодою,
Им звонил.
Под ветвями,
Меж цветами,
Был в том храме
Звон кадил.
Я с Весною,
Как струною,
К свету, к зною
Говорил.
Были взоры,
Разговоры,
Были хоры
Нежных сил.
Я с осою
Полосою
Нижних воздушных летел.
Я смеялся,
Расцветался,
Забавлялся,
Как хотел.

Вот с пчелою отягчённой
В улей сонный я лечу,

В улей звонный, отдалённый,
Держим путь мы по лучу.
Вот и бронзовка, с крылами
Как златистый изумруд,
Зеленея над цветами,
Потонула в гулком храме,
Радость в песне, Солнце с нами,
Здравствуй, бронзовка, я тут.

И в этих чашах,
И в этих куцах,
Ветвей поющих,
И пчёл звенящих,
В благоуханье,
И в озаренье,
В оцепененье,
И расцветанье,
Упившись мёдом,
Первичным млекоом,
Я с вешним годом,
Нечеловеком, —
Нечеловеком,
По тайным всходам,
Лечу и рею,
И разумею.
Мечтой моею
Всхожу к порогам
Иного сада,
Иного лада,
Иного строя,
Где заодно я
С Всесильным Богом,
Мы Вечность мерим
Весенней птицей,
Весёлым зверем,
Их вереницей,
Лучом, зарницей, —

Средь снов текущих,
С пчелой летящей
Сквозистой чащей
Ветвей цветущих,
Я в райских кущах,
В Весне манящей
Я стих звенящий.

ЗВЕРЬ-ЦВЕТОК

Веда как бы расплавленным металлом,
Хочу в стихе я вывести узор.
Есть зверь-цветок, зовущийся кораллом.

Цветок с цветком, поёт безгласный хор.
Они растут согласными чертами,
Слагая титанический собор.

На кратере потопшем, чередами,
В столетиях свою свивая цепь,
Восходят звери мерными рядами.

Их мысль, и хоть, и сон, и явь, и лепь
Сцепляются. Их белые скелеты
Лазурь волны преображают в степь.

В лагунах изумрудом млеют светлы.
Ещё усиле тысячи цветков,
И остров встал, кораллом Солнцу спетый.

Твердыня встала круглых островков,
В их круге тишь зеркальная лагуны,
Псалом, зверями вылепленных, слов.

А Океан кругом рождает струны,
Бросая волны сонмами лавин.
Изваян перстень, вложены в нём руны.

В морях миров ход творчества един.

Я ИГРАЮ БЕРЕГАМИ

Я играю берегами,
Рыбаком идя по ним,
Обсуждаю с облаками,
Пламень глянет ли сквозь дым.

И когда, как ночи, тучи
Вдоль драконят свой объём,
Голос облака могучий
Я включаю в слово — Гром.

Увидав, как в беге пьяном
Пляшут синие валы,
Глубь я назвал — Океаном,
И морям пою хвалы.

Месяц с Солнцем — я венчаю,
Месяц должен быть женат,
Без жены я сам скучаю,
И всегда обняться рад.

Слыша шелест меж листьями,
Видя в ветре шаткий лист,
Шелестящими устами
Я сложил свой первый свист.

А за первым миллионный
Страх возник, любовь, восторг,
Я во впадине уклонной,
В горле, воздух слов исторг.

Ветры, птицы, травы, звери
Были б только тенью сна,
Если б им, в различной мере,
Не пропел я имена.

В пляске мысли веря играм,
Всем зверям веду я счёт,

Тигр скажу, и вот я с тигром,
Молвлю слон, и слон идёт.

В мигах звуком мир угадан,
Нить дана золотая мне,
Вьётся, курится, как ладан,
А клубок — в другой стране.

ЛАРЕЦ

Сквозь чёрную сетку стволов и ветвей,
И редкое кружево листьев зелёных,
Я вижу, как серый поёт соловей,
И вижу я песню в чуть зримых уклонах.

Всем телом в напев — как изваян, как влит,
Приподнял головку флейтист затаённый,
То шире, то уже он горлом свистит,
Ручьятся журчанья свирели влюблённой.

Он странно мне близок, угадчик-певец,
Я помню столетий минувших апрели,
Близ птицы в себе ощутил я ларец,
В волшебном сокровища звуков звенели.

Широкое А, и глубокое У,
И смутное М, вместе с Л во влюбленье,
Сливались, — тебе закричал я «Ау!»
И мы целовались, узнав себя в пенье.

НЕМОЙ УРАГАН

В руках Математика — вихри, он может разлить их в циклон,
И вдруг, еле видимым знаком, смиряет разнuzданность он,
Пожар числовой размещает, качает немой ураган,
И звёзды в бездонности слышат, что путь им в размерности —
дан.

ВЕТВИ

Дендриты, ветви, древовиды.
Идут, за ликом лик лова,
От подземельного червя
До чарования Изиды.

Ветвятся руки и росток,
Крестообразно мирозданье,
Пылинки, чарой сочетанья,
Мы сложим в каменный поток.

Нагромоздим любовь, обиды,
Слова, поэмы, царства, сны,
Тысячелетья тишины,
В тени Закатной Пирамиды.

ВОДОВОРОТ

Люблю чуть зримых малых тварей
Линейно-прихотливый вид.
Геометризм радиолярий
О вихре солнц мне говорит.

Реснички хищных инфузорий,
Проворных жгутиков игра,
Мне говорят о звёздном хоре,
И что любить всегда пора.

А жук-олень, то в праздник юный,
Средь полчищ малых, мастодонт.
И вот, я чувствую, как струны
Через весь проходят горизонт.

И запоздавшему столетию,
Его предчувствуя в тоске,
Черчу рассказ я, тонкой сетью,
На мастодонтовом клыке.

КОЛДУЮЩИЙ

Зелёный свет неявственно мелькал,
Когда в лесу стоял я в грёзе сонной —
На ветке, с веткой в млени созвонный,
Тот изумруд вдруг становился ал.

Чуть зримый пламень вкось перебежал, —
Как бы дракон, стократно уменьшённый,
Лиловел, — извивался позлащённый, —
Был серым, как крысиный отсвет скал.

Я посмотрел своим дремотным взором
Внимательный, — был вновь зелёным он,
Колдующий, как зверь живущий, сон.

Горел опять оранжевым убором.
Так в первый раз, — напев согласный с хором, —
На древе мне предстал хамелеон.

КРАСОТА

Красота — это радостный возглас Природы,
Красота — это тихий восторг Вещества.
В избыльи разлитые вешние воды,
Переходы скалы, что несчетные годы
Говорят безглагольные руны-слова.
И в пещеру взойдёшь лишь на краткость мгновенья,
Но так явственно знаешь — пещера жива,
Вот к звену зазмеилися новые звенья,
Помолчишь, поглядишь, надвигается пенье,
Загораются мысли, колеблясь едва.
От пещеры к душе проскользнёт откровенье,
И молчание скал отчеканишь в слова.

ЛИНИЯ ПРИРОДЫ

Как льётся линия Природы,
 Прямою или кривизной?
Взгляни на гор гранитных своды,
 Склонись над зыбкою волной, —
Поймёшь, что линия Природы
 Должна каприз изведать свой.

И если есть ещё сомненье,
 Что нужно волю дать мечте,
Следи, как птичек льётся пенье,
 Как ходят громы в высоте,
Молниеносно убежденье,
 Змеиный ход ведёт к мете.

МОЛЧАНИЕ

Молчанье выделяется — из сосен ночных,
И в грёзе отражается — как спетый стих.
То чьё стихотворение — в дремоте ночной?
Не ведаю — но пение меж ветками и мной.

Под солнцем ослепительным — в жужжанье пчёл
И в пенье птиц пленительном — я звуки к числам свёл.
Но было то игранье — не так, как сейчас,
Сейчас поёт молчание и мой глядящий глаз.

Безгласно тени тянутся — от сучьев сосны,
Но взоры не обманутся — в них звон струны.
И глаз ласкает взорами — всю музыку ветвей,
А сверху вторят хорами — планеты мглы моей.

ВЕРНЫМ ПУТЁМ

Путём соответствий,
До пленительных следствий,
Из дробящихся чисел могучий извод, —
Я рею рядами,
Прохожу чередами,
Довожу до свиданья вселенских свобод.

ЧЕТЫРЕЛИКИЙ

Дух и воля — это ветер, что свистит в крылах орла.
Дух с высот причинно веет. Вечность есть и жизнь была.

Страсть и сила — это лики льва и жаркого быка.
Ярки розы красной крови. Сила голоса громка.

Дух крылатый, львинотелый, быкогрудый Сфинкс твердит:
«Знаешь тайну? Помнишь Вечность? Знаешь тайну Пирамид?»

И не знаю что, я знаю, иль не знаю тайну я.
Но во мне есть дух орлиный, и тверда душа моя.

И не знаю, что я помню, иль не помню смыслы плит.
Но как Апис, гордый Апис, весь мой дух огнём горит.

И не знаю что, спугну я чару тьмы, иль не спугну.
Но для всех вещаний Мира я нашёл в душе струну.

Возле Сфинкса тихо мысля, невдали от Пирамид,
Я смотрю, как в час заката Небо заревом горит.

И пока пески Пустыни рдеют, словно тени роз,
Я, смотря со Сфинксом в дальность, не боюсь ничьих угроз.

ЗВЕРИНОЕ ЧИСЛО

Да не смутит несведущих сегодня
То, что им было ведомо вчера.
Не праздная в моих словах игра,
И каждый зверь есть стих и мысль Господня.

Я тех люблю среди зверей земли,
Те существа старинные, которым
Доверено священным договором,
Чтобы они как вестники пришли.

Меж птиц мне дорог Одиновский ворон, —
Его воспел сильнейший в знанье чар,
Среди земных болид небес, Эдгар,
В веках тоски рунический узор он.

Мне дорог Нильский демон, крокодил,
Которому молилась Египтянка,
Желанна мне Яванская светлянка,
Мне дорог путь от мошки до светил.

Наш соловей, как рыцарь, слит с Луною,
С Венеры прилетела к нам пчела,
Змея из Преисподней приползла,
Был послан с ветвью мира голубь к Ною.

И кит был нужен в повести земной,
Лик Вечности являет черепаха.
Моя душа — внимательная пряха,
Кто в пряху слов проник, тот мудр со мной.

ОТ ПРЕДЕЛЬНОСТИ

Заколдованная воля в вещество вошла.
Тяжела людская доля — быть в цепях Добра и Зла.
Зачарованная сила завлеклась собой.
Всё, что будет, всё, что было, сказка Глуби Голубой.
Мы опять изменим лики, спрятав седину.
Наши замыслы велики, мы должны встречать Весну.
Разрушая изваянья, мы ваяем вновь.
Ты, в которой всё — сиянье, брачный день свой приготовь.
Мы опять увидим степи там, где города.
Разрушая наши цепи, мы поём: «Живи, Звезда».
Мы в степях, где день погашен, возведём шалаш.
Мы опять с безмерных башен возгласим, что праздник — наш.
Тяжела людская доля — камни громоздить.
Нет, легка. Светла неволя, если разум крутит нить.
Чрез столетья пробуждая сам себя в веках,
Вижу я рожденье Мая в первозданных лепестках.
Здесь я помню, хоть неясно, что дышал я — Там.
О, тебя, что так прекрасна, никому я не отдам.
Здесь стою я на пороге, веря в звёздный счёт.
Говорят, что сказка Боги. Вон, я вижу их полёт.

СКАЗКА МЕСЯЦА И СОЛНЦА

Юноша Месяц и Девушка Солнце знают всю длительность мира,
Помнят, что было безветрие в щели, в царство глухого Имира.
В ночи безжизненно-злого Имира был Дымосвод, мгlistый дом,
Был Искросвет, против Севера к Югу, весь распалённый огнём.

Щель была острая возле простора холода, льдов, и метели,
Против которых, в багряных узорах, капли пожара кипели.
Выдыхи снега, несомые вьюгой, мчались до щели пустой,
Рдяные вскипы, лизнувши те хлопья, пали, в капели, водой.

Так из касания пламени с влагой вышли все разности мира,
Юноша Месяц и Девушка Солнце помнят рожденье Имира.
Капля за каплей сложили огромность больше всех гор и долин,
Лёг над провальною щелью тяжёлый льдов и снегов исполин.

Не было Моря, ни трав, ни песчинок, всё было мёртвой пустыней,
Лишь белоснежная диво-корова фыркала, нюхая иней.
Стала лизать она иней солёный, всюду был снег широко,
Вымя надулось, рекой четверною в мир потекло молоко.

Пил, упивался Имир неподвижный, рос от обильного пира,
После, из всех его членов разъятых, выросли области мира.
Диво-корова лизала снежинки, соль ледовитую гор,
В снеге означились первые люди, Бурэ и сын его Бор.

Дети красивого Бора убили злого снегов исполина,
Кости Имира остались как горы, плоть его стала равнина.
Мозг его тучи, и кровь его Море, череп его небосвод,
Брови угрозного стали Мидгардом, это Срединный Оплот.

Прежде всё было бестравно, безводно, не было зверя, ни птицы,
Раньше без тропок толкались, бродили спутанно звёзд вереницы.
Дети же Бора, что стали богами, Один, и Виле, и Ве,
Звёздам велели, сплетаясь в узоры, лить серебро по траве.

Радуга стала Дрожащей Дорогой для проходящих по выси,
В чащах явились медведи и волки и остроглазые рыси.

Ясень с осиной, дрожа, обнимались, лист лепетал до листа,
Один велел им быть мужем с женою, первая встала чета.

Корни свои чрез миры простирая, висится ствол Игдразила,
Люди как листья, увянут, и снова сочная тешится сила.
Быстрая белка мелькает по веткам, снов паутинится нить,
Юноша Месяц и Девушка Солнце знают, как любо любить.

СНЕГОВЫЕ РУНЫ

Эти грузные стропила Скандинавского мышленья,
Замороженные глыбы дико вытянутых льдин,
Воздвигают храм нестройный, где лишь бури слышно пенье,
Где лишь ветер, снежный ветер, ветер царствует один.

Так ли? Так ли? Тот, кто видел, как крутится над снегами
Изворотливая вьюга на предвечном берегу,
Он усмотрит оком сердца, что полярными ветрами
Руны полные догадки начертились на снегу.

СНЕЖНЫЕ БОГИ

Я вижу их в сумерках утренних,
Суровых богов Скандинавии,
В дыхании воздуха зимнего
Все едут они на конях.
Вон конь Двоебыстрый, весь в яблоках,
Вон конь Златоверхий, весь в золоте,
Конь Грузный, копыто туманное,
Конь Вихрь, легконогий размах.

Двенадцать коней огнедышащих,
У всех имена означительны,
Конь Блеск между ярких блистателен,
Острийный меж скорыми скор.
У каждого бога есть пламенник,
Скакун, не знакомый с усталостью,
Лишь Бальдера конь весь был пламенем,
Лишь пешим громовник был Тор.

Куда они едут, могучие?
Куда устремляются строгие?
Что манит к себе ослепительных,
Огнём удвояя их блеск?
Кто скажет? Но льдины ломаются,
Утёсы гремят перекличками,
Пещеры откликнулись звонами,
В деревьях слышался треск.

Три корня у Древа всемирного,
Один до Богов устремляется,
Другой к Исполинам драконится,
А третий идёт в Дымосвод.
Под третьим змеиная ямина,
Оттуда родник пробивается,
Там влажная мудрость качается,
Кипит и горит и течёт.

Кто этой воды прикасается,
Тот молод и миг и столетие,
Он бросится свежим в сражение,
Он любит всё в первой любви.
Сам Один так жаждал той мудрости,
Что отдал свой глаз за глоток её,
Двенадцать богов устремительных
Желают омыться в крови.

САГИ

Скандинавские саги, железные саги,
Вы обрызганы пеной шумящих морей,
И мерцают в вас слёзы, и капли той влаги,
Что гореньями красными мучит людей,
Пробегая в их жилах скорей, всё скорей,
Навевая им жажду открытий сокровищ,
Прогоняя их вдаль от родимых домов,
Научая сердца не бояться чудовищ,
Подучая их жечь всякий дом, каждый кров,
Говоря им, что нет им иного закона,
Чем движенье волны, устремленье ветров,
И качанье ладьи, рокового дракона, —
Чёрный дуб, что познал остриё топоров, —
Сага Эйрика, сага Сигурда, Ниаля,
Бормотание Норн, через клёкоты в речь,
Кругозвучность морей, что ликует, печалая,
Предрешённый пожар, и решающий меч.

САГА

1.

Черту змеиной единя чертой,
Течёт ручей, чья чудотворна влага.
В нём боги пьют. В нём мудрость и отвага.
Огонь, венчанный с свежею водой.

Напиток вдохновенный и святой,
Из недр земли исторгнутая брага.
На берегу сидит и грезит Сага,
Пьёт с Одином из чаши золотой.

Ручей втекает в пенистое Море,
Туда плывёт, весь вырезной, дракон,
Корабль-костёр, в лазоревом просторе.

Там мёртвый Бальдер. Умер, умер он.
И волны вторят в долгом разговоре:
Бог Солнца, Бальдер, будет возрождён.

2.

Она сидит, задумавшись глубоко,
Сестра богинь, чей дар священный — речь.
С ней рядом Один. Опершись о меч,
Вперяет в даль единственное око.

Дремотна Сага. Все решенья Рока
Ей ведомы. Исход и ход всех сеч.
Весь обиход людей, разлук и встреч,
Всё бережёт она в размерах срока.

Из пряжи снов немую нить продлив,
Завяжет в страшный узелок из дрёмы.
Сплетёт из слов высокие хоромы.

Взирает Один строг и молчалив.
И вдруг с плаща в рассказ уронит громы,
Чтоб был конец и грозен и красив.

ЛЕТОПИСЬ ЛИСТЬЕВ

Когда на медленных качелях
 Меняли звёзды свой узор,
И тихим шёпотом, в метелях,
 Вели снежинки разговор, —
Когда от северных сияний
 Гиганты Ночи не могли
Заснуть, и ёжились в тумане,
 Во льдистой колющей пыли, —
Когда хрустением сердитым
 Перекликались по векам,
Над Океаном ледовитым,
 Материки к материкам, —
Когда в чертах тупых и острых
 Установились берега,
Возник священный полуостров,
 Где вещи до сих пор снега.
Доныне зимы там упорны,
 Но нежны помыслы весны,
И до сих пор колдуют Норны,
 В час ворожащей тишины.
Когда, ещё без счёта, ночи
 Не отмечались там никем,
И не был слышен смех сорочий,
 И лес без певчих птиц был нем, —
Когда в молчании Природы
 Та пытка чувствовалась там,
Что в тесный миг вещает роды,
 Ведёт по узким воротам, —
Осина, в бледности невольной,
 Вдруг вспела шаткою листвою,
И перепевом, крепкоствольный,
 Отбросил ясень шёпот свой.
О чём два дерева шептали,
 Какая тайна в них была,

Лишь знает Солнце в синей дали,
Лишь помнит Месячная мгла.
Но ясень мужем стал могучим,
Осина нежною женой.
А в тот же час, по чёрным тучам,
Гроза летела вышиной.

И разорвавшиеся громы,
И переклички всех ветров,
Молниеносные изломы,
Ниспали в ёмкость голосов.
Они возникли отовсюду,
Из ямин, впадин, и пещер,
Давая ход и волю гуду,
Меня звуковой размер.
Всё было вскрытье льда, дрожанье,
Вся разорвалась тишина,
От комариного жужжания
До рёва ярого слона.
А ясный муж смотрел, любуясь,
На синеглазую жену,
Ещё не зная, не целуясь,
Но, весь весна, любя весну.
И был в их душах перешёпот,
И оцупь млеющих огней,
Как будто самый дальний топот
В века умчавшихся коней.

ПРОЗРЕНЬЕ

Бездонно Небо, но бездонна
Вдвойне — бездонная душа.
Всего достигну непреклонно,
Познав, что Вечность хороша.

Свивая в винт свои мгновенья,
Дам ход живому кораблю.
Весь мир вберу в моё прозренье,
Затем что я весь мир люблю.

УТРО ЗЕМЛИ

Мне нравится Утро Земли во всей красоте безобразий,
В нём глыба до глыбы ползёт. Завопил, полюбив, мастодонт.
Сто вёрст для мазурки громов. Чимборасо для сказок в алмазе.
И ящеры в семь этажей. И везде без людей горизонт.

В БЫЛОЕ ВРЕМЯ

В былое время я жил богато,
 Ходило Солнце вокруг меня,
И от восхода вплоть до заката
 Лишь мне струило ток огня.
Планеты в небе свивали тропы
 Не в празднолюбии пустом,
А чтобы мог я знать гороскопы,
 И в мире верным шёл путём,
В былое время и со зверями
 Имел я краткий разговор,
Скажу: «Придите», — и шли стадами,
 Какой тут мог быть с ними спор,
Они же сами ведь разумели,
 Что имена пропел им я,
Что лев быть должен лишь в львином теле.
 А раз змея, так ты змея.
И если в лапе прорез занозы
 Иной злосчастный чуял лев,
Ко мне смиренный, и чужд угрозы,
 Он шёл, как овцы ходят в хлев.
Играл я в войны, — и шли кометы,
 Я был подвижник, брошен лук, —
И был как столп я, весь в мох одетый,
 Гнездилился дрозд в ладонях рук.
В былое время я весь был в Боге,
 Был длань, и меч, и тишь, и страсть,
А ныне вечно лишь на пороге,
 Чего-то в чём-то только часть.

ТОТ ПРЕДОК

Тот предок был такой же, как гиббон,
Но не гиббон, а брат гиббона сводный,
Средь обезьян властитель благородный,
Взлюбивший в ветках тихий листозвон.

К ветрам любил прислушиваться он,
К журчанью птиц, к игре волны свободной,
Во всём искал он цепи звуков, сходной
С тем, что ему привиделось как сон.

Он первый поднял голову высоко,
И беспричинно так её держал,
Вверху был круг, велик, лучист, и ал.

Как исполина огненное око,
Он вдруг запел, себя пугаясь сам.
Так звук Земли раскрылся Небесам.

РУКА

Благословляю обезьянью руку,
Хоть страшны мне движения её,
Затем что, вдохновение своё
Забыв, она утратила науку.

Среди древнейших полуобезьян
Был некто ставший получеловеком.
Зверьми он сопричислен был к калекам,
Не мог он ползать и прямил свой стан.

От предка ли я отрекаться буду,
Пусть был четырёхрук он и мохнат?
Рука есть воплощённый в ошупь взгляд,
Рука есть мост к свершению и чуду.

К оттенкам чувства приурочив звук,
Он ключ нашёл для полнозвучной гаммы,
Его должны включить в великий храм мы,
Да молится деянью предка внук.

Благословим тот лик, тот мозг, ту руку,
Она схватила молнию в веках,
А после, бога чувствуя в руках,
Потомок подарил циклоны звуку.

ЗАКАТНАЯ ПИРАМИДА

Улетели священные ибисы,
Не алеют озёра фламингами,
Пронеслись Австралийские лебеди,
Апокалипсис птичий свершён.
И не скажут о Духе нам голуби,
Не расскажут нам детского ласточки,
Только где-то поют пересмешники,
Перепев, перезвук, перезвон.

Не восходят над Нилом папирусы,
Не приветствуют Горуса лотосы,
Только пепельно-чёрные ирисы
Расширяют испуганный глаз.
Да кровавятся тени закатные,
Расцветают Пустыню вечернюю
И о Сфинксе, когда-то вещательном,
На песках вышивают рассказ.

АЛЫЙ ИЗУМРУД

Птичка алый изумруд
Распевает, да не тут,
Не над нашими полями,
А за тёплыми морями.

Почему её зовут
Птичка алый изумруд?
Вся она — как лист зелёный,
Голос — ангельские звоны.

Вся зелёная она,
А на грудке два пятна,
В честь востока и заката
Два зажжённые граната.

Легкокрылая она,
Запоёт, дрожит струна,
Точно лунный дух печальный
В церкви молится хрустальной.

Если алый изумруд
Люди в клетку закуют,
Вмиг погаснет без возврата,
Нет листка, и нет граната.

СОЛНЕЧНИК

Есть солнечник-колибри. Птичка эта
 В своё гнездо влетает красный мох.
В Бразилии, в стране цветов и света,
 Она жужжит, и любит птичку Бог.

Под самкою яички ярко-красны,
 Самец летит, как брошенный рубин.
Так меж собой во всём они согласны,
 Как будто мир есть красный цвет один.

Всего охотней в алый час заката
 Они жужжат, касаясь лепестков,
И венчиков, где ладан аромата
 Исходит из цветочных огоньков.

Когда же кровь колибри, кровь живая,
 Ему споёт, что крайний час настал,
Взлетает к Солнцу птичка, догорая,
 И в этот день закат особо ал.

ТИИ-ВИТ

Эта птичка-невеличка,
 По прозванию тии-вит,
Точно быстрая ресничка,
 И мелькает и глядит.

«Тии-вит» и «Тии-вити»,
 Клювик дрогнул, клювик сжат.
На короткой тонкой нити
 Две-три бусинки дрожат.

Эта птичка-невеличка,
 С ней наверно ты знаком,
У неё гореть привычка
 Алым малым огоньком.

В дни, когда всё было внове,
 Жизнь была как чудо чуд,
У неё три капли крови
 Расцвели и всё цветут.

Эта птичка знает чары,
 Промелькнув огнём в кусте,
В небе выманить пожары,
 Вызвать громы в высоте.

Чуть раздастся троекратно
 «Тии-вити, тии-вит»,
Ветры встанут всеохватно,
 Туча с молнией летит.

И, склонив головку влево,
 Смотрит птичка тии-вит,
Как под звук её напева
 Дождь идёт, и гром гремит.

МИГ БЛАГОВЕСТИЯ

Я куколка. Я гусеница.
Я бабочка. Не то. Не то.
Одно лицо, и разны лица.
Я три лица, и я никто.

Я точка. Нить. Черта. Яичко.
Я семечко. Я мысль. Зерно.
В живой душе всегда привычка
В веках вертеть веретено.

Я детка малая. Глядите.
Зеленоватый червячок.
Мой час пришёл. Скрутитесь, нити.
Дремать я буду должный срок.

Меня не трогайте. Мне больно,
Когда до люльки червяка,
При виде искуса, невольно,
Коснётся чуждая рука.

Как малый маятник я вправо
И влево выражу, что сплю.
Не троньте. Сон мой не забава,
Но я подобен кораблю.

Я храм. В мой самый скрытый ярус
Ударил верный луч тепла.
Корабль, дрожа, раскрыл свой парус.
Весна красна. Весна пришла.

Крыло есть признак властелина.
Был жизнетворческим мой сон.
Я око синее павлина,
Я желтокрылый махаон.

Будя полётом воздух чистый,
И поникая над цветком,

Целую венчик золотистый
Я задрожавшим хоботком.

Миг благовестия. Зарница,
Животворящая цветок.
Не куколка. Не гусеница.
Я бабочка. Я мотылёк.

ЦАРЬ-ТРАВА

Чтоб с Царь-Травы взять чем она богата,
И тайное в ней воспрять добро,
Её повинен пронимать сквозь золото,
Иль в круге досягнуть сквозь серебро.

Ту Царь-Траву не всяк, кто ищет, встретит,
А кто её нечаянно найдёт,
Как бы берёзку тонкую заметит,
Вдруг нет её, и где, ищи хоть год.

Но если довелось тебе, случайно,
Вплотную к стройной стати подойти,
Поймёшь, что есть здесь огненная тайна,
И золотом круг с проворством очерти.

Иль серебром. В нём Месяц. Солнце в злате.
Коснись травы, дыханье затая,
Коснёшься в ней глубинной благодати.
Твои — цветы, коль Царь-Трава твоя.

КРАСА ЦВЕТКА

Краса цветка нерукодельная,
Весь цвет свой Богу отдаёт,
И для пчелы, как чаша цельная,
Хранит в себе душистый мёд.

Среди смарагдов, что качаются
Полднемным Солнцем горяча
В лугах, где мысль и мысль встречаются,
Горит цветочная свеча.

Когда же Ночь подходит чёрная,
И звёзды высыпят, спеша,
Им ладан льёт нерукотворная
Себя отдавшая душа.

ОТРАЖЕНИЕ

Немой затон задумался, без дна,
Хоть может быть есть где-то дно, глубоко,
Молва его зовёт Морское Око,
Моря ушли, но память их верна.

В том озере морская тишина,
Изысканная грёза одинока.
Так в мире захотела прихоть Рока,
Хрустальная безгласна пелена.

С высот в затон глядится Месяц сонный,
Отображённый лик преображён,
Колдун безумных, вещей, дев, и жён.

Прядут мгновенья в тишине всезвонной
Действительность и тканый воздух сна.
Прекрасен разум, в зеркало влюблённый.

САД

В начальных днях сирень родного сада,
С жужжанием вокруг неё жуков,
Шмелей, и ос, и ярких мотыльков,
Есть целый мир, есть звёздная громада.

Увита в хмель садовая ограда,
Жасмин исполнен лунных огоньков,
А лето с пересветом светляков
Как служба ночью в храмах Китеж-Града.

Он нашим был, весь этот дружный лад
Сплетений, пений, красок, очертаний,
Где был певуч и самый звук рыданий.

В хрустальной глуби музыка услад,
Ушла в затон созвенность стройных зданий,
Но счастлив тот, кто в детстве видел сад.

МЁД

Мне нравились весёлые качели,
Пчела, с цветка летящая к цветкам,
Весенний смех и пляс и шум и гам,
Хмель Солнца и созвездий в юном теле.

Но чаши, золотея, поредели.
Мне нравится молчащий гулко храм,
А в музыке, бегущей по струнам,
Глубокие тона виолончели.

Как много убедительности в том,
Что говорят играющие струны:
Не юноши, а мы с тобой здесь юны.

Свирель журчит, слабея, за холмом,
А к нам идут колдующие луны,
И мёд густой есть в улье вековом.

САРАСВАТИ

На перьях многокрасочных павлина,
Святого Браммы мудрая жена,
Сидит, — в руке у Сарасвати вина,
На вине светит каждая струна.

Ещё стоит на лотосе она,
Всей Индии священная картина,
Глаза миндалевидные без дна,
Цветок мечты, в нём пламень сердцевина.

Богиня пляски, музыки, и слов,
Что ткут стихи в словесном поцелуе,
Медвяный гимн из мировых основ.

С ней, краснопевной, мир наш вечно нов.
Звени, струна, шепчитесь, вихри, струи,
В многосиянье радужных тонов.

ПЕНИЕ

Я был над Гангом. Только что завеса
Ночных теней, алея, порвалась.
Блеснули снова башни Бенареса,

На небе воссиял всемирный Глаз.
И снова, в сотый раз, — о, в миллионный, —
День начал к ночи длительный рассказ.

Я проходил в толпе, как призрак сонный,
Узорной восхищаясь пестротой,
Игрой всего, созвенной и созвонной.

Вдруг я застыл. Над самую водой,
Лик бледный обратя в слезах к Востоку,
Убогий, вдохновенный, молодой, —

Возник слепец. Он огненному Оку
Слагал, склоняясь, громкие псалмы,
Из слов цветных сплетая поволоку.

Поток огня, взорвавшийся из тьмы,
Светясь, дрожа, себя перебивая,
Дождь золотой из прорванной сумы, —

Рыдала и звенела речь живая.

И он склонялся,
И он качался,
И расцветался
Огнём живым.
Рыдал, взметённый,
Просил, влюблённый,
Молил, смущённый,
Был весь как дым.

Размер меняя,
Тоска двойная,

Перегоня
Саму себя,
Лилась и пела,
И без предела
Она звенела,
Слова дробя.

Страдать жестоко,
По воле рока,
Не видя Ока
Пресветлых дней, —
Но лишь хваленье,
Без мглы сомненья,
Лишь песнопенья
Огню огней.

Привет — пустыням,
Над Гангом синим
Да не остынем
Своей душой.
Слепец несчастный,
Певец прекрасный,
Ты в пытке страстной
Мне не чужой.

И если, старым,
Ты к тем же чарам,
Сердечным жаром,
Всё будешь петь, —
Мысль мыслью чуя,
Вздыхнув, пройду я,
К тебе в суму я
Лишь брошу медь.

ИНДИЯ

С вершин небес упал на землю Ганг.
И браманы в нём черпают отвагу
Читать миры, смотря умом во влагу.
Там, за холмом, томится гамеланг.
Раскрытый лотос — достоверность дара.
В той чаше голубое есть вино,
Глядящему упиться им дано.
Готовит Солнце празднество пожара.
Мечта звенит. Священный вьётся дым.
Как хорошо быть в ладе с Мировым.

ТАНЕЦ ИСКР

Лунный свет, расцветший над водою,
Златооких полный огоньков,
Он горит звездою молодою,
Белый лотос в тридцать лепестков.

На заре приходит Индианка,
Нежит тело смуглое в волне,
А поздней крылатая светлянка
Танец искр ведёт как по струне.

Но струне извилистой и странной,
Как в ноже Малайском лезвиё,
Как извивы губ моей желанной,
Как любовь, где всё моё — твоё.

Переливы, срывы, и отливы,
Погасить, чтоб вновь сейчас зажечь.
Это ль, в час, когда все сны красивы,
Не души к душе живая речь.

Белый лотос тридцать белых крылий
Развернул и смотрит в водоём,
Расцвети же, лучшая из лилий,
В танец искр мы два огня сольём.

ВЕНЧАНИЕ В СТРАНЕ ЛОТОСА

Когда нареченную
Должны отвести к жениху в предназначенный дом,
Её омывают душистой водой, чтоб отдать совершенную,
Настой из цветов заправляют пахучим и нежным плодом.

Чуть сумрак ответится,
Как пчёлы облепят цветок, к ней подружки спешат,
Над юною плотью душистое таинство реет и деется,
Да к нежности нежность на праздник любви принесёт аромат.

Ее пристыжённую
Потом облакают в нетронутый свежий покров,
Сажают её у огня, чтобы он озарил благовонную,
И чуть прикоснётся огня, ублажают высоких богов.

Горят возлияния
Весёлому Агни, и Соме, что лунно пьянит,
Гремучему Индре, и Митре, что мечут по небу сияния,
И каждый уважен здесь бог, что в напевных веках именит.

И девами юными
Жених окружённый навстречу желанной идёт,
Два сердца поют и звенят переливными звонкими струнами,
И, зеркало в руку ей дав, говорит он, что в травах есть мёд.

Над ними сверкание,
Меч старшие держат, и смотрит жених на Восток,
И смотрит невеста на Запад, и в этом завет предвещания,
Что видят они две зари и в один сочетают их срок.

И млеет влюблённая.
И млеет влюблённый, венчанные в счастье идя,
«Я — ты», говорит, «ты же — я», «Небо — я,
ты — земля благовонная».
И сыплются зёрна на них, как весенняя пляска дождя.

ДЕОДАР

В моей Индусской роще есть древо деодар,
Своим стволом смолистым восходит в высь оно,
Его расцвет походит на призрачный пожар,
Голубоваты ветви, внизу у пня темно.

Зовётся древом Солнца то древо деодар,
Ещё зовётся мощным, и древом чистоты,
Но из ствола исходит неволящий угар,
И паутинят ветви для душ силки мечты.

Восходит стройным кедром то древо деодар,
Как руки в час молитвы, идут ряды ветвей,
Но кто лесных коснулся густых смолистых чар,
Тот древу деодару отдаст всю пряжу дней.

ДО РОЖДЕНИЯ

Ещё до рожденья, к нам в нежное ухо
Нисходит с лазурного неба эфир, —
Оттуда имеем сокровище слуха,
И с детства до смерти мы слушаем мир.

Ещё до рожденья, от Солнца нисходит
Утонченный луч в сокровенный зрачок, —
И ищет наш глаз, и часами находит
Небесное в буквах всех временных строк.

Ещё до рожденья, взлелеяны светом
И мглами и снами различнейших лун, —
Мы стройно проходим по разным планетам,
И в звёздные ночи здесь разум наш юн.

Земные, небесны мы в сказочной мере,
Но помним лишь редко тот виденный сон, —
Ещё до рожденья, ещё на Венере,
В тебя я, о, сердце, был звёздно влюблён.

СОНЕТНОЕ ТЕЧЕНИЕ

Когда в стихе сонетное теченье,
Быть может ты споёшь и не сонет,
Но по игре чуть видимых примет
Узнаю я его предназначенье.

Волна к волне всегда полна влеченья,
Из глаз в глаза всегда доходит свет,
Яви в зрачках таинственный обет,
Навек меж нами будет обрученье.

В сплетенье строк такая ж тайна есть,
Как между обручением и свадьбой,
Меж липой и старинною усадьбой.

Терцинное сейчас дополню шесть,
И хоть меняю рифму для каприза,
Сонет, как жрец, здесь выткалась вся риза.

КОЛЬЦО

В пиру огней я кравчий был и стольник,
Смотря в алмаз узорного кольца.
Повторный в нём горел восьмиугольник,
И блеск перебегал там без конца.

Люблю многоизменчивость лица,
Перед которым вольный я невольник.
И россыпь грёз, кующих круг венца,
И быстрых слов рассыпанный игольник.

Четыре есть стихии в Мировом,
А здесь в алмазе дважды есть четыре.
Игла иглу, остря, торопит в мире.

В кольце намёк на молнию и гром.
Огни растут. Поток лучей всё шире.
И все поют: Идём! Бежим! Блеснём!

ПОРТРЕТ

Газель, и конь, и молния, и птица,
В тебе слились и ворожат в глазах.
Колдует полночь в чёрных волосах,
В поспешной речи зыбится зарница.

Есть сновиденно нам родные лица,
В восторг любви в них проскользает страх.
И я тону в расширенных зрачках,
Твоих, о, Византийская царица.

С учтивостью и страстью руку взяв,
Что дополняет весь твой зримый нрав
Пленительными длинными перстами, —

Смотрю на перстни, в них поёт алмаз,
Рубин, опал. Дордел закатный час.
И правит ночь созвездными мечтами.

КЛЮЧ

Волшебница дала мне ключ блестящий,
От замка, в чьём саду все сны Земли
Бессмертными цветами расцвели.
Он был окутан благовонной чашей, —

Он был украшен птицею летящей,
Зарёй, разлившей алый блеск вдали,
Как будто духи сок рубинов жгли.
Я подходил к разгадке настоящей.

Пред замком мост. Под ним течёт река.
В воде светилась бездна голубая.
Вдруг, быстрым кругом птицу огибая, —

Другая птица пала свысока.
Я видел кровь. Разжалась вмиг рука.
И ключ упал, чуть всхлипнув, утопая.

ЗНАКИ

Я их читал, бесчисленные знаки,
Начертанные мыслью вековой,
Гадал по льву в скруглённом зодиаке.

Через гороскоп читал грядущий бой,
Разметил Ассирийские дружины,
И их пронзил Египетской стрелой.

Лик божий, человеческий, соколиный,
По очереди ввёл в иероглиф,
Над целым миром был я царь единый.

Мой меч был быстр, двуостр, и прям, и крив,
Мой шлем зверин, и бился я без шлема,
Я избивал неисчислимость див.

На мне порой качалась диадема,
Я убежал от царского венца,
От Вавилона шёл до Вифлеема.

Возжаждав жала страсти без конца,
Я уронил свой помысл в звоны систра,
И пел Гатор близ нежного лица.

Как Богдыхан, я первого министра
Карал, как сына пестует отец,
Был звездочёт, кружились звёзды быстро.

Блестящую стрелу стремил Стрелец,
Но был одет я в пояс Ориона,
И мой во всём победный был конец.

Определивши очерк небосклона
Прикосновенным циркулем ума,
Велел звезде не нарушать закона.

О, как полна богатств моя сума!
Но вот, как дважды два всегда четыре,
Не скажет день, не изъяснит мне тьма,

Где мог бы от себя я скрыться в мире!

ЧЕРЕЗ ВЕКА

Звон гонга в сонном рае Богдыхана,
Тончайшие сплетенья шелковиц,
Рождение лун, привычки редких птиц,
Оттенки льна, росистым утром, рано, —

Созвенность грёз, плывущих из дурмана,
Немой рассказ навек застывших лиц,
Всё, что в границах, всё, что вне границ,
Что ярко, тускло, мудро, нежно, пьяно, —

Улада быть покорнейшим рабом,
И ужас ведать полюс полновластья,
Заря стыда, нагорный снег бесстрастья, —

Сто тысяч лет быть в сером и слепом,
Сто тысяч лет быть зорким в голубом, —
Я знаю всё! Не знаю только — счастья!

ЗВУК ЗВУКОВ

Сейчас на Севере горит луна.
Сейчас на Севере бегут олени,
Равнина снежная мертва, ясна.
От тучек маленьких мелькают тени.

На небе стынущем огромный круг.
Какие радуги, Луна, ты плавишь?
Когда б на Север мне умчаться вдруг
От чёрно-белого мельканья клавиш!

СКИФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Когда земля была пустая,
И был безлюден Скифский край,
Свирелью время коротая,
Жил муж, что звался Таргитай.

Родился в мир он от Перуна
И от Днепрянки молодой,
Тогда всё в мире было юно,
Но мир скучал, он был пустой.

Свирель роняла звуки в воду,
Свирель струила песни вдаль,
Но всю безлюдную природу
Безгласно стерегла печаль.

Одна Днепровская русалка
Внимала, как свирель грустна,
Ей Таргитая стало жалко,
Из вод пришла к нему она.

И родились у них три сына.
Был Липо-Ксай, и Арпо-Ксай,
И Кола-Ксай, три властелина,
Но был пустыней Скифский край.

И в Цветень, в месяц снов и мифов,
В день песнеслов и в час игры,
Упали вдруг на землю Скифов
С небес высокие дары.

Соха, ярмо, секира, чаша,
Ниспали быстрой чередой,
Всё то, чем жизнь красива наша,
И каждый дар был золотой.

Подходит старший брат, увидя,
Всё это, мыслит, для меня,

Но золото, в пламенной обиде,
Оделось вскипами огня.

И так же брат подходит средний,
А золото жжёт, — мол, прочь ступай,
И после всех пришёл последний,
Смиранный, младший, Кола-Ксай.

Соха золотая остудилась,
Раскрыла землю лезвиём,
Ярмо, всё в лентах, опустилось
На двух волов, что пашут днём.

Секиру в бой ведёт отвага,
А в дни труда она топор,
Лишь в чаше золотая брага
Вечерний расцветает взор.

Достигши края Амазонок,
Два старших брата взяли жён,
И смех детей их ныне звонок,
Где Волга и Ока и Дон.

А младший брат нашёл подругу
Полянку, жёнку у межи,
И вместе с ней идёт по лугу,
В венке из васильков и ржи.

Но чуть заржут за степью кони,
Звенит и стонет Скифский край:
Сынам о радостях погони
Свирелит песню Таргитай.

КТО КОГО

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обгоню.
Я колдую. Вихри чую. Грею сбрую я коню.

Конь мой спорый. Топи, боры, степи, горы пролетим.
Жарко дышит. Мысли слышит. Конь огонь и побратим.

Враг мой равен. Полноправен. Чей скорей вскипит бокал?
Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обогнал.

ДУГА

*Радуга-дуга, не пей нашу воду.
Детская игра.*

1.

Всецветный свет, невидимый для глаза,
Когда пройдёт через хрустальный клин,
Ломается. В бесцветном он един,
В дроблении — игранье он алмаза.

В нём семь мгновений связного рассказа:
Кровь, уголь, золото, стебель, лён долин,
Колодец неба, синеалый сплин,
Семи цветов густеющая связя.

Дуга небес — громовому коню —
Остановиться в беге назначенье,
Ворота в кротость, сказка примиренья.

В фиалку — розу я не изменю.
Раздельность в цельном я всегда ценю.
Бросаю клин. Мне чуждо раздробленье.

2.

Как хорошо в цветах отъединенье:
Что рожь, то рознь, хоть мир есть цельность сна.
Мне кровь как кровь, и лишь как кровь, нужна,
Не как дорога семиизменья.

Семь струн моих, и в них едино пенье,
Но каждая есть вольная струна.
И медный уголь, и змея-волна,
И среброзлато, всё есть опьяненье.

Но ты, что внемлешь мне сейчас, заметь:
Я гром люблю как высшую свободу,
Не красочно размеченную сеть.

Для арфы золото, для чекана медь.
Не пей, дуга, дождей текучих воду,
Мне, капле, дай, средь капель, жить и петь.

КОВЧЕГ ЗАВЕТА

Красный, медный, золотой,
Травка, голубь, глубь небес,
И фиалка над водой,
Полноцветный круг чудес.

Есть и крайняя черта,
Чтоб почувствовать полней:
Перед кровью темнота,
Вся в багровостях теней.

И в другом ещё черта,
Берег тот увидь ясней:
Там сверкает красота
Фиолетовых камней.

Ходят громы искони,
Пляшут молнии вверху.
Но воркуют наши дни,
Верь любви, и верь стиху.

Бросься в красные огни,
Буря — свежесть, гром — привет.
Встала Радуга. Взгляни.
Это с Богом есть завет.

УШЕДШИЙ

Доверчиво жил я с тем племенем странным,
 Которое в мире зовётся людьми.
Но скучно в их празднике скупо-обманном,
 Пустыня, раскройся, и сына прими.

Остыл я к людскому. Мне ближе стрекозы.
 Летучие рыбки, когда я в морях.
И летние розы. И вешние грозы.
 И вечер в горячих своих янтарях.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Из гусеницы гаденькой
Сперва бывает куколка,
Потом бывает бабочка,
Летит, пьянясь слегка.
Мерцает над травинками,
Целуется с былинками,
Питается пылинками
Душистого цветка.

Но этим не кончается,
Летит, летает бабочка,
Вдруг вырастет крылатая
Колибри, вся в огне.
И в рдении и в млении,
Она в жужжащем пении,
Об это превращении
Сказали Негры мне.

ИЗ ВЬЮГИ

Полиняло поле клевера.
Смолкли клики журавлей.
В беге мига, в смене дней,
Свеял ветер вьюгу с Севера.
О минувшем не жалей.

Посмотри, в какие жгутики,
Воя, ввёт снега метель.
Сказок дымная кудель.
В смене снега скрыты лютики.
Лёд к весне готовит хмель.

СТРЕЛА

Опять оповещает веретёнце
Бесчисленно журчащих ручейков,
Что весело рождаться из снегов
По прихоти колдующего Солнца.

Пчела, проснувшись, смотрит из оконца,
На вербе ей душистый пир готов,
Оставлен тёмный улей для цветов,
Что тонкое развили волоконце.

Вот за пчелой летит ещё пчела.
Другая, третья. Благовестят звоном.
Меж тем сквозь дымы дальнего села, —

Где только что обедня отошла,
К полям, к лесам, и по холмистым склонам,
Летит от Солнца светлая стрела.

ХОДЯЩАЯ СИЛА

Мне снились, в разрыве пожарищ небесных,
Две огненных, бьющих друг друга, лозы,
И мчался Перун на громах полновесных,
Живая ходящая сила грозы.

Откуда идёт он? Уходит куда он?
Не знаю, но тёплое лето за ним.
И точно заря он, и точно звезда он, —
Одет он рассветом и днём огненным.

Движенье ль он мысли иль страсти Сварога,
Тех синих, тех звёздных широт и высот?
Не знаю, но знаю, что ярый — от Бога,
И сердце ликует, когда он идёт.

ВЕСЕННЕЕ

Меж сосен лучисто-зелёные пятна
 На травах, на нежно-весенней земле.
Уж скоро весь лес расцветёт ароматно,
 И ласточка сказку примчит на крыле.

Своим щебетаньем рассыплет ту сказку
 Лазурною вязью пролесок и сна.
Танцует Весна. Уронила подвязку.
 И где уронила, там сказка видна.

Она из зелёных, и белых, и синих,
 И жёлтых, и красных, и диких цветов.
Бесчинствует Леший в лесистых пустынях,
 И зайца с зайчихой ославить готов.

ДРЕВОСТУК

Древостук, иначе дятел,
В роще вешней застучал,
Много дыр законопатил,
Много новых означал.
Длинным клювом по деревьям,
Червяковым шёл путём,
Многим был конец кочевьям,
Стуки, звуки, шум, погром.
У жучка, опочивальной,
Полз испуганный червяк,
И звучало в роще дальней
Таки-тук и тики-так.
«Уж какой несносный дятел!» —
Прожужжали комары.
«Все стволы он размохнатил.
Убирайся до поры!»
Комарам не послушая,
Длинноклювый древостук
Веселился, отбивая
Тики-так и таки-тук.

ВЕСЕННИЙ СВЕТ

Завёл комарик свой органчик.
Я из былинки сделал шестик,
Взошёл на жёлтый одуванчик,
И пью, нашёл медвяный пестик.

Всю осушив бутылку мёду,
Зелёный жук, рождённый чудом,
Свечу весеннему я году
Своим напевным изумрудом.

НА МЕЛЬНИЦЕ

Из ореховой скорлупки
 Приготовивши ковчег,
Я сижусь, поджавши губки:
 Где-то будет мой ночлег?
Пред водою не робея,
 Для счастливого конца,
Я, находчивая Фея,
 Улещаю плавунца.
«Запрягись в мою скорлупку,
 И вези меня туда,
Где на камне мелют крупку,
 И всегда кипит вода».
Был исполненным догадки
 Веслоногий плавунец:
С мышкой мельничною в прятки
 Я играю наконец.
Плавунца я отпустила,
 Услыхавши жернова.
Он нырнул в домик из ила,
 Где подводится трава.
Хороваются там стебли,
 Снизу прячется пескарь.
Плавунец, искусный в гребле,
 Между всех нырялок царь.

А подальше от запруды
 Заходя за пережат,
В быстром блеске мчатся гуды,
 Всплески, брызги, влажный град.
Над вспенённым водопадом,
 С длинной белой бородой,
Жернова считает взглядом
 Мельник мудрый и седой.
У него жена колдунья,
 Из муки Луну прядёт,

Причитает бормотунья:
 «Чёт и нечет, нечет, чёт».
Насчитает так, до счёта,
 Пыль тончайшей белизны,
Замерцает позолота,
 В небо выйдет серп Луны.
Выйдет тонкий, и до шара,
 Ночь за ночью, в небосвод,
Лунно-белая опара,
 Пряжа Месяца плывёт.

В эти месячные ночи
 Воздух манит в вышину.
Разум девушек короче,
 Стебли тянутся в струну.
И колдунья с мукомолом,
 Что-то в полночь прошептал,
Слышат в сумраке весёлом
 Прорастанье новых трав.

Я же с мельничною мышкой,
 Не вводя избу в изъян,
Прогремлю в сенях задвижкой,
 Опрокину малый жбан.
Мы играем с кошкой в жмурки,
 Уманим её на стол.
А под утро у печурки
 От муки весь белый пол.

НЕИЗЪЯСНИМОЕ

Неизъяснимо удовольствие
Проникнуть в тайны Вещества,
Услыша птичьи разглагольствия,
Я замыкаю их в слова.

Блуждая дряхлыми селищами,
Я нахожу траву-разрыв.
А если где встречаюсь с нищими,
Бывает нищий прозорлив.

Дружу с слепыми я и старыми,
Ещё с детьми я говорю.
Учусь у снов, играю чарами,
И провожаю в путь зарю.

ПО ЗАРЯМ

По зарям я траву — выстилаю шелками,
Уловляю разрыв — в золотой аксамит,
И когда уловлю, — пусть я связан узлами,
Приложу как огнём, — самый крепкий сгорит.

Есть трава белоярь, что цветёт лишь минуту,
Я её усмотрю — и укрою в строку,
Я для ветра нашёл зацепление и путу,
Он дрожит и поёт, развевая тоску.

Травка узик — моя, вся сердита, мохната,
Как железа у ней тонкострельны листы,
Над врагом я хотел посмеяться когда-то,
Заковал его в цепь — многодневной мечты.

А травинка кликун кличет гласом по дважды
На опушке лесной так протяжно: «Ух! Ух!»
И ручьи, зажурчав, если полон я жажды,
Отгоняя других, мой баюкают слух.

Также былие цвет есть с девическим ликом,
Листья — шёлк золотой, а цветок — точно рот,
Я травинкой качну, — и в блаженстве великом
Та, кого я люблю, вдруг меня обоймёт.

ИНАЯ ЖИЗНЬ

Всю жизнь хочу создать из света, звука,
Из лунных снов и воздуха весны,
Где лишь любовь единая наука,
И с детства ей учиться все должны.

Как должен звон Пасхальным быть рассказом,
Чтоб колокол был весел в вышине,
Как пламень должен пляской по алмазам
Перебегать в многоцветистом сне.

ОЖЕРЕЛЬЕ

Тебе дрожащее сковал я ожерелье,
Всё говорящее отливами камней,
В нём изумрудами качается веселье,
И грезит гудами рубинный хор огней.

В нём ароматами мечтают халцедоны,
Сквозя с гранатами в лазоревой тени,
И сон, опалами слагая луннозвоны,
Поёт усталыми мерцаньями: усни.

ИЗ ДРЁМЫ

Из вещества тончайшего, из дрёмы,
Я для любимой выстроил хоромы,
Ей спальню из смарагдовой тиши
Я сплёл и тихо молвил: Не дыши.

Дыханье удержи лишь на мгновенье.
Ты слышишь? В самом воздухе есть пенье.
Есть в самой ночи всеохватный звон.
Войдём в него, и мы увидим сон.

ОТ СОЛНЦА

Я родился от Солнца. Сиянье его заплелось
В ликованье моих золотых и волнистых волос.

Я родился от Солнца и матово-бледной Луны.
Оттого в Новолунье мне снятся узывные сны.

Я родился в Июне, когда в круговратности дней
Торопливые ночи короче других и нежней.
В травянистом Июне, под самое утро, когда
В небесах лишь одна, вселюбовная, светит звезда.

Я от яркого Солнца. Но вырос, как стебель, во мгле,
И как сын припадаю к сладимой родимой земле.

Я родился от Солнца. Так Солнцем я всех закляну,
Чтобы помнили Солнце, чтоб в сердце хранили Весну.

ГРОМОВЫМ СВЕТОМ

Меня крестить несли весной,
Весной, нет, ранним летом,

И дождь пролился надо мной,
И гром гремел при этом.

Пред самой церковкой моей,
Святыней деревенской,

Цвели цветы, бежал ручей,
И смех струился женский.

И прежде чем меня внесли
В притихший мрак церковный,

Крутилась молния вдали
И град плясал неровный.

И прежде чем меня в купель
С молитвой опустили,

Пастушья пела мне свирель,
Над снегом водных лилий.

Я раньше был крещён дождём
И освящён грозою,

Уже священником потом,
Свечою и слезою.

Я в детстве дважды был крещён —
Крестом и громным летом,

Я буду вечно видеть сон,
На век с громовым светом.

ПОД ЗНАКОМ ЛУНЫ

Под этой молодой Луной,
Которой серп горит над изумрудным Морем,
Ты у волны идёшь со мной,
И что-то я шепчу, и мы тихонько спорим.

Так мне привиделось во сне.
Когда же в нас волна властительно плеснула,
Я видел ясно при Луне,
Я в Море утонул, и ты в нём потонула.

Но в полумгле морского дна
Мы тесно обнялись, как два цветка морские.
Нам в безднах грезится Луна,
И звёзды новых стран, узоры их другие.

К ЛУНЕ

Ты — в живом заострень ладья,
 Ты — развязанный пояс из снега,
 Ты — чертог золотого ковчега,
Ты — в волнах Океана змея.

Ты — изломанный с края шатёр,
 Ты — кусок опрокинутой кровли,
 Ты — намёк на минувшие ловли,
Ты — пробег через полный простор.

Ты — вулкан, переставший им быть,
 Ты — погибшего мира обломок,
 Ты зовёшь — проходить средь потёмок,
Чтоб не спать, тосковать, и любить.

ПОД ВЕТРОМ

Я шёл и шёл, и вся душа дрожала,
Как над водой под ветром ветви ив.
И злой тоски меня касалось жало: —
«Ты прожил жизнь, себя не утолив».

Я пред собой смотрел недоуменно,
Как смотрит тот, кто крепко спал в ночи,
И видит вдруг, что пламени, созвенно,
Вкруг крыш домов куют свои мечи.

Так верил я, что умоначертанье,
Слагая дни, как кладку ровных плит,
В моей судьбе, осуществляя знанье,
Ошибки всех легко предотвратит.

Но я, свою судьбу построив мудро,
Внимательно разметив чертежи, —
Узнав, что утро жизни златокудро,
Узнал, что вечер счастья полон лжи.

Объёмный дом, с его взнесённой башней,
Стал теремом, где в окнах скуден свет,
В немых ларцах, с их сказкою вчерашней,
Для новых дней мне не найти примет.

Так говорил мне голос вероломный,
Который прежде правдой обольстил,
И в дымный час, скользя равниной тёмной,
Я в мыслях шёл, как дух среди могил.

А между тем за мною гнался кто-то,
Касался наклонённой головы,
Воздушная вставала позолота,
И гул морской был ропотом травы.

Как будто стебли, жить хотя, шумели,
Росла, опять взводимая, стена,

Я оглянулся, — в синей колыбели
Был новый лик, как Новая Луна.

И увидав медвяное Светило,
Что, строя, разрушает улей свой,
Во имя Завтра, бросив то, что было,
Я снова стал бездомный и живой.

ПЯТЬ

Пять гвоздей горит в подкове,
В беге быстрого коня.
Слышишь клич: Огня! Огня!
Слышишь голос: Крови! Крови!
Я далёко. Жди меня.

Как на гусях сладкострунных
Древле пять жужжало струн, —
Как пяти желает лун
Май, что мёд лобзаний лунных
Копит в снеге, в ледяном юн, —

Как в мелькающей основе
Пятикратно рдеет нить,
Чтобы взор заполонить, —
Я в твоей, всечасно, крови.
Верь звезде! Должна любить!

ГРЁЗА

Неуловимо дышит шелестами
В зеркальном сне старинный лес.
Невесты. Вести. Взят я прелестями
Благоуханнейших чудес.
Цветы, целованные бабочками,
Цветут, и с них летит пыльца.
Как сладко детскими загадочками
Себя тиранить без конца.

АЛАЯ ВИШНЯ

Алая вишня ещё не созрелая.
Белое платье со складками смятыми.
В сжатии нежном рука онемелая.
Сад в полнопевности. Свет с ароматами.

Влажные губы вот только узнавшие.
Спавшие, взявшие сладость слияния.
Нижние ветки чуть-чуть задрожавшие.
Верхние светят. Все знали заранее.

ВДРУГ

Я люблю тебя, как сердце любит раннюю звезду,
Как виденье, что увидишь в зачарованном бреду.

Я люблю тебя, как Солнце любит первый лепесток,
Как рожденье нежной песни в светлой зыби лёгких строк.

Я люблю тебя за то, что ты телесная душа,
И духовное ты тело и бессмертно хороша.

Ты бессмертное виденье розовеющей зари,
Я любви твоей воздвигну в разных далях алтари.

Аргонавтом уплывая, я прикован к кораблю,
Но чем дальше удаляюсь, тем сильнее тебя люблю.

ВРОЖЕЯ

Ворожея, ворожея,
Она цвела и расцветала,
Она смеялась и шептала:
«Не видишь разве? Я твоя».

И Бог и жизнь и смерть и я,
Мы все ворожею любили,
И мне она, в весенней силе,
Шепнула: «Я — ворожея».

ЛОЗА

За нежно-розовые кончики лилей,
За нежно-палевые ягоды кистей, —

За чаши белые, в которых мне дано
Вдыхать лобзанием горячее вино, —

За тело стройное, как юная лоза,
За взор узывчивый, в котором спит гроза, —

За голос вкрадчивый, как дальняя свирель,
За дар пленительный отбросить разум в хмель, —

Тебя, желанную, я в огненных строках
Являю взору, восхищённому в веках.

ПЕРЕСВЕТ

Закат расцвёл. И золотом расплавленным
Горела даль. А здесь веретено
Жужжало мне. И в чуде взору явленном,
Светилось далью близкое окно.

Закат расцвёл цветком неповторяемым,
И целый мир был озарённый сад.
Люблю. Люблю. Путём, мечтою чаемым,
Иду по дням. И не вернусь назад.

В ПОТОКЕ

Каждый миг запечатленный,
Каждый атом Вещества,
В этой жизни вечно пленной,
Тайно просится в слова.

Мысль подвигнута любовью,
Жизнь затеплилась в любви,
Ветхий век оделся новью,
Хочешь ласк моих, — зови.

Я приду к тебе венчанный
Всею тайной Вещества,
Вспыхнет пламень первозданный,
Сквозь давнишние слова.

Что бы ты мне ни сказала,
Если я к тебе приник,
В пене полного бокала
Будет первой страсти вскрик.

Что бы я тебе, вскипая,
Жадным сердцем не шепнул,
Это — сказка мировая,
Это — звезд поющий гул.

И как будто не погасли
Много раз костры планет,
Мы стихом восхвалим ясли,
Славя Новый наш Завет.

И как будто в самом деле
В мире любят в первый раз,
На девической постели
Вспыхнет пламень щёк и глаз.

И как будто Фараону
Не являла страсть сестра,

Сердце к сердцу, лоно к лону,
Мы шепнём себе: «Пора!»

Точно так же, точно то же,
Будет новым потому,
Что сокровищ всех дороже
Та она тому ему.

И столетья замыкая,
Поглядят зрачки в зрачки,
Та же сказка, и другая,
Нескончаемой Реки.

И не буду, и не стану
Я гадать, что дальше там, —
Вспыхнув каплей, Океану
Всё своё, вскипев, отдам.

ПОД ДЕРЕВОМ

Я сидел под Деревом Зелёным,
Это Ясень, ясный Ясень был.
Вешний ветер шёл по горным склонам,
Крупный дождь он каплями дробил.

Я смотрел в прозрачную криницу,
Глубь пронзал, не достигая дна.
Дождь прошёл, я сердцем слушал птицу,
С птицей в ветках пела тишина.

Я искал Загадке — разрешенья,
Я дождался звёзд на высоте,
Но в душе, как в ветках, только пенье,
Лист к листу, и звук мечты к мечте.

Ясень был серебряный, нехмурый,
Добрый весь с зари и до зари,
Но с звездой — колонной тёмнобурой
Ствол его оделся в янтари.

И пока звезда с зарёй боролась,
И дружины звёзд, дрожа, росли,
Пел успокоительный мне голос,
В сердце, здесь, и в Небе, там вдали.

И вершину Ясеня венчая,
Сонмы нежных маленьких цветков
Уходили в Небо вплоть до Рая,
По пути веков и облаков.

КРИСТАЛЛ

1.

Смотри в немой кристалл, в котором расцветали
Пожары ломкие оранжевых минут,
Весь летаргический, и телом медлил тут,
А дух мой проходил вневременные дали.

Вот снова об утёс я раздробил скрижали,
Вот башня к башне шлёт свой колокольный гуд.
Вот снова гневен Царь, им окровавлен шут.
Вот резкая зурна. И флейты завизжали.

Разбита радуга. И не дойти до дна
Всего горячего жестокого сверканья.
В расширенных зрачках кострятся содроганья.

Бьет полночь в Городе. Ни одного окна,
В котором чёрное не млело б ожиданье.
И всходит надо всем багряная Луна.

2.

Светлый мальчик, быстрый мальчик, лик его как лик камней.
Волосёнки — цвета Солнца. Он бежит, а сверху — змей.

Нить натянута тугая. Путь от змея до руки.
Путь от пальцев нежно-тонких — в высь, где бьются огоньки.

Взрывы, пляски, разной краски. Вязки красные тона.
Жёлтый край — как свет святого. Змеем дышит вышина.

Мальчик быстрый убегает. Тень его бежит за ним.
Змей вверху летит, сверкая, бегом нижнего гоним.

Тень растёт. Она огромна. Достигает до небес.
Свет дневной расплавлен всюду. Облик солнечный исчез.

Змей летит в заре набатной. Зацепился за сосну.
В лес излит пожар заката. Час огня торопит к сну.

3.

Светляки, светляки, светляки,
И светлянки, светлянки, светлянки.
Светляки — на траве червяки,
И светлянки — летучки — обманки.
Светляков, светляков напророчь,
И светлянок, светлянок возжаждай.
Будешь жить всю Иванову ночь,
Быть живым так сумеет не каждый,
Светляки, светляки, светляки,
И светлянки, светлянки, светлянки.
О, какая безбрежность тоски.
Если б зиму, и волю, и санки.
Я скользил бы в затишье снегов,
И полозья так звонко бы пели,
Чтоб навек мне забыть светляков,
И светлянки бы мучить не смели.

4.

И падал снег. Упали миллионы
Застывших снов, снежинками высот,
От звёзд к звезде идут волнами звоны,
Лишь белый цвет в текущем не пройдёт.

Лишь белый свет идёт Дорогой Млечной,
Лишь белый цвет — нагорного цветка.
Лишь белый страх — в Пустыне бесконечной.
Лишь в белом сне поймёт покой Река.

СВИСТ

Жужжащий тонкий свист слепня,
 То сказка зноя в звенящих крыльях.
Шуршанье шаткого огня,
 То пляска вспышек в их изобильях.
Свист крыльев сокола в ветрах,
 Когда за быстрой он мчится цаплей,
Несхож со свистом бурь в горах,
 Что сеют каплю за светлой каплей.
И свист есть в старом тростнике,
 То Ночь бормочет, свой саван свея,
И свист есть снега вдалеке,
 То Смерть, вся в сером, скользит, белея.
Из еле слышимых частиц,
 Из крошек звука тот шелест-шёпот,
Но мастодонт упал в нём ниц,
 Всех грузных чудищ в нём замер топот.
Тот свист, тот посвист тайных струн,
 Что тоньше тканей из паутины, —
Придёт! Кипи, пока ты юн!
 Час приготовит снега и льдины!

ВОПЛЬ К ВЕТРУ

Суровый Ветр, страны моей родной,
Гудящий Ветр средь сосен многозвонных,
Поющий Ветр меж пропастей бездонных,
Летающий Ветр безбрежности степной.

Хранитель верб свирельною весной,
Внушитель снов в тоске ночей бессонных,
Сказитель дум и песен похоронных,
Шуршащий Ветр, услышь меня, я твой.

Возьми меня, развей, как снег мятельный,
Мой дух, считая зимы, поседел,
Мой дух пропел весь полдень свой свирельный,

Мой дух устал от слов, и снов, и дел.
Всевластный Ветр пустыни беспредельной,
Возьми меня в последний свой предел.

САВАНЫ

Эти саваны, саваны! Эти серые, серые!

Или золота в небе нет?

И опять, истомившийся, все узнаю пещеры я,

Но, пронзив их извив, не зажгу златоцвет?

Эти с неба схождения! Эти дымные лестницы!

От костров до слепой черты.

Где же мысли венчальные? Где мои зоревестницы?

Настигает меня водопад темноты.

Устелилась заоблачность вся как волчьими шкурами.

О, пронзи их, нежнейший серп!

Вознеси Полумесяцем над порогами хмурыми,

Дай узнать мне восторг воскресающих верб.

НЕСЧАСТИЕ

Несчастье стоит, а жизнь всегда идёт,
Несчастье стоит, но человек уходит.
И мрак пускай снуёт и каждый вечер бродит,
С минувшим горестным мы можем кончить счёт.

Смотри, пчела звенит, пчела готовит мёд,
И стая ласточек свой праздник хороводит.
В любом движенье числ наш ум итоги сводит,
Что было в череде, да знает свой черёд.

Не возвращаться же нам в целом алфавите
Лишь к букве, лишь к одной, лишь к слову одному.
Я верую в Судьбу, что свет дала и тьму.

О, в чёрном бархате, но также в звёздной свите,
Проходит в высоте медлительная ночь.
Дай сердцу отдохнуть. И ход вещей упрочь.

ЗОЛОТИСТЫМ АМЕТИСТОМ

Золотистым аметистом,
Словно выжженное блюдо,
Раскалившаяся медь,
Расцвечённым, пламенистым,
Золотистым аметистом,
Но с оттенком изумруда,
С успокоенной зарёю,
Отдых дав себе и зною,
Дышит дремлющее Море,
Полюбившее не в споре,
А в великом разговоре,
В грани дымные греметь.

В ТИХОМ ЗАЛИВЕ

В тихом заливе чуть слышные всплёски,
Здесь не колдует прилив и отлив.
Сонно жужжат здесь и пчёлки и оски,
Травы цветут, заходя за обрыв.

Птица ли сядет на выступ уклонный,
Вспугнута, камень уронит с высот.
Камешек булькнет, и влаги той сонной
Весть о паденье кругами пошлёт.

ВЕЧЕРНИЙ ВЕТЕР

Вечерний ветер легко провеял — в отдалении.
В лесу был лепет, в лесу был шёпот, все листья в пении.

Вечерний ветер качнул ветвями серебристыми.
И было видно, как кто-то дышит кустами мглистыми.

И было видно, и было слышно — упоительно,
Как сумрак шепчет, как Ночь подходит, идя медлительно.

АЛЫЧА

Цветок тысячекратный, древо-цвет,
Без листьев сонм расцветов белоснежных,
Несчётнолепестковый бледноцвет,
Рой мотыльков, застывших, лунных, нежных, —

Под пламенем полдневного луча,
На склоне гор, увенчанных снегами,
Белеет над Курюю алыча,
Всю Грузию окутала цветами.

СКАЖИТЕ ВЫ

Скажите вы, которые горели,
Сгорали, и сгорели, полюбив, —
Вы, видевшие Солнце с колыбели,
Вы, в чьих сердцах горячий пламень жив, —

Вы, чей язык и странен и красив,
Вы, знающие строки Руставели, —
Скажите, как мне быть? Я весь — порыв,
Я весь — обрыв, и я — нежней свирели.

Мне тоже в сердце вдруг вошло копьё,
И знаю я, любовь постигнуть трудно.
Вот, вдруг пришла. Пусть всё возьмёт моё.

Пусть сделаю, что будет безрассудно.
Но пусть безумье будет обоюдно,
Хочу. Горю. Молюсь. Люблю её.

ТАМАР

Я встретился с тобой на радостной дороге,
Ведущей к счастью. Но был уж поздний час,
И были пламенны и богомольно-строги
Изгибы губ твоих и зовы чёрных глаз.

Я полюбил тебя. Чуть встреться. В первый час.
О, в первый миг. Ты встала на пороге.
Мне бросила цветы. И в этом был рассказ,
Что ты ждала того, чего желают боги.

Ты показала мне скрывавшийся пожар.
Ты приоткрыла мне таинственную дверцу.
Ты искру бросила от сердца прямо к сердцу.

И я несу тебе горение — как дар.
Ты, Солнцем вспыхнувши, зажглась единоверцу.
Я полюбил тебя, красивая Тамар.

ГРУЗИЯ

О, макоце! Целуй, целуй меня!
Дочь Грузии, твой поцелуй — блаженство,
Взор чёрных глаз, исполненных огня,
Горячность серны, барса, и коня,
И голос твой, что ворожит, звеня, —
На всём печать и чёткость совершенства.
В красивую из творческих минут,
Рука Его, рука Нечеловека,
Согнув гранит, как гнётся тонкий прут,
Взнесла узор победного Казбека.
Вверху — снега, внизу — цветы цветут.
Ты хочешь Бога. Восходи. Он тут.
Лишь вознесись — взнесением орлиным.
Над пропастью сверкает вышина,
Незримый храм белеет по вершинам.
Здесь ворожат, в изломах, письма
Взнесённо запредельного Корана.
Когда в долинах спят, здесь рано-рано
Улыбка Солнца скрытого видна.
Глядит Казбек. У ног его — Светлана,
Спит Грузия, священная страна,
Отдавшая пришельцам, им, равнинным,
Высокий взмах своих родимых гор,
Чтобы у них, в их бытии пустынном,
И плоском, но великом, словно хор
Разливных вод, предельный был упор,
Чтобы хребет могучий встал, белея,
У сильного безобразного Змея.
Но да поймут, что есть священный Змей,
Но есть Змея, что жалится, воруя.
Да не таит же сильный Чародей
Предательство в обряде поцелуя.
О, Грузия жива, жива, жива!
Поёт Арагва, звучно вторит Терек.

Я слышу эти верные слова.
Зачем же, точно горькая трава,
Которой зыбь морская бьёт о берег,
Те мёртвые, что горды слепотой,
Приходят в край, где всё любви достойно,
Где жизнь людей озарена мечтой.
Кто входит в храм, да чувствует он стройно.
Мстит Красота, будь зорок с Красотой.
Я возглашаю словом заклинанья:
Высокому — высокое вниманье.
И если снежно дремлет высота,
Она умеет молнией и громом
Играть по вековым своим изломам.
И первые здесь рыцари Креста,
Поэму жертвы, всем её объемом,
В себя внедлив, пропели, что Казбек
Не тщетно полон гроз, из века в век!

ЛЮБОВЬ

Любовь есть свет, который жжёт и задевает, проходя,
Он сам идёт, к себе идёт, но нас касается случайно.
И как цветок красив и свеж от капель светлого дождя,
Так мудро счастливы и мы, на миг, когда в нас дышит тайна.

ДРЕВНИЙ ПЕРСТЕНЬ

В ночах есть чара искони.
 Издrevле любятся впотьмах.
Закрой глаза. Усни. Усни,
 Забудь, что в мире дышит страх.

Я древний перстень снял с перста,
 Им мысль скрепляю как венцом.
Уж ты не та. Не та. Не та.
 Мы вместе скованы кольцом.

Мерцает в перстне халцедон,
 И холодеешь ты во сне.
В тебе чуть внятный звёздный звон.
 Предайся мне. Лишь мне. Лишь мне.

Заветный камень волкоок,
 В себя вобрал всю власть Луны.
Люби. Люби. Твой сон глубок.
 Люби. Мы все любить должны.

СКВОЗЬ СЛЕПОТУ

Там, где тела — колдующий убор
И многократность долгого наследства,
Не может быть вполне невинным детство,
И бездну бездн таит девичий взор.

Смотри, есть бесконечный разговор
Земли с Луною, в силу их соседства,
И мы всегда ведём, от малолетства,
С земным минувшим многосложный спор.

Шепча «Люблю», мы хищники лесные,
За милой мы следим из-за куста,
Любя, мы словно любим не впервые.

Любовь — война. Любовь есть слепота,
В которой вдруг вскрывается прозреньё,
Огонь зари времён миротворенья.

ВЕРХОВНЫЙ ЗВУК

Когда, провизгнув, дротик вздрогнет в барсе,
Порвавши сновиденье наяву,
И алый пламень крови жжёт траву,
Я помню, что всегда пожар на Марсе.

В Индусе, в Мексиканце, в Кельте, в Парсе,
В их вскриках и воззваньях к Божеству,
Я вижу брата, с ним в огне плыву,
И Эллин он, он — песнь, чьё имя — Марсий.

Напрасно мыслил рдяный Аполлон
Свести к струне — что хочет жить в свирели,
В Пифийских играх это мы прозрели.

И если любим звёздный небосклон,
Мы любим вихри звёзд в ночной мятели,
И миг верховный — в нашей страсти — стон.

ЗОВЫ

Есть синий пламень в тлеющей гнилушке,
И скрытность красных брызг в немом кремне.
Огни и звуки разны в тишине,
Есть медь струны, и медь церковной кружки.

«На бой! На бой!» грохочут эхом пушки.
«Убей! Убей!» проходит по Войне.
«Усни! Усни!» звенит сосна к сосне.
«Люби! Люби!» чуть слышно на опушке.

«Ау!» кричу, затерянный в лесах.
«Ау!» в ответ кричит душа родная.
«Молись! Молись!» глубокий шепчет страх.

Я звук. Я слух. Я глаз. Я мысль двойная.
Я жизнь и смерть. Я тишь. Я гром в горах.
И тень бежит, меня перегоняя.

ОРХИДЕЯ ТИГРИНАЯ

В закрыве, в скрове, пламень безглагольный.
Дню не молись, обуглится до тла,
Перегорит, вдали от песни вольной.

В тюрьме лишь от угла и до угла
Весь путь того, к кому через решётку
Глядит Луна, а больше смотрит мгла.

При встрече должен издали трещотку
Чумной завихрить песней кастаньет,
Проказа — чу — за чёткой нижет чётку.

В безумии страшит любой предмет.
Я в мире сплю и чую орхидею,
На ствол чужой, смеясь, ползёт расцвет.

Я вижу всё. И разумом седею.

СГЛАЗ

*«...Люди с лицами воронов...»
Халдейская таблица*

1.

Чуть где он встал, — вдруг смех и говор тише,
Без рук, без ног пришёл он в этот мир,
Приязные его — лишь птицы дыр,
Чьё логово — среди расщелин крыши.

Летучие они зовутся мыши,
И смерти Солнца ждут: Миг тьмы — им пир.
Но чаще он — невидимый вампир,
И стережёт — хотя б в церковной нише.

Пройдёшь, — не предуведомлен ничем, —
Вдруг на тебя покров падёт тяжёлый,
И с милыми ты будешь глух и нем.

Войдёт незрим, — и дом твой стал не тем,
Недоумён, твой дух стал зыбкий, голый,
Он в мир пришёл, сам не узнал зачем.

2.

А если в том, что вот я пью и ем,
Хочу, стремлюсь, свершаю в днях стяжанье,
Сокрыт ответ на голос вопрошанья?
Я созидаю зуб, и клык, и шлем, —

Бесовский плащ, и пламень диадем
Верховных духов, — весь вхожу в дрожанье
Скрипичных струн, в гуденье и жужжанье
Церковных звонов, — становлюсь я всем.

А если всем, тогда и криком, стоном
Убитых жертв, змей, хамелеоном,
Любой запевкой в перепевах лир.

И не сильней ли всех огней алмаза
Законность притяженья в чаре сглаза,
Когда скользят беззвучно птицы дыр?

ЧЁРНОЕ ЗЕЛЬЕ

Чёрное зелье в лесу расцвело,
Клонится белый прикрыт.
Волчьи глаза засмеялись светло,
Сон не один догорит.

Кто-то зачем-то болотом идёт,
Кто-то ползёт из норы.
Два полудуха, сдержавши полёт,
С ведьмой играют в шары.

Шар упадёт, загорится гроза,
Дьявольский светится куст.
Ягоды — точно слепые глаза,
Воздух кругом него густ.

ЧЕРНОКНИЖИЕ

Едва качнул он левою рукой.
Взгляд косвенный зелёных глаз был острый.
Наряд его Восточно дорогой

Был змеевидный и двуцветно-пёстрый.
Чуть правою ногой протоптав,
Он тихо вскрикнул: «Сёстры! Сёстры! Сёстры!»

И вот явились. Женщина-Удав,
Девица-Клин, и Старое Долбило.
Все три в венцах из чернобыльных трав.

Не расскажу всего, что дальше было.
Заклятие из трёх старинных слов
Шепнув, двуцветный взял своё кропило.

Сгустились громы в дыме облаков.
Пришелиц обнял он поочерёдно,
И звон возник тринадцати часов.

Весной никак нельзя любить бесплодно.
И полной стала Женщина-Удав,
В ней десять лун мелькали хороводно.

Девица-Клин, чтоб оправдать свой нрав,
Хрусталь стола толкнула и разбила,
И радуга зажглась в венцах из трав.

Объёмной пастью Старое Долбило
Излила кровь, и мрак стал грязно-ал.
В громах явилось новое страшило.

И мир увяз в несчётности зеркал.

ПОМЕСТЬЕ

Знаю я старинное поместье.
Три хозяйки в нём, один Хозяин,
Вид построек там необычаен,
И на всём лежит печать бесчестья.

На конюшне нет коней, а совы,
По хлевам закованные люди,
Их глаза закрыты словно в чуде,
На телах кровавые покровы.

Никогда здесь нет сиянья Солнца,
Здесь не слышен голос человеческий.
Сальные, заплывши, смотрят свечи
Сквозь кружок чердачного оконца.

На сто вёрст идут глухие боры,
Не пробьётся в чаще даже буря.
Леший, бровь зелёную нахмуря,
Сам с собой заводит разговоры.

Покряхтит, подумает, и ухнет,
Поглядит, и свалит дуб широкий.
А в доме Хозяин седоокий
Вмиг бадью в колодец старый рухнет.

Зачерпнёт внизу воды зацветшей,
Наземь головастиков уронит,
И как будто что-то похоронит,
И вздохнёт от радости прошедшей.

Вдруг ухватит младшую хозяйку
Весь нелепый, взбалмошный Хозяин,
В миге возрождён и чрезвычайен,
И велит играть с собою в свайку.

Старые опять краснеют губы,
Свайка замыкается в колечко,

Тень встаёт уродца-человечка.
Ах, в поместье игры жутко-грубы.

И пойдёт по гульбищам древесным,
Поползёт по зарослям сплетённым
Гул существ, как будто звоном сонным
Восстанов о чём-то неизвестном.

Заскрипят по всем хлевам засовы,
И с тремя хозяйками Хозяин,
Хоть молчит, но видом краснобаен,
И в шуршаньях красные покровы.

ПРЕДЕЛ

Скрип половицы
Ночью бессонной,
В доме пустом.
В памяти звонной
Тлеют страницы,
Том догорел.

Мысль увидала
Тление крыши,
Рухнет весь дом.
Зубы у мыши
Остры как жало.
Это — предел.

ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Она пришла ко мне из подземелья,
Ничем из мира снов не смущена,
Всегда пьяна, без тяжести похмелья.

И прошипела: Я твоя жена.
Я посмотрел с глубоким отвращеньем,
Не веря в то, что молвила она.

Она, моим не тронувшись смущеньем,
Приблизилась и подступилась вплоть,
Ведовским отдаваясь превращеньям.

Их дважды видеть — сохрани Господь.
То грузный червь, то злая обезьяна,
То лик Яги, то вздувшаяся плоть.

Она вставала бесом из тумана,
С глазами на затылке, а к челу
Две лампочки приделав для обмана.

Вдруг раздвоясь, кружилась на полу,
Дрались друг с другом эти половины,
И обе выдохали чад и мглу.

Изливши кровь, казала лик ослиный,
И пожирала розы без конца,
Дудела в трубку, била в тамбурины.

Закрыв всю стену шкурою лица,
Разъяв её на мерзостных распяльцах,
Из черепов два сделала венца.

Перстнями гады съёжились на пальцах,
В глазных щелях, в лоханке их двойной,
Плясали мухи, словно в узких зальцах.

Я понял, что обвенчан я с Войной.

ВИХРИ

В ведовский час тринадцати часов,
Когда несутся оборотни стриги,
Я увидал, что буквы Древней Книги
Налившиеся ягоды лесов.

Нависли кровью вихри голосов,
Звенели красным бешеные миги,
Перековались в острый нож вериги,
Ворвались в ночь семь миллионов псов.

А в это время мученики-люди,
Семь миллионов страждущих людей,
Друг с другом бились в непостижном чуде.

Закрыв глаза, раскрыв для вихрей груди,
Неслись, и каждый, в розни вражьих сил,
Одно и то же в смерти говорил.

ЗЕЛЬЯ

Я знаю много ворожащих зелий.
Есть ведьмин глаз, похожий на луну,
Общипанную в дикий час веселий.

Есть одурь, что к густому клонит сну,
Как сусло, как болотная увяза,
Где, утопая, не приходишь к дну.

Есть лихосмех, в его цветках проказа,
Есть волчий вздох. Есть заячий озноб.
Рябины бусы хороши от сглаза.

Для сглаза же отрыть полезно гроб,
В могиле, где положена колдунья,
И щепку в овсяной протиснуть сноп.

Ту гробовую щепку, в Новолунье,
Посей в лугах, прибавь чуть-чуть огня,
Взрастёт трава, которой имя лгунья.

Падёж скота, оскал зубов коня,
Дыб лошадиный, это всё сестрицы
Травинки той, что свет не любит дня.

Вот конница, все кони легче птицы,
Но только лгуны поедят в лугах,
Бегут вразброд и ржут их вереницы.

Из тысяч конских глоток воет страх,
Подковы дрябнут, ноги охромели,
Оскал зубов — как ранний снег в горах.

Я знаю много, очень много зелий.

ЗАГОВОР О КОНЯХ

Глубокий след. Пробитый след. Округлый след коня.
В игре побед мне дорог след. Завет в нём для меня.

Возьму струю. В него пролью. Возьму струю отрав.
Где вихрь погонь? Он хром, твой конь. Горит огонь меж трав.

И сто коней, циклон коней, гей, гей, коней твоих,
Сгорел, смотри, в лучах зари. Бери врагов, мой стих.

БЕГ

Песок вскипал. За мною мчались Мавры.
Но лёгок был мой черноокий конь.
И в этой зыби бега и погонь
Горели мы как быстрые кентавры.

Мне чудилось — в висках гремят литавры.
О, кровь моя! Кипи! Колдуй! Трезвонь!
Я мчусь как дух. Лечу как ведогонь.
Как ветер, в чьём волненье блещут лавры.

Уклонных гор, кривясь, разъялась пасть.
Во мне не страх, а хохот и веселье.
Во мне полёт, и пляс, и вихрь, и страсть.

В крови коня ликует то же зелье.
Лечу. Летим. Хоть в Ад на новоселье.
Лишь только б в руки вражьи не попасть!

ЦАРЕВИЧ ИЗ СКАЗКИ

Я был царевичем из сказки,
Всех мимоходом мог любить,
И от завязки до развязки
Вёл тонко-шёлковую нить.

Хотел громов, мне были громы,
Хотел мечты, плыла Луна,
И в голубые водоёмы
Лилась от Бога тишина.

Но, мир по прихоти целуя,
Я встретил белого коня,
Его причудливая сбруя
Вдруг озадачила меня.

Чтобы горячий зверь, который
Огню и буре побратим,
В такие был одет уборы,
Он, чей порыв неукротим.

Глаза газели, грудь девицы,
И шея лебеда, а хвост
Метал июльские зарницы
И огнепыль падучих звёзд.

А перепевный звон подковы,
Обутых в звук руды копыт,
Был вечно старый, вечно новый,
Как стебель, вставший из-под плит.

И на таком-то, вне закона
И вне сравненья, скакуне
Кроваво-красная попона
Уродством показала мне.

На этом диве превосходства,
Кому меж звёзд была тропа,

Седло являло с гробом сходство,
Подвески были черепа.

А кто в седле, понять нельзя мне,
Нельзя мне было в миг чудес:
Закрыв глаза, я лёг на камни,
Открыл глаза, а конь исчез.

Лишь перепевною подковой
Звенел он где-то вдалеке.
И вот уж ниткою суровой
Стал тонкий шёлк в моей руке.

Уж не царевич я медвяный,
Я бедный нищий на пути,
Не знающий, в какие страны
За подаянием идти.

Мне сказки больше незнакомы.
Лишь грёза молится одна,
Чтоб в голубые водоёмы
Лилась от Бога тишина.

УПРЯМЕЦ

В былое время аист приносил
Малюток для смеющихся малюток.
Вся жизнь была из сказочек и шуток,
И много было кедра для стропил.

Курились благовонья из кадил
Весь круглый год в круговращенье суток.
Я сам сложил довольно прибауток,
Звенел для душ, и мёд и брагу пил.

А ныне что? В рычанье шумов ярых
Лишь птицы мести могут прилетать.
Душа людей тоскующая мать.

Вся мысль людская в дымах и пожарах.
И лишь упрямец, всё любя зарю,
С ребёнком я ребёнком говорю.

САМОРАЗВЕНЧАННЫЙ

Он был один, когда читал страницы
Плутарха о героях и богах,
В Египте, на отлогих берегах,
Он вольным был, как вольны в лёте птицы.

Многоязычны были вереницы
Его врагов. Он дал им ведать страх.
И, дрогнув, страны видели размах
Того, кто к Солнцу устремил зеницы.

Ни женщина, ни друг, ни мысль, ни страсть
Не отвлекли к своим, к иным уклонам
Ту волю, что себе была законом, —

Осуществляя солнечную власть.
Но, пав, он пал — как только можно пасть,
Тот человек, что был Наполеоном.

СОСРЕДОТОЧИЕ

Мне нравится спокойно говорить,
Там в сердце средоточье бурь качая,
На сжатые рук лишь взглядом отвечая,
Прося распутать спутанную нить.

Не слишком ли легко кричать, громить,
Всю тишину, от края и до края,
Будя, дробя, волнуя, разрывая, —
Не лучше ли разъятость единить?

Художник любит делать то, что трудно:
Плотиной сжать свирепый ход морей,
Пригоршней зёрен вызвать шум стеблей, —

Заставить пыль светиться изумрудно,
Велеть лесам, чтоб пели многогудно:
Не это ли есть волшебство царей?

ДВА БОГА

Тецкатлипока, с именем мудрёным,
Был в Мексике дразнитель двух сторон,
Влюблённик стрел, избегов, оборон
И плясок боя по обрывным склонам.

С победой ли, с тяжёлым ли уроном,
Но биться, бить, сражаться, сеять стон,
На лоне многократных похорон
Быть новых битв неистоцимым лоном.

Но возле гор, где зоркий Нагуатль,
Ацтек, взрастил могучие магеи,
Где кактусы узлят клубки как змеи, —

Вода морей, чьё имя нежно, Атль,
Поёт, что, расцветивший орхидеи,
Красив змеиный бог Кветцалькоатль.

ПСАЛОМ ЗЕМЛИ

Я слышу, как вдали поёт псалом Земли.
И люди думают, что это на опушке
Под пенье звонких птиц костёр любви зажгли.
И люди думают — грохочут где-то пушки.
И люди думают, что конница в пыли
Сметает конницу, и сонмы тел легли
Заснуть до нового рыдания кукушки.
И льнут слова к словам, входя в псалом Земли.

ИСКРЫ ТАЙН

Будут планеты проходить в своих орбитах.
Будет комета. И новая Луна.
Полчища маленьких раковин разбитых
Снова принесёт нам океанская волна.

В днях измельчит их движенье влаги буйной.
В днях измельчит их — их повторный поцелуй.
Дни их источат в той пляске поцелуйной.
Вот лежат песчинки. Прибрежный вихрь, ликуй.

В зыбях песчаных, как золотом обитых,
Догоранья Моря, мерцаний строй и ряд,
Грёзы предельные раковин разбитых,
Искры тайн подводных в последний раз горят.

КЛУБОК

Я взял клубок, но не подозревая,
Что будет нить прястись сама собой
В узоры алый, жёлтый, голубой,
Клубок скользнул, в нём власть была живая.

И к нити нить мечтой перевивая,
Закрыв глаза, стоял я как слепой.
Узор к узору шёл наперебой,
Означилась вся повесть огневая.

Вдруг захотел я отшвырнуть клубок,
Но сам упал, растерянный, разбитый.
И, встав, прочёл решение рдевших строк: —

Ты окружён неотвратимой свитой,
И будешь прясть, доколе, из минут,
Часы твой праздник белый не сплетут.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ

Если хочешь улыбнуться, улыбнись.
Хоть не хочешь обмануться, обманись.
Хочешь птицей обернуться, прыгай вниз.
Пропасть с пропастью на дне звеном сошлись.

Ты над жизнью посмеёшься, весь шутя.
Ты в Безвестность оборвёшься, не грустя.
Ты в Неведомом проснёшься. И хотя
В жизни жил ты, вновь ты встанешь как дитя.

Только, если, самовольство возлюбив,
Возмечтав, что в недовольстве ты красив,
Ты проснёшься, заглянувши за обрыв,
Будешь падать, форму формой заменив.

Будешь падать. Будешь падать ты. И лишь
Отдохнёшь, опять в падении сгоришь.
Век за веком будешь падать в гром и в тишь,
И на том же месте то же совершишь.

СОН

Спустившись вниз, до влаги я дошёл.
Вода разъяслась предо мной беззвучно,
Как будто ей давно уж было скучно
Ждать странного. Лишь малый произвол
В игранье сил, — сомкнулась влага снова,
Меня отъяв от воздуха земного.
И шёл я, не дивясь иным мирам.
Я проходил в том бытии подводном,
Смотря, как вьются в танце хороводном
Виденья снов, как с ними вьюсь я сам.
А над громадой вод ненарушимых
Светила нам плывущая Луна.
И я узнал, скользя в сквозистых дымах,
Что тень любимой мне всегда верна,
Узнал, что в бездне дней неисследимых
Душе поможет жить любовь одна.

ПЛИТА

Немые ветви сон мой закачали,
Цветами доходя до темноты,
Каждением из дыма и печали, —

Видением из дальних дней, где ты,
Куда уж больше досягнуть нельзя мне,
Где я с тобой лишь в зеркале мечты, —

Безвестный знак на придорожном камне.

МОЙРЫ

Ты вела меня спокойно. Ты вела и улыбалась.
Уходила, усмехаясь, в неизвестные поля.
На краю пути былинка еле зрима гибалась.
Ветерок неуловимый реял, прахом шевеля.
Я оставил дом родимый, гумна, мельницу, амбары,
Золотые сгроможденья полновесного зерна.
Все от ранних мигов детства сердцу ведомые чары,
Вот за мной зима и осень, юность, лето, и весна.
Предо мной едиодневнось, вне привычных сдвигов года.
Вне закона тяготенья по земле иду легко.
Но не радуется сознание совершенная природа,
Ухо ловит звуки пенья, там, родного, далеко.
Песнопения успенья, равномерный звон кадила,
Воплощался в цвет лиловый благовонный фимиам.
И полянами фиалок ты беззвучно уходила,
И потоком водопадным свет лился по сторонам.
Но пред странным косогором я застыл в недвижимом страхе: —
Вот, такие, как и снились, ткнут, прядут, число их три,
Это Норны, это Мойры, это Парки, Пряхи, Пряхи
Это Судьбы, Суденицы, на пожарищах зари.
Замыслительницы роков, и ваятельницы далей,
Восприемницы-ткачихи волоконца без конца,
В угаданиях зачатий, приговорщицы ордалий,
Испытующие чувством воспалённые сердца.
Очи юны, кудри стары, нити, нити, пряжа, пряжа,
Ткань нисходит океаном, в каждой капле есть зрачок.
Смотрит пена, смотрят волны, и в высоком небе даже
Вместо Солнца глаз глядящий, бледный Месяц —
бледный Рок.
Безграничная всезрящность, всеобъёмность шаткой ткани,
Облекла моё сознание в многоликий душный склеп.
И опять мне захотелось быть в незнание, быть в обмане,
И, склоняясь пред младшей Мойрой, я,
закрыв глаза, ослеп.

А когда глаза раскрылись, чья-то тень ушла бесшумно,
И дрожащими руками тщетно я искал тебя.
Я под ивою плакучей. Вижу сад, амбары, гумна.
Зыбко вижу и не вижу, как мне жить, Любовь любя.

ДОВЕРИЕ

Когда я думаю, что страшный лик уродца
Был первым мигом здесь для Винчи, как для всех,
Я падаю в провал бездонного колодца,
А вслед за мною крик и судорожный смех.

Смеётся надо мной сто тысяч звуков страсти,
Которым подчинюсь, когда придёт мой час,
В болотце посмотрю, как вьётся головастик,
Уборам жизней всех косою колдует глаз,

Мне странно жутко знать, что даже чётки, зёрна
Моей любимой ржи, дающей чёрный хлеб,
Должны искать низин, чтоб в тлении упорно
Сплести зелёные взнесённости судеб.

Но также ведаю, что в золотые слитки
Умею перелить землистую руду,
И апокалипсис читая в длинном свитке,
Я в храм моей души не сетуя иду.

Пахучей миррою, богатым духом нарда
Восходит ладан мой доверия к Судьбе.
Кто я, чтоб лучше быть, чем был здесь Леонардо?
Земля родимая, вся мысль моя — тебе.

AMA NESCI RI

Любви не знать и не звенеть ничем.
Ни торжеством. Ни именем высоким.
Ни подвигом. Будь лучезарно-нем.
Ночным будь Небом, тихим и стооким
Полдненным часом. Солнечным лучом, —
Что видит всё, не мысля ни о чём.

ОТШЕЛЬНИК

Меня зовут отшельником-дендритом.
Покинув жизнь, где всюду цепко зло,
Замкнулся я в древесное дупло,
Оно мне стало церковью и скитом.

Я здесь стою в молчанье нарочитом,
Торжественном. Полсотни лет прошло.
Смотря на мир, как в дымное стекло,
Я мыслю в древе, молнией разбитом.

Как мне назвать его, не знаю я.
Зачем мне знать название приюта,
Где здешняя моя пройдёт минута?

К дуплу порою приползёт змея,
Двурогим языком мелькнёт по краю.
Молитвою — её я прогоняю.

УЖ ПОЛНО

И гнался я на поприщах гонитвы,
И видел кровь на острие копья,
И ведал радость молвить: «Первый — я»,
И знаю весь размах победной битвы.

И в новые пускался я ловитвы,
Опять весной я слушал соловья,
Но вы, к кому вся эта речь моя,
Видали ли когда безгласный скит вы?

Молитву возлюбив, как благодать,
Всецело отрицаясь своеволья,
Ночь тихую избрать себе как мать.

Уйти. Войти. Пусть в башню. Пусть в подполье.
Уж полно мне скитаться и блуждать.
Я здесь свеча, в святыне богомолья.

ПОДВИЖНАЯ СВЕЧА

Не обольщусь пред Богом Сатанюю,
Мой Бог есть Бог, и низок Сатана.
Меж мной и адским пламенем стена,
А пламень мой, мой чистый огонь, удвою.

Не поклонюсь лукавцу Громобою,
Иная Богом молния дана.
Мальстрёмные воронки есть без дна,
И вихри есть с отрадой дождевою.

Не вовлекусь в кружащийся мальстрём.
Мне шлёт псалмы мой верховодный гром.
А если в ярых пламенах основа, —

Я нижние те пламени скую,
И, как свечу, я душу мчу мою
В руке Архистратига Огневого.

ПРЕВОЗМОГШАЯ

Хочет меня Господь взять от этой жизни.
Не подобно телу моему в нечистоте одежды
возлечь в недрах матери своей земли.

Боярыня Морозова

Омыв свой лик, весь облик свой телесный,
Я в белую сорочку облеклась.
И жду, да закружится должный час,
И отойду из этой кельи тесной.

Нет, не на баснях подвиг проходил,
Нет, полностью узнала плоть мытарства.
Но, восхотев небесного боярства,
Я жизнь сожгла, как ладан для кадил.

От нищих, юродивых, прокажѣнных,
Не тех, кто здесь в нарядной лепоте,
От гнойных, но родимых во Христе,
Я научалась радости сожжѣнных.

И пламень свеч в моём доме не гас.
Не медлила я в пышных вереницах.
Но сиротам витать в моих ложницах
Возможно было каждый миг и час.

Но встала я за старину святую,
За правило ночное, за Того,
К Кому всю роспись дела моего
Вот-вот снесу, как чаю я и чую.

За должное сложение перстов,
За верное несломанное слово,
Мне ярость огнепальная царѣва
Как свет, чтоб чётко видеть путь Христов.

В веках возникши правильной обедней,
Здесь в земляную ввержена тюрьму,

Я всю дорогу вижу через тьму,
И я уже не та в свой час последний.

Минуты службы полностью прошли.
В остроге, и обёрнута рогожей,
Зарыта буду я. О, Сыне Божий!
Ты дашь мне встать из матери-земли.

СВЯТЫЙ БОЖЕ

Святой Боже,
Святой крепкий,
Святой бессмертный,
Помилуй нас.
Трисвятая
Эта песня
Душе явилась
В великий час.
Там, в Царьграде,
В час, как с Проклом
Толпа молилась,
Земля тряслась.
Юный отрок,
Духом чистым,
Вознёсся к Небу,
И слышал глас.
Святой Боже,
Святой крепкий,
Святой бессмертный,
Помилуй нас.
В Небе ангел
Пел с другими,
Сияли хоры,
Горел алмаз.
Юный отрок
Всем поведал,
И песнь ответно
С земли неслась.
Чуть пропели,
Стало тихо,
Земля окрепла
В великий час.
Святой Боже,
Святой крепкий,
Святой бессмертный,
Помилуй нас.

МОЛИТВА КАЖДОГО ДНЯ

Мне дорого простое сочетанье
Немногих слов и крепкая их вязь,
Где тонет грех, бессилеет страданье,
И где невластен Бездны тёмный Князь.

Благодарю Тебя, Великий, Сильный,
Дремавший на тонувшем корабле,
Меня понявший в час мой самый пыльный,
Меня принявший, бывшего во зле.

Насущный хлеб я каждый день имею,
И день есть дней, со звоном брачных чаш.
Мечта Господня. Как легко мне с нею.
Я каждый день читаю Отче Наш.

БЕЛОЕ ВЕЯНЬЕ

Кто, белый, там идёт от нас?
Проблаговестил звёздный час.
И Мать ушла. Ушёл Отец.
На нём, на ней — один венец.

Уходит в небо лик снопа.
Сквозь вечер слышен стук цепа.
Зерно к зерну, молотит цеп.
Посев и жатва — путь судеб.

Как нежен этот дух тепла.
Овин. Гумно. Луна взошла.
Благословенье, Светлым, вам,
Что к вышним отошли полям.

НЕТ МЕСТА ТРЕВОГЕ

Нет места тревоге. Нет места унынию.
Коль сам в Мирозданье ты создал себя,
Взгляни же в Бездонность, в ту звёздную, синюю,
И верь в своё сердце, свой подвиг любя.
А если ты создан Другим, кто в Безбрежности
Дал капле отдельность, а сам — Океан,
Постигни, какой же исполнен Он нежности,
Дав к правде вернуться, пройдя чрез обман.

ПРЕД ЗЕРКАЛОМ

Два счастья, два тягучие страданья,
Рожденье и падение звезды.
В развитом свитке долгой череды
Все числа ждут ключа для сочетанья.

Где ключ? Где ключ? Ты слышишь ли рыданье
Глубин Огня с потоками Воды?
Всех белых лун опять растают льды
Пред зеркалом полночного гаданья.

Ключ! Ключ! Любовь есть первый верный вскрик
Внемирности донесшееся пенье,
Журчащий гром, взорвавшийся родник, —

Пленительность щемящего влюбленья.
Но Смерть верней в уладах уязвленья.
Приди с ключом, всех чувств моих двойник!

ЗАВЕТРИЕ

Смерть нас в дивное заветрие зовёт,
Там плывёт видений светлых хоровод.
Там в заоблачном слагаются хвалы
Перед Тем, Кто видит дальше, чем орлы.

Здесь мы вихрями носимы, нет их там,
Здесь мятели нам свирели по степям.
Там заветрие в цветы завьёт снега,
Море синее не точит берега.

Смерть нас в тихое заветрие возьмёт,
Там есть музыка, что сладостней, чем мёд,
Там есть светы, что светлее наших свеч,
Нет разлуки, но всегда есть радость встреч.

ОКО

Я Око всеобъёмное. Во мне
Стеснения гор. Их тёмные уступы
Ведут в провал, где ключ журчит на дне.

Мне хлопья мглы — охваты и ощупы,
Как слизняки, что строят жемчуга,
И замыкают их в свои скорлупы.

Ресничные для Ока берега
Земля внизу и сверху Звездомлечность,
Две крышки гроба, веки, тень врага.

Мой враг — предел. Мой взор уходит в Вечность.
Предметное — лишь веки для меня.
И я смотрю, считая быстротечность.

Всё шире Глаз. Всё больше в нём огня.
Когда ж в кострах пустот свой путь планеты
Пройдут, и круг свершат ночей и дня, —

В один объём содвинутся все светы,
Всё будет — Око, зрящее себя
И в пламени, где все сгорят предметы,

Потонет Время, Вечность возлюбя.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

En esta vida todo es verdad...

Calderon

1.

Я был на зиккуратах Вавилона,
Бог Солнца жёг меня своим лучом,
И, жрец, я препоясан был мечом,
А мой псалом был завываньем стона.

Я в жарком Кэми древнего закона
Был солнечник. И мыслил я. О чём?
О том, что Узури — судья с бичом,
И звёздный цеп взвивался в вихрях звона.

Я был везде. Я древле был Варяг.
Вся кровь моя есть красный путь к Валгалле,
И каждый мне желанным был как враг.

Я был жрецом на грозном теокалли.
И, дымный в грудь вонзал обсидиан.
Зачем, зачем вся кровь веков и стран?

2.

Всё в мире правда, в мире всё обман.
En esta vida todo es mentira,
Y todo es verdad. В основах мира
Закон разрыва нам глубинно дан.

Вместишь ли в малой капле Океан?
И да, и нет. Среди веселий пира
Без плача звонкой может ли быть лира?
Мост радуг упирается в туман.

Когда бы в Океане безграничном
Мы медлили, мы были б слитны с ним.
А в капле брызги радуг мы дробим.

Смеёмся мы и плачем в малом личном.
В вертенье круга — радость и печаль,
Но в высь ведёт змеиная спираль.

3.

Я не ропщу. Мне ничего не жаль.
Я вижу брата в сильном и в убогом.
Я жертвой был и жертву взявшим богом.
Я сердце и пронзающая сталь.

Я близь — родной души. Я дух — и даль.
Я улыбаюсь, медля над порогом.
Застыв, молюсь в отъединенье строгом.
Я вижу, как рубин течёт в хрусталь.

Я чувствую, я знаю, что за гранью
Предельного я вновь найду родник,
Где гранью из безгранного возник,

Со всем моим приду туда, как с данью.
Глянь в зеркало, и верь его гаданью:
На дне глубин преображён твой лик.

РАВНЫЙ ИСУ

И был тот город Ис всех светлее городов и счастливее. Было в нём цветов и благовоний в изобилии. Любились в нём так, как будто тела суть души.

И великая с Моря волна затянула однажды морскою водой город Ис, где он и доньше со всеми своими башнями.

Из старинной летописи

1.

Зорки здесь люди издревле дондесь,
Каждая мысль обнажается,
Дашь талисман им, — усмотрят: «Не весь.
Что-то ты прячешь. Есть таинство здесь».
В чётком черта завершается.

Каждое чувство утонченно здесь,
Каждый восторг усложняется.
Дашь им весь блеск свой, — удержат: «Не весь.
Дай половину. Другую завесь».
Солнечник в вечер склоняется.

2.

Испанца видя, чувствую — он брат,
Хотя я Русский и Поляк стремленьем.
Я близок Итальянцу звонким пеньем,
Британцу тем, что Океану рад.

Как Парс, душевной музыкой богат,
Как Скандинав — гаданьем и прозреньем.
Как Эллин, изворотлив ухищреньем,
Мысль, как Индус, я превращаю в сад.

Лишь с потонувшим в блеске слов Французом
Не чувствую душевной связи я,
Красива по-иному речь моя.

И всё же связан крепким я союзом
 С столицей, что в свой водоворот,
 Свой лик храня, все токи рек вберёт.

3.

Мне нравится учтивая прохлада,
 С которой ум уму, светясь, далёк.
 Любой Француз — кипящий зимно ток,
 Но это также — свойство водопада.

Всклик девушки в любовный миг: «Не надо!»
 В ней стройность чувства вылилась в зарок.
 Из этого есть что-то в ритмах строк,
 В которых мысль условным чарам рада.

Париж — твердыня формул, теорем,
 В изящном он доходит до Китая.
 Где я кричу, — он, созерцая, нем.

Где я молчу, — потоком слов блистая,
 Он говорит. Искусством весь пленён,
 Искусственность в *chef-d'oeuvre* возводит он.

4.

Есть тонкая внестыдность совершенства
 В как будто бы бесстыдных торжествах
 Явления плоти, в умственных пирах,
 Ведущих смыслы слов до верховенства.

Художник знает ясное блаженство
 Отобразить в колдующих зрачках
 Нагое тело, весь его размах.
 Свет творчества есть право на главенство.

Но в этом также тонкий яд разлит:
 Кто видел тайну, тайну не забудет,

Париж — цветок, который вечно будет
Из лиц, из слов, улыбок, стен и плит

Струить намёк, что звоны струн пробудит:
Здесь тело в духе цельным сном горит.

5.

Париж, Paris, есть город, Ису равный,
А Ис был древле некий Светояр,
Он потонул, морских исполнен чар,
И стал в умах легендой стародавней.

Здесь в храме гимн Изиде пелся плавный,
Мир для богинь стал холоден и стар,
Она ушла, корабль оставя в дар,
Он взят как герб столицей своенравной.

И до сих пор морской чуть веет дух
Над городом, что возлюбил измены,
Волна морей поёт во всплесках Сены.

Звон серебристый, вкрадываясь в слух,
Мерцает в речи шёлком поцелуя,
Звезда морей всё медлит здесь, колдуя.

6.

Паскаль. Бальзак. Бодлэр. Вилье. Верлэн.
Колодец. Буря. Пропась. Перстень. Пляска.
Скальпель. Циклон. Кальян. Прозрень. Сказка.
Пять факелов над станом серых стен.

Я чуял — вами — общей доли плен,
Вы ведали, что в жизни боль завязка,
Что красная скрепляет в сером краска,
Что вертится веретено измен.

От бесконечно-малого пробеги
До бесконечно-грозных величин.
Ум — нищий. Ум — верховный властелин.

Ток вещества, застывший в стройной неге.
Париж. Любовь. Ты вихрь включил во вздох.
Среди богов ты пятистрельный бог.

7.

Париж есть стройная баллада,
 В узор сплетённая кудель.
 Но вдруг в Апрель
 Завьётся хмель,
И изменяет облик сада.

Париж — законченный сонет,
 Вся строгость бального наряда.
 Но вдруг от взгляда
 Жжёт услада,
И порван мерный менуэт.

ИЗДРЕВЛЕ

1.

Спокойная зелёная трава,
Вершины скал, шатры небес, лиловы.
Такие ткани часто носят вдовы.
А в небосини тихие слова.

Неслышные, лишь видные едва,
В ней тучки, млея, рвут свои покровы.
Издrevле их сплетенья вечно новы,
Лишь сказкой их любовь стеблей жива.

Клочок к клочку, белея, жмётся плотно,
Уже не рвут они сквозную ткань,
А изменяясь ткут свои полотна.

Лавинный ход, снега, и бой, и брань.
Огонь к огню стремится безотчётно.
Душа спала. Гроза грохочет. Встань.

2.

Сквозь буквы молний, долу с выси дань,
Скользит псалом, он обернётся громом.
Два разных рденья стали водоёмом,
И звук дождя — как голос древних нянь.

Усни. Проснись. Забудь. Не видь. Но глянь.
Седые Мойры грезят по изломам.
В ненайденном блаженство, лишь в искомом.
Хоти. Цвети. Но, раз расцвёл, увянь.

Всё тот же звук, сквозь пряжу дней, доныне.
Седые Мойры, здесь я слышу вас,
Вдыхая вздохом крепкий дух полыни.

Вся радуга — в тончайшей паутине.
Свет звёздный жив, когда в поблекший час
Шар Солнца потонул в морской пустыне.

3.

За краткий миг сердечной благостыни
Приму, приму тягучие часы.
И верный пахарь чёрной полосы,
Молельник и слуга лесной святыни.

Мне сладко знать, что глуби неба сини,
Что рожь моя исполнена красы,
Что для моих коней взойдут овсы,
Что золото есть в горной сердцеvine.

Снуёт челнок, прядя мечту к мечте,
Да маревом заполнятся пустоты,
Когда меня спросит Голос: «Кто ты?» —

Я пропою на роковой черте:
«Я сумрак тучки, полной позолоты,
Цветок, чья жизнь — каждый Красоте».

АДАМ

Я бог Атуму, Сущий, я был один...
Атуму, бог Солнцеграда, сотворитель
людей и делатель богов... Атуму,
Солнце ночное...

Египетская запись.

1.

Адам возник в Раю из красной глины,
И был он слеплен Божеской рукой.
Но в этом колдовал ещё Другой,
И все его стремленья не едины.

Так в мире всё, от пламени до льдины,
Меняется. У кошки резкий вой
Есть вскрик любви. И ветер круговой
Ломает лес, а в нём поют вершины.

Но, если бы одна была струна,
Не спеть бы ей Симфонии Девятой.
И потому я — нищий и богатый.

Мне Ева — белокурая жена.
Но есть Лилит. Есть час в ночи заклятый,
Когда кричит сова и мчит Война.

2.

Когда кричит сова и мчит Война
Потоки душ, одетых разным телом,
Я, призраком застывши онемелым,
Гляжу в колодец звёзд, не видя дна.

Зачем Пустыня Мира создана?
Зачем безгранный дух прильнул к пределам?
Зачем, — возникну ль жёлтым или белым, —
Но тень моя всегда везде черна?

Я пробегаю царственные свитки,
Я пролетаю сонмы всех планет,
Но Да, ища, всегда находит Нет.

Магические выдумав напитки,
Я вижу сны, — но в этих безднах Сна
Я знаю, что легенда нам дана.

3.

Я знаю, что легенда нам дана
Во всём, что возникает как явление,
Что правда есть, но лишь как обрамление,
Картина же — текучая волна.

В потоке все. Не медлит пелена.
Ни атома, ни мига промедленья.
Любви хочу, но есть одно влюбленье,
Влюблённость, хмель, создание звена.

Я, перед кем померкли исполины,
Я, таинства порвавший всех завес,
В Двенадцати искусный Геркулес, —

В одном и в двух — я слаб, как лист осины:
Не есмь! Лишь встал, — уж был, прошёл, исчез,
Как изъяснение красочной картины.

4.

Как изъяснение красочной картины,
Задуманной не мною, а другим,
Как всплеск, рождённый шорохом морским,
В Любви и Смерти я лишь миг лавины.

Ни орлий лёт, ни гром, ни голос львиный
Не чужды мне. В веках тоской томим,
Не раз мне Сатана был побратим,
И, как паук, сплетал я паутины.

Но лишь себя ловил я в тот узор.
И для кого свои меняю лики?
Я протянусь как змейка повилики, —

Я растекусь ключом по срывах гор.
Но лик мой — рознь. В себе — я не единый.
Цветы — в снегах. Цветы — растут из тины.

5.

Цветы — в снегах. Цветы — растут из тины.
Но что нежнее в безднах бытия, —
Купава ли болотная моя
Иль эдельвейс, влюбивший гор вершины?

И камыши, — когда среди трясины
Они шуршат, — те шорохи струя,
Поют чуть слышно: — Слитны ты и я,
Когда умрёшь. Дойди до сердцевины.

Смерть в сердце поцелует. Смерть одна,
Верней Любви, объятее необманном,
К тебе прильнёт, и будешь в счастье странном,

С низинами сольётся вышина. —
Но нет. Бегу Зимы, к восторгам жданным.
Цветы цветут, когда идёт весна.

6.

Цветы цветут, когда идёт весна,
Весною виден лад всемирной связи,
Лягушки скачут весело по грязи,
От жаворонков рдеет вышина.

Там сверху Кто-то смотрит из окна.
Что Солнцем называется в рассказе,
Тот взгляд внизу сверкает в каждом глазе,
Весною каждый хочет жить сполна.

Умри? Зачем искать я Смерти буду,
Когда весь умираю я в Любви.
Ищи Любовь. Следи. Гонись. Лови.

К смертельному здесь причастишься чуду.
Весна зовёт, вольна, хмельна, пьяна.
И в Осени нам власть цвести дана.

7.

И в Осени нам власть цвести дана,
Когда мы Смерть с Любовью обвенчаем.
Горит весь лес. За отдалённым краем
Его владений — чу! — гудит струна.

Какая в этом рденье глубина, —
Так краски не горят весёлым Маем.
И пусть печалью час утрат терзаем, —
Без Осени вся наша жизнь бедна.

Лишь Осенью, в канунный миг отлёта
Заморских птиц, мы слышим журавлей.
И любим мы. И с нами плачет Кто-то.

И любим мы. Больнее. Всё больней.
Цветут огнём — последние куртины.
И сказочный расцвет кристалла — льдины.

8.

И сказочный расцвет кристалла — льдины,
И сказочен немой расцвет снегов,
Когда мельканье белых мотыльков
Наложит власть молчанья на равнины.

Чьи кони мчатся? Белы эти спины
И гривы их. Чуть слышен звук подков
То тут, то там. Безумен свет зрачков
Тех конских глаз. Тот шабаш лошадиный.

Очей белесоватых — Ноябрью
Немой привет. Текучим водам — скрепы.
Вертлявой выюги норы и вертепы.

И на себя я в зеркало смотрю.
Все вымыслы торжественны и лепы
Всем пламенем, которым я горю.

9.

Всем пламенем, которым я горю,
Всем внутренним негаснущим вулканом,
Я силу правды дам моим обманам
И приведу все тени к алтарю.

Умывшись снегом, боль в себе смирю,
Велю мечтам стать многоликим станом,
Над Золотой Ордою буду Ханом
И, приказав, приказ не повторю.

Есть власть в мечте. Я это слишком знаю,
Как лдяный вихрь, я целый мир скую,
Чтоб он молчаньем славу пел мою.

И вдруг — в избушке я, и, внемля лаю
Моих собак, я искрюсь и пою
Всем холодом, в котором замерзаю.

10.

Всем холодом, в котором замерзаю,
Всем ужасом безжалостной Зимы,
Преджизненными нежитями Тьмы,
Что вражескую в мир стремили стаю, —

Той пыткой, когда душой рыдаю,
Узнав, что нет исхода из тюрьмы,
Комком, во что склеилось наше Мы,
И гробом, где, как тлен, я пропадаю,

Не дам себя всем этим победить,
И в крайний миг, и в час мой самый жалкий
Моя душа — работница за прялкой, —

Я с пением кручу живую нить,
Хоть в пряже радость я перемежаю
Тоской, чьим снам ни меры нет, ни краю.

11.

Тоской, чьим снам ни меры нет, ни краю,
В безбрежных днях Земли я освящён.
Я голубым вспоил расцветом лён,
Он отцветёт, я в холст его свиваю.

Я в белизну всех милых одеваю,
Когда для милых путь Земли свершён,
В расплавленный металл влагаю звон
И в нём огнём по холоду играю.

Как верный раб, неся дары Царю,
Освобождаем мудрую десницей,
И труд раба вознаграждён сторицей, —

Я в золото все прахи претворю,
Да в Смерти буду встречен, бледнолицый,
Всей силой, что в мирах зажгла зарю.

12.

Всей силой, что в мирах зажгла зарю,
Над этим миром будней, топей, гатей,
Всем таинством бесчисленных зачатий
Жизнь шлёт призыв, и я с ней говорю.

Я к древнему склоняюсь янтарию
И чую дух смолистой благодати,
Врагов считаю вспыхнувшие рати,
Встаю в рядах и с братьями горю.

Что можно знать, — в себя взглянув, я знаю,
Во что возможно верить, — стерегу,
Чтоб на другом быть светлом берегу.

Творя огонь, иду к Святому Гаю,
И пусть себя, как факел, я дожгу,
Клянусь опять найти дорогу к Раю.

13.

Клянусь опять найти дорогу к Раю,
И в Отчий Дом возврат мне будет дан,
Когда сполна исчерпаю обман,
В котором зёрна правды я собираю.

И к нищенскому если караваю
Касаюсь здесь, — к пределам новых стран
Я устремлю свой смелый караван,
Оазис — мой, мне зацветёт он, знаю,

Когда я сам себя переборю, —
Какой ещё возможен недруг властный.
За краем снов есть голос полногласный.

Идёт Тепло на смену Декабрю.
И пусть года терзаюсь в пытке страстной, —
Мне Бог — закон, и боль — боготворю.

14.

Мне Бог — закон, и боль — боготворю.
Не мне, не мне, пока иду я тенью,
Здесь предаваться только упоенью,
Но в рабстве я свободный выбор зрю.

Я был цветком, я знал свою зарю,
Стал птицей я, внимал громам как пенью,
Был днём в году, псалмом я был мгновенью,
К земному да причтусь календарю.

А если он окончился, — так что же?
Не лучше ли горенья краткий час,
Чем бездны Тьмы? Будь милостив мне, Боже.

Ты дал стада мне, — я их зорко пас.
Не для того ль, чтоб сжечь весь плен холстины,
Адам возник в Раю, из красной глины.

15.

Адам возник в Раю — из красной глины.
Когда кричит сова и мчит Война,
Я знаю, что легенда нам дана —
Как изъяснение красочной картины.

Цветы — в снегах, цветы растут — из тины,
Цветы цветут, — когда идёт Весна,
И в Осени — нам власть цвести дана,
И сказочный расцвет кристалла — льдины.

Всем пламенем, которым я горю,
Всем холодом, в котором замерзаю,
Тоской, чьим сном ни меры нет, ни краю, —

Всей силой, что в мирах зажгла зарю,
Клянусь опять найти дорогу к Раю:
Мне Бог — закон, и боль — боготворю.

ОРДАЛИИ

1.

Я стал как тонкий бледный серп Луны,
В ночи восстав от пиршества печалей.
Долг. Долг. Должна. Я должен. Мы должны.

Но я пришёл сюда из вольных далей.
Ты, Сильный, в чьё лицо смотрю сейчас,
Пытуй меня, веди путём ордалий.

В мои глаза стремя бездонность глаз,
К ордалиям он вёл тропинкой сонной:
Весы, огонь, вода, полночный час,

Отрава, плуг в отрезе раскалённый,
Сосуд с водой, где идол вымыт был,
Змея, и губы, и цветок замглённый.

Их десять, страшных, в капище, кадил,
Их десять, совершеннейших пытаний,
Узлов, острий, их десять в жерлах сил.

Вот, углубилось зеркало гаданий.
Став на весы, качался я, звеня,
Был взвешен, найден легче вздыханий.

Прошёл через сплетения огня,
И, вскрикнув, вышел с ликом обожжённым.
В воде, остыв, забыл о цвете дня.

В полночный час я весь был запылённым,
Меж тем как к Тайной Вечери я шёл.
Я выпил яд, и утонул в бездонном.

Горячим плугом, возле серых сёл,
Вспахал такую пашню, что поныне
Там только жгучий стебель рос и цвёл.

Сосуд с водой, где идол был, в гордыне
Я опрокинул, влага потекла,
Семь дней пути лишь цвет цветёт полыни.

Змея свила мне тридцать три узла,
И я возник посмешищем дракона,
Дробя собой без счёта зеркала.

Я губы пил, но я не видел лона,
К которому я весь приник, дрожа,
Отверг губами губы, в вихре стона.

И длинная означилась межа,
На ней цветок был, царственник замглённый,
Коснулся, цвет его был шар ежа.

Я десять воплей издал иступлённый,
Я десять, в пытке, разорвал узлов,
И был один, дрожащий, побеждённый.

А в зыбях сна был гул колоколов.

2.

О, то был час, — о, то был час,
Когда кошмары, налегая,
Всю смелость выпивают в нас, —
Но быстро опознал врага я.

Был в вихре вражьих голосов,
Но шёл путём ведуще-тесным,
И при качании весов
Был найден ценно-полновесным.

Как золотистое зерно,
Как самородок, в прахах цельный,
Как многозмейное звено,
Что держит якорь корабельный.

3.

Не рыдая, дождался я огненных рдяных ордалий,
Не вздыхая, смотрел, как горит, раздвигаясь, костёр,
Самоскрепленный дух — как клинок из отточенной стали,
Человеческий дух в испытаньях бывает хитёр.

Я припомнил, как в дни возвещений, что знала Кассандра,
Человеческий ток был сожжён в прославление погонь,
Я припомнил тот знак, при котором, горя, саламандра
Не сгорает, а лишь веселит заплясавший огонь.

И взглянув как Весна, я взошёл в задрожавшее пламя,
Отступила стена, отступила другая стена,
Через огненный путь я пронёс многоцветное знамя,
И, не тронут огнём, наклонился к кринице без дна.

4.

И помолясь святой водице,
Её ничем не осквернил.
От благ своих дал зверю, птице,
Был осребрён от звёздных сил.

Был позлащён верховным Шаром,
Что Солнцем назвал в песне я.
Предупреждающим пожаром
Я был в провалах Бытия.

5.

Полночный час я весь окутал в тучи,
Поил в ночи, для должных миггов, гром,
Псалмы души зарнились мне, певучи,
И колосились молнии кругом.

Насущный хлеб от злой спасая чары,
Я возлюбил небесное гумно,
И я восполнил звёздные амбары,
Им принеся душистое зерно.

6.

Ах, яд в отравных снах красив,
И искусился ядом я.
Но выпил яд, заговорив,
Я им не портил стебли нив,
В свой дух отраву мысли влив,
Я говорил: Душа — моя.

О, я других не отравлял,
Клянусь, что в этом честен стих.
И может быть, я робко-мал,
Но я в соблазн ядов не впал,
Я лишь горел, перегорал,
Пока, свечой, я не затих.

Я с Богом не вступаю в спор,
Я весь в священной тишине.
На полноцветный став ковёр,
Я кончил с ядом разговор,
И не отравлен мой убор,
Хоть в перстне — яд, и он — на мне.

7.

Узнав, что в плуге лезвие огня,
Я им вспахал, для кругодневья, поле,
Колосья наклоняются, звеня,
Зернится разум, чувства — в нежной доле.

Люблю, сохой разъятый, чернозём,
Люблю я плуг, в отрезе раскалённый,
С полей домой, вдвоём, мы хлеб несём,
Я и она, пред кем я раб влюблённый.

8.

Сосуд с водой, где идол был,
Где идол вымыт был до бога,

Я освятил крестом стропил,
Поставил в глубине чертога.

И он стоит, закрыв глаза,
В своей красе необычаен,
Его задумала гроза,
Он быстрой молнией изваян.

9.

Жезл, мой жезл, которым скалы
Разверзал я для ручья,
Брошен. Поднят. И опалы
Светят сверху. Где змея?

Жезл, мой жезл, которым царства
Укреплял я в бытии,
Блещет. Кончены мытарства.
Сплёл с жезлом я две змеи.

10.

Румяные губы друг другу сказали,
В блаженстве слившихся уст,
Что, если цветы и не чужды печали,
Всё ж мёд благовонен и густ.

И если цветы, расцветая, блистая,
Всё ж ведают, в вёснах, и грусть,
Прекрасна, о, смертный, молитва святая,
Что ты прочитал наизусть...

Красивы нелгущие влажные неги,
Целуй поцелуй до дна,
Красивы уста и застывшие в снеге
Сомкнутья смертельного сна.

Смотри, как торжественно стройны и строги
Твои, перешедшие мост,

Твои дорогие, на Млечной Дороге
Идущие волею звёзд.

11.

И если вправду царственник замглённый
Последний есть среди цветов цветов,
Его шипы дают нам плат червлённый,
Волшебный плат, махни — и вот поток.

Не слёз поток, а полноводье тока,
В котором все, что жаждут без конца,
Придя, испьют, придя, вздохнут глубоко,
И примут сказку вод в черты лица.

Забвенные, как голос грёзы звонной,
Как луч в ночи, пришедший с высоты,
Они возьмут тот царственник замглённый.
И так пойдут. Возьми его и ты.

12.

Так видел я, во сне ли, наяву ли,
Видение, что здесь я записал,
И весь, душой, я был в Пасхальном гуле.

За звоном звон, как бы взнесённый вал,
Гудя и убеждённо возрастая,
Дивящуюся мысль куда-то мчал.

Как будто обручалась молодая
Луна с Звездой в заутрени Небес,
И млели мраки, сладко в Солнце тая.

Привет, огонь, вода, и луг, и лес,
Ты, капля крови, цветик анемона,
Цвети, привет, я верю в путь чудес.

Я малый звук в великих зыбях звона.

ПОЛНОЧЬ

Зелёное древо нездешнего сева, быть может с Венеры,
быть может с Луны,
Цвело, расцветало, качалось, качало, и птицами пело,
и реяли сны.
Топор был весёлый, жужжащие пчёлы летели,
бросая свой улей навек.
Удар был упорный, припевно-повторный,
и звонкую песню пропел дровосек.
Мы всё это знали из дыма печали, из пенья и тленья
пылающих дров.
Так будет и с нами, с горящими в Храме,
так будет с мирами во веки веков.

ИССЛЕДОВАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Т. С. Петрова

«ПУТЁМ ОРДАЛИЙ» — В «ПУТЬ ЧУДЕС»

В книге К. Бальмонта «Ясень»¹ целью пути человека представляется божественное инобытие, постижение Бога, возвращение к утраченному Раю: «Всем пламенем, которым я горю, / Всем холодом, в котором замерзаю, / Тоской, чьим снам ни меры нет, ни краю, — // Всей силой, что в мирах зажгла зарю, / Клянусь опять найти дорогу к Раю, — / Мне Бог — закон, и боль — боготворю» (Адам).

Человек выступает важнейшим звеном восхождения к Творцу и залогом приобщения к божественному бытию. Этим обусловлено место в книге и роль в развитии мифологемы пути символически многогранного произведения «Ордалии».

«Ордалии» — текст из двенадцати частей, объединённых лирическим сюжетом; в его основе — путь испытаний, который проходит лирический герой в своём духовном устремлении от земного мира несвободы, ограниченного долгом, — к вольному высшему миру, открывающему тайны бытия. Этот путь представлен как путь возвращения к Творцу через испытания, цель которых — установить право на такое возвращение: «...Долг. Долг. Должна. Я должен. Мы должны. // Но я пришёл сюда из вольных далей. / Ты, Сильный, в чьё лицо смотрю сейчас, / Пытуй меня, веди путём ордалий».

В словаре В. И. Даля ордалия — «суд Божий, испытания и поединки для оправдания» [*Даль 1978*]; четырёхтомный академический словарь русского языка отражает в дефиниции характер пыток как необходимого элемента ордалий: «Ордалия — средневековый способ определения виновности или правоты обвиняемого путём пыток огнём, раскалённым железом и т. п.» [*СРЯ*]; в других словарях названы ещё испытания водой и воздухом, а также процедура взвешивания подвергающихся такому суду. Подчеркнём, что ордалии — это испытания на

¹ Текст цитируется по изданию: [*Бальмонт 1916*].

правоту путём обращения к проявлению Божьей воли на земле. В бальмонттовском тексте слова *путь* и *пытки, pytania, пытаться* связаны за счёт звуковых соответствий, аллитераций (ПТ), а семантически объединены в ряд со словами *ордалии* и *мытарства*; кроме того, в них также сближены звуковые комплексы *-рда-* / *-тар-*. Таким образом актуализируются концептуально значимые единицы и обозначаются их связи.

Первая и последняя части «Ордалий» написаны терцинами; таким образом, средствами строфики создаётся двойное композиционное кольцо: в структуре данного произведения и в архитектонике всей книги. Начальное стихотворение «Навек» и завершающие лирический сюжет «Ордалии» обнаруживают как структурные, так и семантические соответствия, на основании чего акцентируется интертекстуальное взаимодействие бальмонттовских текстов с «Божественной комедией» Данте. М. Л. Гаспаров утверждает, что терцину «канонизировал Данте в “Божественной комедии”, и с тех пор она употреблялась почти исключительно с установкой на стилизацию этого произведения» [Гаспаров 2003].

В «Ордалиях» эта связь проявляется не только в ритмомелодике и строфике, но и на основании общего для обоих текстов мотива пути, поиска верной дороги, «странствия души» от тьмы к свету. Г. Чистяков пишет: «Данте описал своё духовное путешествие, или путешествие души, имея в виду, что, во-первых, как он сам говорит об этом в “Пире”, жизнь — это всегда *lunga navigazione*, т. е. “долгое плавание” через “море этой жизни”, или *lungo cammino* (“долгая дорога”), которую преодолевает душа человеческая, а во-вторых, *vita del mio core, cioè del mio dento*, или жизнь моего сердца, т. е. моего внутреннего “я”, для человека несравненно важнее всего остального» [Чистяков]. Путь через ордалии к преображению души и тайнам высшего мира у Бальмонта обнаруживает мистериальный характер. Арнольд ван Геннеп в книге «Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов» определяет мистерии как «совокупность церемоний, которые, проводя неофита из профанного мира в сакральный оформляют его прямую и окончательную связь с послед-

ним» [Геннен 1999]. В том же источнике названы основные этапы мистерий у всех народов и племён: смерть, промежуточный период (искусы), воскрешение; основным элементом является путь, в процессе которого совершается переход в иное состояние и приобщение к божественным тайнам.

Вся первая часть бальмонтковского текста представляет путь лирического героя через испытания, перечисленные в третьей и четвёртой строфах: «Весы, огонь, вода, полночный час, // Отрава, плуг в отрезе раскалённый, / Сосуд с водой, где идол вымыт был, / Змея, и губы, и цветок замглённый. // Их десять, страшных, в капище, кадил, / Их десять, совершеннейших пытаний, / Узлов, острый, их десять в жерлах сил».

Практически все формы упомянутых испытаний имеют прообраз в древних обрядах. Вода и огонь, а также раскалённый плуг характерны для средневековых ордалий (испытуемого бросали в воду, он должен был пройти через огонь или встать босым на раскалённый лемех плуга). Кроме того, очищение огнём, водой и воздухом присутствовало в египетских мистериях Исиды, в греческих Дионисийских мистериях. Испытание взвешиванием упоминается в описаниях египетских обрядов. Сакральный напиток («отрава»), который предлагается посвящаемому на определённом этапе пути, присутствует в мистериях практически всех древних народов, он мог иметь даже наркотические свойства [Мифы 1992: II, 256]. Сосуд с заговорённой водой фигурирует в египетских мистериях Исиды; в храмах, где проходили мексиканские мистерии, присутствовали страшные идолы, выкупанные в человеческой крови. Змея — один из атрибутов испытаний в египетских и греческих мистериях Исиды, Сабазийских и Элевсинских мистериях. Метонимическое представление форм эротических искушений посвящаемого усматривается в бальмонтковском образе «губы» (что подтверждается контекстуальным его употреблением). Цветок — атрибут очень многих мистерий (в том числе и с эротическим содержанием): золотую розу на груди Исиды встречает посвящаемый, успешно прошедший все испытания, в египетском обряде — мистическую розу мудрости; цветок — один из ключевых символов в Элев-

синских мистериях, где символически представлялась история души — её схождение в материю, страдания и возврат к божественной жизни. В одном из вариантов мифа о Персефоне, лежащего в основе Элевсинских мистерий, Персефона, наученная Эросом, срывает цветок Нарцисс и попадает в подземное царство Плутона. «Но душа может очиститься внутренней дисциплиной, она может вспоминать и предчувствовать соединённым усилием интуиции, воли и разума и заранее участвовать в великих истинах, которыми она овладеет вполне и всецело лишь в необъятности высшего духовного мира» [Шюре].

По Платону, «посвящение есть действие, познание, присутствие верховной Истины. Идеал есть мечта о божественной родине и тоска по ней; Посвящение, этот храм избранных, есть ясное воспоминание, более того — возврат на родину» [Шюре]. «Правильно используя воспоминания о прежней жизни, постоянным самоусовершенствованием в совершенных мистериях человек становится истинно совершенным — посвящённым в божественную мудрость» [Блаватская].

Поэтому полночь — «полночный час» — время священных мистериальных таинств. «Жизнь внутреннего духа есть смерть наружного естества, и ночь физического мира обозначает день духовного мира», — пишет Е. Блаватская, утверждая, что каждый из мистических символов «представляет воплощённую идею, объединяющую в себе концепцию божественного невидимого с земным и видимым» [Блаватская].

Совершенно очевидно, что в бальмонттовском тексте эти символы, имеющие прототипы в культуре народов мира, выступают поэтическими образами, формирующими во взаимодействии художественный концептуальный смысл.

В первой части «Ордалий» все десять «узлов» испытаний открывают в лирическом герое его недостатки и несовершенства: духовную легковесность¹ («Был взвешен, найден легче

¹ В комментариях В. Марков отмечает несоответствие в смысловом отношении характеристик «лёгкий» и «полновесный» применительно к лирическому герою в начале и в конце произведения [см.: *Markov 1992*: 215]. На наш взгляд, в бальмонттовском контексте обус-

воздыханий»), физическую уязвимость по отношению к огню и воде («Прошёл через сплетения огня, / И, вскрикнув, вышел с ликом обожжённым. / В воде, остыв, забыл о цвете дня»); несоответствие святости высокого откровения, к которому стремится лирический герой («В полночный час я весь был запылённым, / Меж тем как к Тайной Вечери я шёл»); угнетающее действие яда («Я выпил яд, и утонул в бездонном»); губительную для земли работу плугом («Горячим плугом, возле серых сёл, / Вспахал такую пашню, что поныне / Там только жгучий стебель рос и цвёл»); неподобающее пренебрежение к священному предмету — «в гордыне» — и, как следствие, высвобождение зла («Сосуд с водой, где идол был, в гордыне / Я опрокинул, влага потекла, / Семь дней пути лишь цвет цветёт поляны»); неспособность одолеть змею («Змея свила мне тридцать три узла, / И я возник посмешищем дракона»). Не приносит утоления и эротическое наслаждение: «Я губы пил, но я не видел лона, / К которому я весь приник дрожа, / Отверг губами губы, в вихре стона. // И длинная означилась межа, / На ней цветок был, царственник замглённый, / Коснулся, цвет его был шар ежа...»

Средоточие красоты и любви предстаёт жёстким и враждебным, а человек — бессильным и сеющим зло.

Выход из погружения во зло, преодоление падения осуществляется концентрацией воли лирического героя, победа достигается невероятным волевым усилием — и этот духовный прорыв знаменует «гул колоколов»: «Я десять воплей издал иступлённый, / Я десять, в пытке, разорвал узлов, / И был один, дрожащий, побеждённый. // А в зыбях сна был гул колоколов».

Все остальные части «Ордалий» посвящены изображению восходящего пути, этапами которого становятся последовательно преодолеваемые препятствия, представленные в первой части. В строфической организации стиха автор переходит от трёхстиший к катренам с перекрёстной рифмовкой; размер частей

ловленность этих противоположных характеристик, отражающих духовное движение от опустошённой легковесности — к сущностной полноте, определяется композиционно-образным единством и данно-го фрагмента, и произведения в целом.

меняется. Каждая новая часть — это узел, образующийся одним из десяти испытаний, и история его преодоления. Они расположены в прежнем порядке, и это подчёркивает возникающий контраст: характеристики лирического героя противоположны предыдущим, а путь назван «ведуще-тесным» (что заставляет вспомнить евангельское: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» [Мф. 7:13–14] [*Евангельский синопсис*: 41]).

В мифопоэтике каждой части отражаются концептуально значимые образы-символы, формируя удивительно гармоничный строй в масштабах всей книги.

В части второй ключевым выступает сопоставление «я» лирического героя с золотистым зерном (ср. «златые зёрна» в стихотворении «Солнцезернь»): «И при качании весов / Был найден ценно-полновесным. / Как золотистое зерно...». Эта же часть содержит излюбленный бальмонтовский образ звена — как части «многозмейной» соединяющей цепи; и этот образ выступает композиционным основанием для всего произведения.

В центре третьей части — «самоскреплённый дух» человека, преодолевающего «огненный путь». Испытующая сила огня подчёркнута аллитерацией и глубокими звуковыми повторами: «Не рыдая, дождался я огненных рдяных ордалий, / Не вздыхая, смотрел, как горит, раздвигаясь, костёр...»; «Я припомнил тот знак, при котором, горя, саламандра / Не сгорает...». Эти же аллитерации соединяют образы огня и воды: «Через огненный путь я пронёс многоцветное знамя, / И, нетронут огнём, наклонился к кринице без дна».

Мотив чудесного приумножения духовной силы человека развёртывается в градации: «святая водица» молитвенно укрепляет его и делает щедрым («И помолясь святой водице, / Её ничем не осквернил. / От благ своих дал зверю, птице»); звёзды и Солнце приобщают к «серебру» и «золоту» космических миров («для ацтеков золото — эманация божества», в христианстве — «символ божественного духа, торжествующей веры,

славы, любви» [*Мифы* 1992: II, 147]; в бальмонтовской поэтике соединение солнечного и лунного начал — знак исконной полноты и цельности мира).

Поэтому в пятой части лирический герой — уже полноправный участник космических мистерий в «полночный час», деятель и псалмопевец, возносящий на небесное гумно «душистое зерно» души: «Полночный час я весь окутал в тучи, / Поил в ночи, для должных миггов, гром, / Псалмы души зарнились мне, певучи, / И колосились молнии кругом. // Насущный хлеб от злой спасая чары, / Я возлюбил небесное гумно, / И я восполнил звёздные амбары, / Им принеся душистое зерно».

Духовное очищение и укрепление проявляется в способности лирического героя противостоять разрушительной силе яда (= «отравы»): «О, я других не отравлял, / Клянусь, что в этом честен стих. / И, может быть, я робко-мал, / Но я в соблазн ядов не впал, / Я лишь горел, перегорал, / Пока, свечой, я не затих <...> / Я кончил с ядом разговор, / И не отравлен мой убор, / Хоть в перстне — яд, и он — на мне».

Победа добра в лирическом герое изображается в седьмой части необычным аспектом семантизации образа плуга (своеобразной ремифологизацией). Плуг выступает как образ мирного земледельческого орудия для подготовки почвы к доброму посеву («лезвие огня» в нём — отголосок ордалий); одновременно это — метафора духовного труда, плоды которого — разум и чувства духовно возрастающего человека: «Узнав, что в плуге лезвие огня, / Я им вспахал, для кругодневья, поле, / Колосья наклоняются, звеня, / Зернится разум, чувства — в нежной доле». Вместе с тем образ плуга обнаруживает и традиционные фольклорные коннотации, связанные с брачными отношениями — но как они отличаются от изломанно-надрывных эротических картин в конце первой части! В части седьмой человеческая любовь сопряжена с совместным трудом, с переживанием бескорыстной самоотдачи: «Люблю, сохой разъятый, чернозём, / Люблю я плуг, в отрезе раскалённый, / С полей домой, вдвоём, мы хлеб несём, / Я и она, пред кем я раб влюблённый».

Вот она, победа над тёмными силами низшего, непроектлённого мира. Теперь прежний идол — лишь напоминание о древних временах, часть дикой природы, хранилище её тайн — «в своей красе необычаен». Человек обретает жезл, обвитый змеями, в знак посвящения и приобщения к высшему бытию. Он уже не частица своего времени, а часть безграничной вечности: «Жезл, мой жезл, которым царства / Укреплял я в бытии, / Блещет. Кончены мытарства. / Сплёл с жезлом я две змеи». Ударом жезла Моисей высекает воду из скалы для утоления жажды своего народа на пути к земле обетованной [*Библия*]; изображения двух змей у древних народов связываются, в частности, с семантикой плодородия [*Мифы 1992*: I, 469]; жезл в виде змеи — атрибут бога Вицлитуцли, миссия которого открывается мексиканскими жрецами посвящённому.

В десятой части эротический образ губ трансформируется в метонимическое выражение причастности к священным истокам любви, питающим весь мир (вновь возникает образ мёда как квинтэссенции мировой экзистенциальной и творческой силы). В бальмонтском контексте семантика причастности к вечному и выражение идеи Красоты поддерживается образом цветов: «Румяные губы друг другу сказали, / В блаженстве слившихся уст, / Что, если цветы и не чужды печали, / Всё ж мёд благовонен и густ. // И если цветы, расцветая, блистая, / Всё ж ведают, в вёснах, и грусть, / Прекрасна, о смертный, молитва святая, / Что ты прочитал наизусть. // Красивы неглушие влажные неги, / Целуй поцелуй до дна, / Красивы уста и застывшие в снеге / Сомкнутья смертельного сна». Зеркальное изменение образа плотского мироощущения отражается в замещении слова *губы* поэтическим, высоким *уста* — именно с устами связаны слова, обращённые к Господу, — «молитва святая», а также мотив приобщения к вечной жизни через смерть («Сомкнутья смертельного сна»).

Удивительно ёмко в форме внутренней речи передаётся причастность к высшему миру, к запредельной сущности жизни, приобщение к ней через родство с любимыми людьми, чей путь прозревается в небесах: «Смотри, как торжественно стройны

и строги / Твои, перешедшие мост, / Твои дорогие, на Млечной Дороге, / Идущие волею звёзд».

Динамика и значимость мотива пути нарастает в последующих двух частях «Ордалий».

В одиннадцатой части образ последних испытаний — цветок — выступает необходимым атрибутом перехода в мир вечный (подобно тому как происходит в мистериях, когда посвящённый несёт в руках цветок, или миртовые ветви, или ветвь омелы; см. также функцию цветка при изображении пути на корабле в царство Божие в раскольничьих песнях и бальмонттовском стихотворении «Гребец» [Петрова 2012 а]). Особая значимость цветка подчёркнута в одиннадцатой части формулой удвоения: «Последний есть *среди цветов цветок*», а также перифрастической характеристикой «царственник замглённый». Замглённый — связанный с мглой, погружённый во мглу, то есть, можно предположить, неясный, невнятный, таинственно прикровенный, а также находящийся на рубеже, на грани тьмы и света — во мгле. Эпитет *замглённый* (очевидно, бальмонттовское новообразование) соотносит образ с аналогичным в первой части («цветок замглённый»). Кроме того, их объединяет семантика колкости, способности ранить (в первой части — «цвет его был шар ежа»). Однако именно шипы цветка в одиннадцатой части связаны с мотивом преображения и перехода в мир иной: «Его шипы дают нам плат червлённый, / Волшебный плат, махни — и вот поток».

Бальмонт акцентирует в этом образе семантику перехода путём ремифологизации: в контексте это «волшебный плат», взмахом которого открывается река — река жизни, ведущая к вечности: «Не слёз поток, а полноводе тока, / В котором все, что жаждут без конца, / Придя, испьют, придя, вздохнут глубоко, / И примут сказку вод в черты лица». В Элевсинских мистериях отмечен «мотив возрождения к новой жизни через утоление жажды от мёртвых вод подземных источников и водоёмов — озера Памяти» [Октагон]. Но в бальмонттовском тексте образ спасения в большей мере обнаруживает аллюзии к евангельскому представлению воды, дающей жизнь вечную («А кто

будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную», — так говорит Иисус Самарянке — [Ин. 4:14]) [*Евангельский синопсис*: 24].

У Бальмонта семантика спасения актуализируется в метафоре «сказка вод» (в прямом значении слово *сказка* обращено к эпиграфу, источник которого — египетская сказка о двух братьях). Но в большей мере завершающая строфа одиннадцатой части связана с эпиграфом через образ цветка, выступающий знаковым атрибутом посвящённого на пути в вечность: «Забвенные, как голос грёзы звонной, / Как луч в ночи, пришедший с высоты, / Они возьмут тот царственный замглённый. / И так пойдут. Возьми его и ты». Эпитет *забвенные* прочитывается в контексте как знак причастности к инобытию, где всё земное забывается, поглощаясь вечным; сравнения способствуют актуализации именно этой семантики, так как несут в себе характеристики высшего мира. «Душа, которая нашла Бога, освобождается от рождения и смерти, от старости и страдания и пьёт воды бессмертия», — утверждает «Бхавад-Гита» [*Шюре*].

Обращение в последней строфе в форме внутренней речи может быть отнесено к лирическому герою — основанием этому выступает непосредственная смысловая связь заключительного четверостишия с завершающей строфой предшествующей части, где изображаются «идущие волею звёзд» любимые люди. В то же время завершающие одиннадцатую часть слова «Возьми его и ты» звучат как призыв, увлекающий по дороге в инобытие, к спасению и других людей. Синтаксический строй таких призывов характерен для бальмонтовской лирики («Будем как Солнце», «Будь воплощеньем внезапной мечты», «Гори!» и др.).

В последней, двенадцатой, части возвращаются терцины — тем самым форма строфы способствует композиционной цельности «Ордалий». Исчерпывается лирический сюжет преобразования человека через преодоление испытаний, завершается развёртывание мотива пути в соответствии с эзотерической триадой: падение — искупление — возрождение как победа над смертью. У Бальмонта на первом плане — воля человека на пути

к постижению божественных тайн, к духовному воскресению. Аллюзии к мистериям подчёркивают сакральный характер происходящего. Сама таинственность символических образов, их непроявленность до конца, видимо, связаны с непостижимостью тайн мира, к которым приобщается посвящённый. Аристотель отмечал, что посвящаемые должны не узнавать что-либо, а в большей мере переживать, то есть приобретать в таинствах личный религиозный опыт и испытывать катарсис [*Октагон*].

Во всяком случае, непостижимые открытия нового мира, прорывы в мир иной ощущаются посвящёнными в видениях, в особом экстатическом состоянии («во сне ли, наяву ли») — у Бальмонта это поэтически связывается с гармоническим звучанием, с Пасхальным гулом, возвещающим воскресение и обновление души: «Так видел я, во сне ли, наяву ли, / Видение, что здесь я записал, / И весь, душой, я был в Пасхальном гуле. // За звоном звон, как бы взнесённый вал, / Гудя и убеждённо возростая, / Дивящуюся мысль куда-то мчал. // Как будто обручилась молодая / Луна с Звездой в заутрени Небес, / И млели мраки, сладко в Солнце тая».

«Для Пифагора апофеоз человека является не в виде погружения в состояние бессознательности, но в виде творческой деятельности в божественном сознании <...>. В этом состоянии человек <...> становится полубогом и обретает бессмертие»; «внутренние чувства души раскрываются и воля становится творческой» [*Шюре*]. Пифагорейцы считали, что именно тогда происходит прорыв к истинной — божественной — свободе. «Душа обладает не проснувшимися чувствами; посвящение будит их. Благодаря углублённому изучению и неутомимому прилежанию, человек может войти в сознательные сношения с скрытыми силами природы. Более того, великим душевным усилием он может достигнуть непосредственного духовного видения, открыть перед собой дорогу в потусторонний мир и быть способным проникнуть туда. И лишь тогда он может сказать, что победил судьбу и завоевал для себя даже здесь, на земле, божественную свободу. Тогда только посвящённый может стать

посвятителем, пророком и теургом, иными словами — ясновидящим и создателем душ. Ибо только тот, кто господствует над самим собою, может господствовать над другими; только тот, кто сам свободен, может приводить к свободе других». Таким образом, посвящение — это «творческое созидание души её собственными усилиями» [Шюре].

Финал «Ордалий» — это своего рода узел, фокус, концентрирующий в трёхстишии ключевые образы огня, воды, цветка, предстающие в зеркальном, то есть тоже как бы преобразённом виде: это уже не формы испытаний, а живые проявления возрождённого солнечного мира, в согласии с которым — обновлённый человек (новый Адам): «Привет, огонь, вода, и луг, и лес, / Ты, капля крови, цветик анемона, / Цвети, привет, я верю в путь чудес».

«Путь чудес» — это и есть путь духовного возрождения, путь возвращения в мир божественной гармонии: «Я малый звук в великих зыбях звона». В экзистенциальном мифе Бальмонта на этом пути преобразается, одухотворяется и земной, материальный мир. В таком представлении «путь чудес» — это и тот «золотой путь», который соединяет земное и небесное в единое целое и обуславливает их взаимоотражение. Образом-символом такого пути в книге «Ясень» выступает «нить золотая» («В мигах звуком мир угадан, / Нить дана золотая мне, / Вьётся, курится, как ладан, / А клубок — в другой стране»; Я играю берегами) — вариант «золотого пути», и, как показывает исследование, — заглавный образ — Древо Ясень.

В заключительном стихотворении «Полночь» эсхатологический аспект этого образа, с одной стороны, отражает мифопоэтические представления о путях мира: в кельтских историях говорится о циклах перерождения и лёгкости перемещения между физическим миром и многими другими мирами; в доктрине друидов — учение о времени как отрывке вечности и о существовании бесконечного ряда миров [Шарки 1975], в мифологии древних народов Центральной и Южной Америки отразились представления о гибели миров (в пожаре, наводнении — при этом источник вод открывается под корнями срубленного дере-

ва). В то же время «мифы о сменяющих друг друга мирах не связаны в Америке с идеей регресса» [*Мифы 1992*: II, 522].

Вместе с тем один из основных мотивов «Ордалий» — мотив преодоления своего несовершенства на пути преобразования, просветления и воскрешения — позволяет усматривать в сюжете гибели дерева ещё один претекст. Секира у корней дерева — евангельский образ готовности уничтожить мир, в котором грешники не обращаются к покаянию, значит, не готовят путей ко Господу: «Сотворите же достойный плод покаяния» [Мф. 3:8] [*Евангельский синопсис*: 18]; «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубят и бросают в огонь» [Мф. 3:10] [*Евангельский синопсис*: 18]. Молитва перед чтением Евангелия гласит: «Попали, Господи, терние всех его согрешений, и да вселится в него Благодать Твоя, опаляющая, очищающая, освящающая всего человека во имя Отца и Сына и Святаго Духа» [*Молитвослов 2007*: 35].

Итак, образ дерева в завершающем книгу стихотворении соотносится с человеком, путь которого непосредственно зависит от устремлённости к Богу и определяется открытым и чистым сердцем («Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей» [Пс. 50] [*Молитвослов 2007*: 14]). Вот почему стихотворение «Полночь» завершает книгу «Ясень», а эпиграф о зачарованном сердце открывает её.

КОММЕНТАРИИ

Текст печатается в современной орфографии и пунктуации с сохранением авторского написания отдельных слов (например, мятели). У К. Д. Бальмонта традиционно пишутся с прописной буквы ключевые символы и некоторые понятия (например, Ветер, Море; Дух, Вечность, Глубь Голубая; Музыка, Здесь, Там, Мировое, Вещество; Север, Пустыня, Пирамиды и др.), а также названия языков и народов.

Заглавие книги

В заглавии книги «Ясень» заключён архетип мирового древа, которое «связывает по вертикали земной мир с небесной, космической сферой и — по оси времени — сцену в Эдеме, происходившую в начале времён (райское древо, древо познания, древо жизни), с жертвенной символикой крестного древа и с пророческой, апокалиптической ролью дерева в конце времён» [Ханзен-Лёве 2003: 624]. В древнеирландских мифах мировое древо Иггдрасиль — могущественный ясень, священное дерево, связанное с происхождением рода человеческого. Этот архетипический образ отражается в сильных текстовых позициях книги: в эпитафии из древнеегипетской сказки, в открывающем книгу стихотворении «Навек» и завершающем стихотворении «Полночь».

Эпитафия

«Ибо я зачарую моё сердце, и помещу его на вершине Древа в цветке».

Интерес к Египту, его древней мифологии и фольклору своеобразно сказался в творчестве Бальмонта. Под впечатлением поездки поэта в 1909 году в Египет им был написан лирический цикл «Потухшие вулканы», вошедший в книгу «Зарево Зорь» (1912), а также книга «Край Озириса. Египетские очерки» (1915). «Сказка о двух братьях» позднее вошла в редактируемый Бальмонтом сборник «Египетские сказки. Записи древнего Египта» (1917). В разных изданиях этой сказки даются конкретные названия дерева, дарующего младшему брату Бате бессмертие после его физической гибели: в издании 1917 года —

«акация», в последующих — «пиния» (М., 1956), «кедр» (Л., 1979). Бальмонту важно было обобщить их в «Древо», ибо речь идет о древе жизни Иггдрасиле. Мотив «чарования» и образ «цветка» — сквозные в его поэзии.

Сердце как средоточие важнейшей витальной энергии — силы любви — выступает в поэтическом строе бальмонтовской лирики одним из ведущих символов, отражающих единство материального и ноуменального миров и внутреннего мира человека. Сохранить своё сердце — значит сберечь наиважнейшие для духовного самостояния качества; сберечь своё сердце — значит не отдать его злу в противоборстве с тёмными силами на пути к свету.

Закономерно, что в бальмонтовской мифопоэтике самое ценное и сокровенное соотносится с цветком — именно в этом ракурсе открывается смысл эпиграфа из египетской сказки. В ней младший брат Бата говорит старшему: «Сердце своё я выну из груди и положу его на цветок кедра. Знай же, если срежут кедр, сердце упадёт на землю, и я умру. Вот тогда ты приходи в долину Кедра, ищи моё сердце и не ропщи, если даже ты будешь искать его семь лет. А когда ты найдёшь моё сердце, положи его в чашу с водой, я оживу и отомщу моему убийце». Однако у Бальмонта отсутствует мотив мести; акцентируется семантика чудесного спасения сердца в цветке и выводится на первый план архетипический образ Древа: *«Ибо я зачарую моё сердце, и помещу его на вершине Древа в цветке».*

Таким образом, Древо выступает стержневым элементом в мифологическом устройении поэтического мира книги «Ясень»; название при этом не столько конкретизирует, сколько углубляет и приумножает смысл.

Иггдрасиль — «в скандинавской мифологии древо мировое — гигантский ясень, являющийся структурной основой мира, древо жизни и судьбы», соединяет различные миры (небо, землю, подземный мир) [Ханзен-Лёве 2003: I, 478].

Единство космического, творческого и духовного пути мира и человека отражается на основе поэтики соответствий; путь соответствий лирический герой книги называет *«верным путём».* Принцип соответствий выступает ключевым в открывающем книгу стихотворении «Навек», усиливая его концептуальную значимость.

Навек

Стихотворение отражает преодоление разрушительного — блaggим и зарождение великого, масштабного — в несущественном, малом.

В смене сопоставляемых образов узнаваемы ключевые бальмонтовские мифологемы: *дым — и священные огни, «чуть дрогнувший звук» — и вихрь и гром, безмолвный камень скал — и звонкий водоём, способный петь*. Открывает этот ряд соответствий мифопоэтическое выражение образной доминанты, связанной с названием и стихотворения (семантика вечности), и книги в целом (благодатная светоносность): *«Как мыши точат корни Игдрасила, / Но ясень вечно ясен в бездне дней»* (парономастические сближения — *ясень / ясен* — акцентируют внутреннюю форму слова *ясень*).

Цвет, расцвет, цветение выступает одним из важнейших проявлений единства земного и небесного миров, непосредственного соотношения с ними мира человека.

Образный характер параллельных рядов позволяет усматривать в них выражение стихий: земли (*Древо* и его *корни* — видимо, с этим связано употребление образа мышей вместо канонических змей из скандинавского эпоса: *мышь* — существо хтонического мира, метонимически репрезентирующее стихию земли), огня (*«ладанные огни»*), воздуха (*«помчался вихрь»*) и воды (*«звонкий водоём», «ключи»*). Царственный характер мировых стихий непосредственно соотносён с представлением любви как наиважнейшей основы, одухотворяющей мир: *«Так буду петь о царствии твоём, — / Любовь, что я узнал во сне однажды»*.

В «Старшей Эде» корни Игдрасила грызут змеи (а также дракон Нидхёрр). Бальмонт здесь отходит от текста «Эдды», однако образ *«мыши»* в целом не нарушает древних традиций восприятия древа жизни [см.: *Топоров 1991: 399*]. Видимо, истоки данного образа нужно искать не только в мифах, но и в детских воспоминаниях поэта о «поющей» белой мышке, нечаянно задавленной им на письменном столе. Эти воспоминания воспроизведены в статье М. Волошина «Аполлон и мышь», вошедшей в книгу «Лики творчества» (Пб., 1914). В феврале 1914 года поэт писал другу: «“Аполлон и мышь”, может быть, наилучшее в “Ликах творчества”, и я радуюсь, что в эту тонкосплетенную беседку слов забежала и моя белая мышка» [*Волошин 1988: 624*].

Солнцезернь

Символическое сопряжение миров у Бальмонта определяется эзотерическими представлениями о предсуществовании души в нуминальном мире, движении её в материальный физический мир, утрате памяти об изначальном Божественном бытии — и возвращении на родину путём преодоления физической скованности, освобожде-

ния от тела. В то же время поэтическое выражение этого пути не является иллюстрацией той или иной эзотерической доктрины — оно представляет собой развитие образных рядов и связей, возникших в предшествующих книгах, и обнаруживает становление символического содержания бальмонтовской мифологемы пути.

Истоки этого пути — в пламени формирующегося космоса; лирический герой отличается уже тем, что помнит прародину своей души — пламенное солнце — и ощущает её *«златым зерном»* чистого и сильного духа, — здесь соотносятся эзотерическое представление души как посева, устремлённого на землю и по мере приближения всё больше утяжеляющегося плотской материей, и бальмонтовский образ золотой светоносной энергии — жизнетворческой, наделяющей мир и лирического героя пламенной певучей силой творчества. Всё это отражает авторский неологизм *солнцезернь*.

Звёздная пляска

Стремительный путь к земле в стихотворении «Звёздная пляска» представлен как полёт под знаком Солнца. В ритмомелодике и образном строе этого стихотворения отражается характер поэмы «Белый Лебедь», — таким образом в мифопоэтический строй книги «Ясень» вплетаются мотивы автобиографического мифа из книги «Хоровод времён». Образ коня в таком контексте выступает особенно многоплановым — с ним связаны «золотоордынские» коннотации (степь, птицы, звёзды, бег как полёт).

В то же время образ коня позволяет передать *«путь далёкий»*, *«путь в пыли»* — и это особенно важно для представления погружения в тёмную материю и утраты ориентира и цели пути («Пыль — знак материи, суетного, земного, тёмного», — отмечает И. С. Приходько [Приходько 1999]). Мотив утраты дороги, неясного пути приобретает коннотации гибельности: семантика снежной белизны, погружения в сон ассоциативно соотносится с мотивом смерти, мотивируя появление образов утопания и дна.

Вместе с тем и сон, и снежная белизна, и даже образ падения обнаруживают позитивные смыслы в соотношении с небесным миром — на основании тех самых соответствий, которые знаменуют собой единство мира, частью которого ощущает себя лирический герой (см. «От Солнца к Солнцу»).

Мёд веков

По теории Гераклита, один и тот же закон управляет миром естественным, человеческим и божественным. Аналогично одно и то же слово несёт в себе обычный смысл, смысл образный и смысл трансцендентный. На этом основании Гераклит выделяет язык говорящий, обозначающий и скрывающий. Этапы вхождения в мир в бальмонттовской мифопоэтике отражают постепенное углубление в сущностные проявления мира и развитие возможностей человека. Первый этап — постижение естественного мира в самом главном сущностном его проявлении — гармоничном звучании, пении («мир есть песнопенье, / И я, дрожа, его пропел» — язык говорящий). Второй этап — вхождение в творческую сущность, развитие творческих возможностей (стихотворенье — продукт человеческого мира, несёт в себе символический смысл). И наконец, приобщение к сакральной сфере божественного бытия (заклинанье, алтарь, луна, чары). Таким образом, лирический герой вправе утверждать: «Я был певец, колдун и царь» (певец — обладающий творческим даром, колдун — приобщившийся к магическим тайнам, царь — властитель мира).

В мифологии «царь мыслится центром вселенной, осью мира, в нём неразлично слиты космическое и социальное. <...> В общей мифологической концепции циклической смены смерти и возрождения царь воплощает полюс жизни и победы над гибелью как космоса, так и человеческого коллектива» [Мифы 1992: II, 614]. Правители государства инков считались потомками «детей солнца» [Мифы 1992: II, 614]. «В индийской мифологии первый царь и прародитель человеческого рода Ману — сын солнца; солнцем считался и первый царь богов и людей египетский Ра <...> умерший фараон занимает трон солнечного бога» [Мифы 1992: II, 615].

Таким образом, мёд веков — это и цель, и результат многовекового пути человечества в постижении мира Божия и себя в этом мире. Это метафора и творчества, и Божественной мудрости, и тайны бытия, к которой приобщаются с трепетом. В мифопоэтической традиции мёд — образ глубинный: «По библейскому описанию, в земле обетованной “течёт” молоко и мёд (Исх.3, 8)» [Мифы 1992: II, 355]. В книге «Ясень» мёд — интегрирующий образ, взаимодействующий с ключевыми символами, в частности, с заглавным образом книги: «Согласно скандинавскому мифу, живительным священным мёдом пропитано древо Иггдрасиль» [Мифы 1992: II, 255]; священный мёд предстаёт источником «как мудрости, так и обновления жизненных и магических сил» [Мифы 1992: II, 128].

Закон светил

«Звезда, которая летит / Не в правилах размеченных орбит» восходит к пушкинскому образу «беззаконной кометы» (стих. «Портрет», 1828). Однако у Бальмонта этот образ соединяется с мотивом «колдовства», отсюда — сказочная «волшебная иголка», мотив «гадания над водой», «завитая Лешим» чёлка коня.

В образной основе стихотворения ключевой принцип космического мироустройства — «закон светил», в соответствии с которым единство мира обусловлено соответствием стабильности, рациональности — и динамики, таинственной изменчивости («шаманства», «колдовства»), человеческого ума — и животной интуиции, солнечной ясности — и лунной непредсказуемой загадочности. Стихотворение непосредственно определяет следующее — «От Солнца к Солнцу».

От Солнца к Солнцу

И сон, и снежная белизна, и даже образ падения имеют позитивные коннотации в соотношении с небесным миром — на основании тех самых соответствий, которые знаменуют собой единство мира, частью которого ощущает себя лирический герой: «Я чую соответствия везде. / Я, цвет Земли, в расцвет Небес влюблённый». Поэтому творческий пламень, созидающий миры — «от Солнца к Солнцу», равновелик лунной тишине и прохладе, а в человеческом бытии, причастном к земному и небесному мирам, сопряжены «гнёт тела» и «невесомость Духа» и непостижимо явлена «тишь — как колокол всезвонный».

Имена

Имена мира выступают проявлением непостижимых связей мировых начал; П. Флоренский видел в основе символизма «таинственное высвечивание действительности иными мирами, просвечивание сквозь действительность иных миров, которое даётся осязать, видеть, нюхать, вкушать, настолько оно определённо, и которое, однако, всегда бежит окончательного анализа... Тайна мира символами не закрывается, а именно раскрывается в своей подлинной сущности, т. е. как тайна» [Флоренский 1992]. Но самая суть мира — и явлена, и скрыта в основе основ мировой гармонии — музыке, поэтому следующее стихотворение уже в названии («Тайна») заключает её суть.

Тайна

Развёрнутая метафора, создающая образ музыки. В творчестве Бальмонта довольно чётко прослеживается соотнесение струнных

инструментов с «музыкой мира» (*musica mundana*), а духовых — с «музыкой человеческой души» (*musica humana*) [подробнее см.: *Епишева 2006*]. «Звонящей мглы пьянительный кальян» уподоблен духовому инструменту; происхождение музыки, как и в других стихотворениях книги («Тот предок», «Рука»), обозначено как данное человеку извне, от природы, из космоса или от высших сил.

Наручни

Пребывание на земле представляется в бальмонтской поэтической системе необходимым этапом в движении по пути духовного возрастания; позиция лирического героя отличается устремлённостью к высшему бытию, где свет и простор. Это выражено целым рядом образных соответствий: тюрьма — и стремление преодолеть окопы, осознавая себя «в тюрьме. И в преддверии храма» («Наручни»); порог — и путь звёзд, принимающих высшую волю, — «что путь им в размерности — дан» («От предельности», «Немой ураган»); окно, за которым чудесная озарённая даль («Пересвет»); золотая путеводная нить — и «клубок в другой стране» («Я играю берегами»).

Поющее дерево

В стихотворении «Поющее дерево» звонящее, зелёное дерево Ясень непосредственно соотносится с изображением пути лирического героя. В пространственном аспекте пути дерево — необходимая, значимая веха; своего рода цель: «Я дошёл до звонящего дерева <...> Я стоял у поющего дерева...»; по достижении этой цели путь лирического героя представляется как полёт: «Вот с пчелюю отягчённой / Вулей сонный я лечу <...> По тайным всходам, / Лечу и рею...». Сакральные свойства дерева и связанного с ним мира передаются употреблением слов и выражений духовного характера: *ветви слагались в храм, благовонное, огонь и жертва богам, пономарь*. Эпитеты, определяющие свойства дерева, отражают проявление в нём творческой первоосновы мира: *поющее, звонящее*; эпитет *поющий* метафорически передаёт гармонию жизни, связанной с деревом, и в равной мере определяет творческое начало, объединяющее дерево, одноприродных ему малых существ, а также человека, приобщившегося к этому миру: «Был брат я шмелям и жукам. / И с пчелюю устремлялся я в зарево, / Был пономарь мотылькам».

Семантика света, объединяющая образы «благовонное алое марево», «огонь и жертва богам», позволяет воспринимать зарево как символ инобытия; в контексте стихотворения это окно в ноуме-

нальный мир. Пчела не случайно выступает своего рода проводником в пути-«полёте по лучу»: «Вот с пчелою отягчённой / В улей сонный я лечу, / В улей звонный, отдалённый, / Держим путь мы по лучу». В мифопоэтической традиции пчела символизировала бессмертие, была образом «особой витальной силы — манны, царской мудрости, накапливаемой подобно тому, как пчёлы собирают нектар» [Мифы 1992: II, 355]. В архаических и греческой космогониях, отмечает А. Ханзен-Лёве, пчела выступает также символическим проявлением «некоего золотого века изначальной коллективной гармонии, символом которой служит улей» [Ханзен-Лёве 2003: 554]. В египетской и классической мифологии «пчёлы — солнечные насекомые; <...> их мёд метафорически (своим золотисто-жёлтым цветом) и метонимически (через солнечные лучи и действенную силу) связан с солнцем» [Ханзен-Лёве 2003: 541]; солнечная природа пчелы обуславливает семантику поэтического дара [Ханзен-Лёве 2003: 553]; пчела, таким образом, обнаруживает соотношение с аполлоническим миром и непосредственно связана с созидательным, творческим началом; «в пчёлах обитает само Слово (Божье)» [Ханзен-Лёве 2003: 547].

Таким образом, поющее дерево действительно выступает путём, обуславливающим восхождение человеческой души к божественным творческим основам бытия, к духовным истокам. Отдельные штрихи в стихотворении намечают аллюзии с обрядами инициаций — посвящений в тайное знание о мире и человеке, которые у всех народов представлялись как путь к божественной истине, предполагающий преображение, перерождение человека («благовонное алое марево», «огонь и жертва богам»). В частности, упоминание мёда как «первичного млека» может быть обусловлено обрядом древних мистерий предлагать адепту, обращённому к новой жизни, как вновь родившемуся, первичное питание младенца — воду или молоко, смешанные с мёдом (кикеон — пища младенцев — смесь молока и мёда — один из атрибутов Элевсинских мистерий). В скандинавских мистериях посвящённый давал клятву над обнажённым мечом и подкреплял её, выпив мёд из человеческого черепа.

Символика «пчелы» и «мёда» претерпела сложную эволюцию в поэзии Бальмонта. В данном тексте выстраивается образная цепочка «мёд» — «молоко», «пчела» — «стих». «Мёд веков», таящийся в корнях Ясеня, оказывается «первичным млеком» человеческой жизни, дающим тайные знания. «Аполлоническое» насекомое — «пчела» — прочно ассоциируется с поэтическим творчеством.

Бронзовка — жук с ярко-металлической окраской надкрылий.

В лирическом сюжете книги непосредственным продолжением рассмотренного выступает стихотворение «Под Деревом», хотя эти тексты расположены дистантно. Таким образом, есть основания прочитывать заглавный образ книги как лейтмотивный не только в семантическом, но и в композиционном строе.

Я играю берегами

Образный строй этого стихотворения основан на символическом выражении соответствий земного и небесного миров, открывающихся в творчестве, выявляемых и обозначаемых словом (очень важная символическая характеристика содержится в эпитете *златая*: «*Нить дана златая мне*»). Образы нити и клубка призваны передать характер этой творческой связи; в традиционной символике этого образа заключена и семантика нити судьбы, пути (путеводная нить), и коннотации связи с высшим началом, владеющим скрытыми смыслами, причастным к мировым тайнам.

Ларец

Поиски символистами прямых соответствий между звуком и смыслом отразились у Бальмонта в концепции звукового символизма в трактате «Поэзия как волшебство» (1915). Важнейшим, определяющим моментом в истолковании значения отдельных звуков автор полагает личное, субъективное их восприятие; трактовка смысла каждого из поэтически значимых для автора звуков не является раз и навсегда данной и в каждом конкретном случае зависит от ситуации и настроения поэта [см. толкования букв А, У, М, Л: *Бальмонт 1990*: 291–296].

Немой ураган

В стихотворении образно отражается представление о мире древнегреческого философа, математика и мистика Пифагора (570–490 до н. э.), который считал, что весь мир устроен по математическим законам (Пифагору приписывается фраза: «Кто знает математику, тот знает то, что выше богов»). Пифагор видел в числе сущность и душу всех вещей, а потому утверждал, что числа управляют миром. *Число* — это Божественная сила, поддерживающая вечное постоянство космоса, создающая гармонию — «*музыку сфер*».

Ветви

Дендриты (от греч. дерево) — в неорганической природе — кристаллические образования минерала, имеющие древовидную форму;

в физиологии — ветвящиеся отростки нервных клеток, получающие нейронную информацию от других клеток и передающие её ядру клетки. *Древовиды* — авторский неологизм от древовидный (древуобразный, синоним дендритный).

Ветви — образ органичной связи всех форм существования в природе, внешне явленной в виде переплетений, прихотливых соединений и соответствий, источник и первопричина которых — непостижимая тайна (с ней связано упоминание *Закатной Пирамиды* в завершении стихотворения).

Водоворот

Радиолярии — простейшие одноклеточные организмы самой разнообразной формы, обитающие в морской воде. «*Геометризм радиолярий*» и «*вихрь солнца*», «*реснички хищных инфузорий*» и «*звёздный хор*» как проявления жизни микро- и макромиров соотносены друг с другом вне времени и пространства в единой всём и вся стихии любви. Образ соединения великого и малого, временного и вечного, предельного и бесконечного — струны; он метонимически воплощает в себе мировую гармонию — музыку сфер.

Колдующий

Хамелеон — животное семейства ящериц, приспособленное к жизни на дереве и способное менять окраску тела. В стихотворении образ хамелеона через уподобление с драконом («*как бы дракон, стократно уменьшённый*») поддерживает идею соответствий великого и малого в мире. Способность отражать в своей окраске всю многокрасочность окружающей природы позволяет представить хамелеона обладателем тайны гармоничного соотношения с многообразными формами жизни.

Красота

Руны — символическая система письма, распространённая в древности у северных народов Европы. Слово *руна* происходит из германских языков и переводится буквально как «тайна», «шёпот».

Линия природы

«*Каприз*» жизни природы, стремящейся к «*извиву*», «*змеиной спирали*» обозначился в книге «Зарево Зорь» (1912), он приобрёл принципиальное значение в поэзии Бальмонта 1910-х годов. «*Мета*» здесь — предмет стремлений, цель. См. у Пушкина в стих. «Странник» (1835): «Пусть будет он тебе единственная мета» (о свете вдали).

Верным путём

В образе *верного пути* — «*пути соответствий*» — отражается пифагорейское представление о том, что единство земного и небесного миров отражается в математических закономерностях, а следовательно, знание числовых соответствий открывает путь к истинной (надмирной) свободе.

Четыреликий

Поэтическая тема стихотворения — тайна мирового бытия, которой владеют посвящённые. *Четыреликий* — символический образ, зеркально отражающий таких посвящённых. Константный и интегрирующий признак — четыре ипостаси — усматривается, во-первых, в традиционном для древнеегипетской культуры образе сфинкса, воплощающего в себе древние тайны бытия; во-вторых, в христианском представлении евангелистов, свидетельствующих о тайне спасения мира; в-третьих, в характере лирического героя бальмонтовской поэзии, причастного к «четверогласию стихий». Символами четырёх ипостасей, наблюдающимися в каждом из перечисленных проявлений, выступают лев, орёл, бык и человек.

Сфинкс — в древнеегипетском искусстве — животное с телом льва, головой человека или (реже) — головой сокола или барана; в древнегреческой мифологии — чудовище с головой женщины, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка.

Лев в различных культурных традициях — воплощение мощи, силы солнца и огня; в греческих мифах — творение солнечного бога Аполлона; в поздних египетских текстах со львом отождествляется Осирис.

Орёл — в древнеегипетской и греческой традициях связан с богами неба, солнечная птица; олицетворяет духовное начало в человеке. Относится к стихиям воздуха и огня; в мифологии связан и со стихией воды. В скандинавской традиции — эмблема Одина.

Бык — земное воплощение бога, у египтян обнаруживает особую связь с небом, являя в себе солярную возрождающую силу (посвящён солярному богу Ра, аватар Осириса). В греческой мифологии — атрибут Зевса. Священный бык египтян — Апис — упоминается рядом античных авторов, подробнее всего — у Плутарха. В эллинистическую эру в Египте возник культ Сераписа, антропоморфного божества, объединявшего в себе черты египетского Аписа с традиционной для греческих богов внешностью человека.

В иудео-христианском вероучении и богословии отмечено крылатое существо из видения пророка Иезекииля, единое с четырьмя лицами: человека, льва, быка и орла (тетраморф др.-греч. *тетρά-μορφος* — «четырёхобразный, четырёхвидный» от др.-греч. *τέσσαρες, τέσσαρες, τέτταρες, τέττορες, τέτορες* — «четыре» и др.-греч. *μορφή, μορφή* — «вид, образ, очертание»). В Откровении Иоанна Богослова тетраморф представлен в образе отдельных *Четырёх апокалиптических существ* (лат. *quattuor animalia*, они же *Четыре живущих*, у протестантов — *Четыре живых существа*), которые являются стражами четырёх углов Трона Господа и четырёх пределов рая.

В христианской традиции лев, орёл, бык и Ангел символически обозначают евангелистов: Лев — св. Марка (в знак могущества и царственного достоинства Христа), Орёл — св. Иоанна Богослова (символизирует высоту евангельского учения), Бык — св. Луку (означает жертвенное, искупительное служение Спасителя). Святому евангелисту Матфею соответствует Ангел — символ мессианского посланничества в мир Сына Божия.

В контексте бальмонтского стихотворения *лев* в большей мере соотнесён со стихией огня, *орёл* — воздуха, *бык* — земли; вместе с тем каждый из этих образов репрезентирует солярную символику, божественную власть, мощь и силу, каждый наделён значением причастности к мировым тайнам. Не обозначенный явно в стихотворении Бальмонта четвёртый лик связан с человеком, воплощающим в себе связь со всеми мировыми стихиями и причастным к высшему духовному бытию — посвящённым в тайны мира.

Звериное число

Причудливый сплав «звериной» символики самого разного генезиса («*И каждый зверь есть стих и мысль Господня*»). Соединяются «*Ворон*» американского поэта Эдгара По (1809—1849), неоднократно переводимого Бальмонтом, и один из двух «*воронов*» главного божества скандинавской мифологии Одина. Из древнеегипетской мифологии взят *крокодил* (символ бога солнца Амона-Ра); *змея, кит* и *голубь*, скорее всего, библейского происхождения. *Пчела*, прилетевшая с Венеры, впервые появилась в книге Бальмонта «*Птицы в воздухе*» (1908). *Светлянка* с Явы, по-видимому, не имеет мифических корней. *Черепаха* как символ мудрости выступает «вестницей» из Китая или Индии.

Сказка Месяца и Солнца

Бальмонт даёт поэтическую версию древнескандинавских мифов о происхождении мира и человека. Согласно Старшей Эдде, в начале всего была мировая Бездна, внутри которой на севере лежала холодная туманная страна («*Дымосвод, мгlistый дом*»), а на юге — «огненная страна» («*Искросвет*»). *Имир* — древнейший великан, вскормленный молоком первозданной коровы («*белоснежной диво-коровы*»). Корова лизала ледяные глыбы, на вкус солёные: к исходу первого дня изо льда в том месте, которое она лизала, выросли человеческие волосы; на второй день — голова; на третий день возник человек. Это был *Бури* («*Бурэ*»), а сыном его стал «красивый» *Бор*. Сыновья Бора, *Один*, *Вили* и *Ве*, поссорились с древним великаном Имиром и убили его. Из тела Имира ими был создан мир: «Имира плоть стала землей, стали кости горами, небом стал череп холодного турса, а кровь его морем» [См. «Речи Вафтруднира»: *Старшая Эдда 2005*: 32]. Мир в глубине суши сыны Бора оградил стеною из век Имира и нарекли эту землю *Мидгард* («*средиземье*»), здесь и появились первые люди. Их, согласно Младшей Эдде, сыновья Бора создали из деревьев, это были мужчина по имени *Аск* (*Ясень*) и женщина, которую нарекли *Эмбля* (*Лоза*). От них пошёл род людской в Мидгарде. Бальмонт заменил *Лозу* на *Осину* — «дерево, за которым усвоены мифические свойства едва ли не вследствие сродства его имени со словом *ясень*» [Афанасьев 1983: 218]. «*Дрожащая дорога*» — *радуга* — это мост, по которому передвигались скандинавские боги. «*Юноша Месяц и Девушка Солнце*» восходят к славянскому мифологическому мотиву брачных отношений между Солнцем и Месяцем.

Снежные боги

Стихотворение навеяно сюжетом Старшей Эдды о поездке богов на «священный» суд: «Гюллир и Гляд, Глер и Скейдбримир, Синир и Сильвринтопп, Фальхофнир, Гисль, Гулльтопп и Леттфети — те кони носят асов на суд, что вершится под сенью ясеня Игграсиль» [См. «Речи Гримнира»: *Старшая Эдда 2005*: 38]. М. И. Стеблин-Каменский в «Комментариях» к Старшей Эдде даёт такие переводы имён коней: «Гюллир — “золотистый” (у Бальмонта — “*Златоверхий*”), Гляд — “весёлый” (у Бальмонта — “*Двоебыстрый, весь в яблоках*”), Глер — “светящийся” (у Бальмонта — “*конь Блеск*”) <...>, Фальхофнир — “с копытами, покрытыми волосами” (у Бальмонта — “*конь Грузный, копыто туманное*»), Леттфети — “легконогий” (у Бальмонта “*Конь Вихрь, легконогий размах*”). *Бальдер* — сын Одина, бог весны и света. *Тор*

(«громовник») — бог грома, бурь и плодородия. «*Три корня у Древа всемирного*». Согласно Старшей Эдде, у Игграсиля было три корня: «Три корня растут на три стороны у ясеня Иггдрасиль: Хель под одним, под другим исполины и люди под третьим» (Речи Гримнира. С. 38). Под корнем, который змеится «к Исполинам», журчит источник — родник мудрости. По легенде, за то, чтобы выпить один лишь глоток из него, *Один* отдал Мимиру, хозяину источника мудрости, свой глаз.

Саги

Сага — древнескандинавское и древнеирландское народное эпическое сказание о богах и героях. «*Сага Эйрика*» — «Сага об Эйрике Рыжем», исландская сага о путешествии викингов в Северную Америку. «*Сага Сигурда*». Подвиги Сигурда воспеты в ряде песен Старшей Эдды, о них повествуют Младшая Эдда, «Сага о Вельсунгах», «Сага о Тидреке». Нередко Сигурд отождествляется с Зигфридом — центральным героем первой части *немецкой «Песни о нибелунгах»*. «*Сага Ниалея*» — «Сага о Ньяле», она привлекла особое внимание Бальмонта, так как, по его словам, дала «гениальную картину древней Скандинавии, с языческим миром и последующим переломом <...>» (Письмо к М. В. Сабашникову от 30 января 1913 г. [*Сабашниковы 1979*]). *Норны* — в скандинавской мифологии богини судьбы.

Сага

Сага — в скандинавской мифологии богиня прорицания. В древних сказаниях говорится о том, что после смерти светлого бога *Бальдера* (см. комментарии к стих. «Снежные боги») его тело положили на погребальный костер, разложенный на борту корабля, и все боги оплакивали сына Одина.

Летопись листьев

Норн, богинь судьбы, в скандинавской мифологии было три. Первая норна — мудрая старая Урд («судьба»), читающая свиток прошлого. Вторую звали Верданди («становление»), она символизировала настоящее. Третья, Скульд («долг»), хранила свиток будущего. Норны жили у источника у корней мирового дерева Иггдрасиль, которое они ежедневно опрыскивали влагой из источника. О муже *Ясене* и жене *Осине* см. комментарии к стих. «Сказка Месяца и Солнца».

Утро Земли

В стихотворении прослеживается один из любимых мотивов Бальмонта. Мировая музыка — изначальное (и всегда гармоничное)

состояние окружающего мира; момент её зарождения из всех голосов природы относится к «началу времён», *«когда Земля была намёком, / Луна виденьем, / Когда в кипенье златооком / Всё было пеньем»* («Солнцезернь»), и совпадает с моментом превращения вселенского Хаоса в Гармонию, неотделимую от природного начала; поэтому не случайно постоянное возвращение Бальмонта к тому первому мигу, к *«Утру Земли» «во всей красоте безобразий»*, которое предстаёт как упорядоченный ритм задолго до того, как в этом гармоническом мире возникнет человек (*«Сто вёрст для мазурки громов <...> И везде без людей горизонт»*).

Чимборасо — потухший вулкан, самая высокая точка Эквадора.

В былое время

В стихотворении отражается образ полноты утраченного мира, цельного и блаженного непосредственной связью с Богом (*«В былое время я весь был в Боге»*); приметой современного бытия выступает невозможность приобщиться к изначальному единству всего и вся, а значит, недоступность счастья: *«А нынче вечно лишь на пороге, / Чего-то в чём-то только часть»*.

Тот предок

Зарождение музыкального искусства поэт связывает с потребностью древнейшего человека передать своим голосом услышанное в звуках природы.

Закатная пирамида

Ибис в Древнем Египте считался священной птицей, т. к. прилёт его совпадал с половодьем на Ниле, от чего зависело орошение полей. *Фламинго* — крупная птица, имеющая оперение белое с розовым оттенком, особенно ярким на крыльях. *Голубь* — символ Святого Духа, сошедшего на Матерь Божию и ознаменовавшего появление во чреве её Сына Божия. *Горус* — египетский бог восходящего солнца, сын Осириса и Изиды. В египетской мифологии цветок *лотоса* был символом солнца, творения и перерождения.

«Закатная пирамида» становится средоточием древней тайны о мире, причастием к которой отмечены названные символические существа.

Тии-вит

Звук *тии-вить* К. Бальмонт соотносит с образом соловья. В трактате «Поэзия как волшебство» поэт упоминает о «десятом высшем звуке соловья» *тии-вить* (со ссылкой на замечание Тургенева: «Эта рулада <...> у хорошего нотного соловья имеет наивысшее значение, делающее его верховным маэстро» [Бальмонт 1990: 296]). Вместе с тем, чуть ранее, представляя звуковой символизм начертания В («звукового иероглифа» ветра), Бальмонт воспроизводит голос другой птички: «*В и т* поёт малиновка». Малиновка-зарянка имеет красную грудку («*У неё три капли крови / Расцвели и всё цветут*»); в скандинавской мифологии была вестником Тора — бога грома («*Эта птичка знает чары, / Промелькнув огнём в кусте <...>, Вызвать громы в высоте*»).

Миг благовестия

В образной основе стихотворения — готовность к перевоплощению, переходу из косных материальных форм бытия к более одухотворённым.

Царь-Трава

Царь-Трава — образ, достаточно распространённый в русском фольклоре. Н. И. Анненков в «Ботаническом словаре» (СПб., 1878) приводит около 15 русских «царских» фитонимов, относящихся почти к 30 ботаническим видам. При этом в народном восприятии слово «царь» может являться начальным элементом двучленного «имени» растения (типа *царь-трава, царь-зелье, царь сил*). По-видимому, точный источник именования этой травы не удастся найти, Бальмонт просто использовал знакомое ему название и мифологизировал его.

Краса цветка

Цветок — «*чаша цельная*», воплощающая в себе зажжённую от Солнца «*цветочную свечу*» Богу, — и вместилище небесного ладана, посылаемого душой, отошедшей в иной мир. В поэтике Бальмонта цветок — один из ключевых символов, образно представляющий соотношение земного и небесного. Причастность к духовному бытию передаётся за счёт метонимических соответствий: цветок — кадильница, молитвенник, «зорь золотых усыпальница» и т. п.

Отражение

В. Марков мотивирует образное имя собственное *Морское Око* отражением названия озера на юге Польши — *Morskie oko* [см.: *Markov 1992: 158*].

Сад

Китеж-град — в древнерусских преданиях XIII в. город, чудесно спасшийся от татаро-монгольской Орды. При приближении Батыя Китеж стал невидимым и опустился на дно озера Светлояра. По русским поверьям, в городе спаслись и поныне живут только праведники, нечестивцы туда не допускаются, в отношениях между людьми царят мир и справедливость.

Сарасвати

Сарасвати (санскр. «богатая водами», букв. — «текущая река») — в индуизме богиня мудрости, знания, искусства, красоты и красноречия. Брахмачарини, помощница Брахмы при творении Вселенной. *Сарасвати* осуществляет брак неба и земли, именно она созидает небесный Брачный Чертог — Чертог спасения и вечного блаженства. Первоначально речная богиня. Некоторые из имен *Сарасвати* звучат как «дающая существование», «властительница речи и жизни», «высшее знание». Она считается воплощением всех знаний: искусств, наук, ремёсел и мастерства. *Сарасвати* изображают в виде красивой женщины, одетой в белое. Обычно она сидит (или стоит) на лотосовом пьедестале («...*стоит на лотосе она*»). Связана с белым цветом, символизирующим чистоту знания. Она не носит драгоценностей и золота, одета строго — в знак того, что предпочитает духовные ценности материальным. Обычно её изображают с четырьмя руками. В её руках священная книга Вед — символ науки, чётки из белого жемчуга — символ духовности, чаша со священной водой — символ созидающей и очищающей силы, *вина* — индусский семиструнный щипковый музыкальный инструмент, здесь — символ искусства. *Сарасвати* часто изображается сидящей на белом лебеде — символе Сил Света.

Пение

Бенарес (*Банарас* — санскр. *Varanas*) — главный город области того же имени в северо-западной Индии — самый священный город индусов и средоточие браминской учёности, расположен на левом берегу Ганга, который в этом месте образует небольшую бухту.

Огненное око — перифрастическое именование солнца — встречается в текстах как фольклорных, так и литературных (см., напр., у Фета: «Лишь на миг смежает небо / Огнедышащее око...» («Зреет рожь над жаркой нивой...»)). В. Марков отмечает: «В Ведах солнце называется глазом Варуны (неба)» [см.: *Markov 1992*: 160]. У Бальмонта образ солнца как сжигающего землю *огненного ока* входит в мифологизированный контекст поэмы «Мечь Солнца» из книги «Белый Зодчий».

Индия

Браман (брахман, brahmane, bramine) — священник, жрец, а также философ в Индии (брахман иногда обозначает только древнего индийского философа, проповедника учения Браммы).

Гамелан — индонезийский традиционный оркестр (гонги, ксилофоны, в т. ч. металлические, барабаны, иногда струнные, духовые и голос). Понятие «гамелан» подразумевает также тип музицирования. Возможно, именно общим впечатлением определяется употребление этого слова в «индийском» контексте.

Лотос — один из ключевых образов восточной культуры, философии, мифологии и религии. Этот символ соединяет в себе солнечный и лунный принципы; он одинаково близок воде и огню, хаосу тьмы и божественному свету. *Лотос* — это результат взаимодействия созидательных сил Солнца и лунных сил воды, это Космос, поднявшийся из водного хаоса, подобно Солнцу, взошедшему в начале времён. *Лотос* олицетворяет собой первоначальные воды; потенциальные возможности проявленного мира и человека в нём; духовное раскрытие и расцвет; мудрость, нирвану. Стебель *лотоса* — это мировая ось, на которой стоит цветок трона-лотоса — вершина духа. Цветок *лотоса* не смачивается водой, также как дух не пачкается материей, поэтому *лотос* олицетворяет вечную жизнь, бессмертную природу человека, духовное раскрытие. *Лотос* посвящён Будде, явившемуся из *лотоса* в виде пламени и названному «*Жемчужиной Лотоса*». Будда считается сердцем *лотоса*, он восседает на троне в виде полностью раскрывшегося цветка.

Космический *лотос* выступает как образ творения, возникновения мира из первоначальных вод или из пустоты; это особый универсальный принцип, управляющий миром и развивающейся в нём жизнью.

Венчание в стране лотоса

Агни (санскр. «огонь», сродни лат. ignis, рус. огонь) — индийский бог огня, домашнего очага, жертвенного костра. Главный из земных богов, основной функцией которого является посредничество между ними и людьми.

Сома (санскр.) — важный ритуальный напиток у индоиранцев и в более поздних ведийской и древнеперсидской культурах, персонафицируемый как бог.

В Ригведе, в гимне «К Соме и Пушану» (II, 40), в котором *Сома* и Пушан называются «породителями богатств», «пастухами мироздания», указывается, что один из них «породил все существа», а другой «движется, всё озирая». В «Свадебном гимне» Ригведы (X, 85) описывается свадебная церемония *Сомы* (который ассоциируется с луной) и Сурьи (дочери солярного божества Савитара).

Индра (санскр. букв. «могучий», «сильный») — царь богов (дэвов) и повелитель небесного царства (Сварги) в ведизме и индуизме. Индра — один из главных богов ригведийского пантеона, громовержец (бог дождя) и змеборец; бог войны, возглавляющий дэвов в их противостоянии асурам. Гимны «Ригведы» прославляют его как демиурга, поднимающего небо. Он освобождает из мрака Валы зарю (Ушас) и побеждает дракона Вритру.

Митра (др.-инд. Mitrā-, авест. Miθra- «дружба, договор, соглашение») — божество индоиранского происхождения, связанное с дружественностью, договором, соглашением и солнечным светом, древнеиранский мифологический персонаж. Митра принадлежит по своему происхождению к индоиранскому пантеону (ср. вед. Mitrā), само имя восходит к индоевропейскому корню *mi-: *mei-, имеющему отношение к обозначению идеи посредничества, взаимности, обмена (и меры), закономерности, согласия, состояния мира, дружбы, симпатии.

Деодар

Кедр гималайский (лат. Cedrus deodara), или деодар — хвойное дерево, один из видов рода кедр, быстро растущая порода, произрастает в восточной Азии, на северо-западе Гималаев в горах Афганистана, Пакистана, Индии и Непала. Космическое Древо, Древо Жизни.

До рождения

По преданиям Индии и Египта, индивиды, составляющие нынешнее человечество, начали своё существование на других планетах, где материя гораздо менее плотна, чем на нашей.

Причастность к творческому строю — одна из существеннейших характеристик духовного пути «до рождения» на земле; именно она наиболее явно и прочно соединяет земное и небесное в человеке и обуславливает единство его пути.

Портрет

По-видимому, прав В. Марков, который считает, что «скорее всего, — это женщина или портрет женщины, в которой Бальмонт увидел “византийскую царицу”» [см.: *Markov 1992*: 164].

Ключ

Пифагорейцы представляли душу гонимой ветром *птицей*, переходящей от крушения к крушению через миллионы лет. Чтобы приблизиться к божественной благодати, пробиться в высшие области, душа вступает в ожесточённую борьбу. Очищенная и освобождённая от непросветлённой плоти душа возносится волной великого сияния в обители блаженства, где всё прекрасно, разумно, где всё звучит и чувствуется присутствие Бога. В случае неудачи душа повергается вновь в низшие сферы, чтобы в новых испытаниях достичь просветления и освобождения.

Знаки

В стихотворении сложно переплетаются знаки Зодиака со знаками мировой культуры и религии, «начертанные мыслью вековой». «Лик божий, человеческий, соколиный...». Египетский бог солнца Горус часто изображался с соколиной головой (см. раздел «Зверопоклонство» в книге «Край Озириса»). «Я убежал от царского венца...». В. Марков полагает, что здесь содержится намёк на Будду [см.: *Markov 1992*: 166]. Вавилон — знаменитый город Месопотамии на берегах реки Евфрат, экономический, политический и культурный центр Древнего мира, занимающий важное место в христианской эсхатологии. (См. поэму «Строитель» в книге «Белый Зодчий» 1914 года, где «маг-халдей» сначала строит, а потом разрушает «пресыщенный страстями» Вавилон). Вифлеем — город в Палестине, в котором родился Иисус Христос. Сistr — древнеегипетская храмовая погремушка. Состояла из рамки с рукояткой, сквозь которую проходили три-четыре свободных стержня с загнутыми концами, стержни позвякивали при встряхивании. Гатор — богиня любви в египетской мифологии. Богдыхан — китайский император. Орион — в греческой мифологии охотник-гигант, после смерти превращённый Зевсом в созвездие (см. стих.

«Орион» в книге «Белый Зодчий»: «Яркий пояс вышний Витязю, чужа с мраком бой, надел <...> »).

Скифская летопись

Таргитай — в скифской мифологии первочеловек, прародитель скифов, сын Зевса и дочери реки Борисфен, отец Липоксая, Арпоксая и Колоксая, положивших начало разделению скифского общества на роды.

В. Марков отмечает, что в стихотворении Бальмонта изложено скифское предание по Геродоту, творчески переработанное поэтом.

Ковчег Завета

Ковчег Завета, или Ковчег Откровения (Свидетельства) — согласно Библии — величайшая святыня еврейского народа: ковчег, в котором хранились каменные Скрижали Завета с Десятью заповедями (Втор. 10:2), а также, согласно Посланию к Евреям, сосуд с манной и посох Аарона (Евр. 9:4). Ковчег, согласно Торе, являлся символом союза Бога с народом Израиля и служил свидетельством присутствия Бога в его среде (Исх. 25:22, 2 Пар. 6:41).

Стихотворение Бальмонта отражает представление радуги как символа Завета (договора, союза) Бога с людьми, принявшими Господни заповеди, данные Моисею на скрижалях, и связано с образным строем предыдущего стихотворения «Дуга».

Ходящая сила

Перун — бог-громовержец в славянской мифологии. *Сварог* — бог неба у древних славян, отец солнца, бог-кузнец, который создал мир (см. у Бальмонта в книге «Жар-птица. Свирель славянина» (1907): «Небо, носящее имя Сварога...»).

На мельнице

Фея у Бальмонта — маленькая волшебница, окружённая насекомыми и цветами, выступающая как добрый дух живой природы (*Бальмонт, К. Д.* Фейные сказки. М., 1905). Образ феи восходит к кельтскому и германскому фольклору. В западноевропейской литературе он закрепился в эпоху романтизма и приобрёл черты крошечной изысканной девочки или женщины, обладающей сверхъестественными способностями. В древних сказаниях феи летают по воздуху с помощью стебельков растений (былинок); позднее (в викторианскую эпоху) они стали изображаться с крылышками, как у насекомых.

Мельница, по народным поверьям, — место пребывания различных сверхъестественных, таинственных сил.

По зарям

Стихотворение связано с предыдущим («Неизъяснимое»): «Проникнуть в тайны Вещества» помогает древнее знание силы трав. Основным источником для поэта могла быть книга И. Забелина «История русской жизни с древнейших времён» (М., 1912. Ч. 2):

«Трава Разрыв, иначе Муравец и Муравей, растёт по старым селищам и в тайных и тёмных углах и местах <...>, а узел от неё всякий развязывается»; «трава Белоярь цвела только в полночь на Успение Богородицы и отцветала одним часом»; «Узик — собою листочки долги, что стрельные железца»; «трава Кликун кличет гласом по зарям по дважды: “Ух! Ух!” <...> А силу она имеет, к чему хочешь, к тому и годна». Последняя трава — «былие цвет есть с девическим ликом» — скорее всего, «трава Улик, а сама она красновишнёвая. Глава у ней кувшинцами, а рот цветёт, то аки жёлтый шёлк, а листвие лапками». Используется для приготовления приворотного напитка.

От Солнца

К. Бальмонт родился 3 (15) июня 1867 г. в усадьбе Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии. В биографическом мифе не раз подчёркивал связь с житнетворческой энергией Солнца и таинственной силой Луны.

Грозовым светом

Поэта крестили Константином (в честь деда) в июне 1867 г. в селе Якиманна (предположительно в церкви Казанской Божией Матери), недалеко от сельца Гумнищи. Детство в райском единении с божественным миром природы Бальмонт считал счастливым и судьбоносным даром на всю жизнь (см. в сонете «Сад»: «Но счастлив тот, кто в детстве видел сад»).

Под ветром

В перифрастическом определении Луны («Медвяное Светило, что, строя, разрушает улей свой»), возможно, отражается традиционное представление о связи Луны и пчелы (в Индии бог Луны Сома называется пчелой), а также символическое выражение в образе Луны умирающего и возрождающегося мира на основании смены лунных фаз (в стихотворении упоминается Новая Луна).

Пять

Пять — универсальный символ человека и его пяти чувств (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус), микрокосм. См. у Бальмонта: «Пять чувств — дорога лжи...» (стих. «Путь правды» в книге «Горящие здания»), «...пять пещер, в которые душа заключена» (стих. «Пять пещер» в книге «Только любовь»), «смутительное пять» (стих. «Лунный сок» в книге «Зарево Зорь»).

Вдруг

Эзотерическое предание утверждает, что душа — это эфирный двойник тела, заключающий в себе бессмертный дух. Дух строит для себя силою собственной деятельности своё духовное тело. Материальным, земным вместилищем души является тело плотское (материальное).

В потоке

Новый Завет здесь — завет любви как единого закона бытия, обуславливающего живую цельность вселенной и являющего Божественную сущность мира.

Под деревом

Основой вертикали, соединяющей землю и небо, в образном строе книги выступает Ясень. Но есть и глубинный вектор, определяющий важнейшее проявление мирового единства, — это внутреннее состояние мира и человека. Оно выражается в гармонии, представленной символическим образом пения. Пение здесь — не просто звучание, это именно гармоническое согласие, соединяющее звук и тишину и воспринимаемое не слухом, а сердцем: «Я сердцем слушал птицу, / С птицей в ветках пела тишина». В общем гармоническом строе сопряжены природа, душа и мечта (в контексте не только этой книги, но всего творчества Бальмонта направляющая путь лирического героя) — при полном исключении рационального, умозрительного начала. Поэтому на грани времён и миров, в этой точке, запечатлённой как зыбкий, текучий миг покоя в безостановочном движении всего и вся, невозможно и не нужно знать, чей же это «успокоительный голос» поёт, соединяя весь мир в гармоническом строе: «Пел успокоительный мне голос, / В сердце, здесь, и в Небе, там вдали». Путь в Небо совершают «сонмы нежных маленьких цветков»; в них — зачарованное сердце человека, запечатлевшее мировую гармонию и устремлённость к небесной родине: «И вершину Ясеня венчая, / Сонмы нежных

маленьких цветков / Уходили в Небо вплоть до Рая, / По пути веков и облаков». Итоговая строфа стихотворения, как в фокусе, собирает все ключевые грани образа Ясеня, лейтмотивом скрепляющего звенья архитектоники текста.

Кристалл

«Немой кристалл» — известный по многим легендам европейского Средневековья предмет, представляющий собой кристаллический или стеклянный шар, обладающий магическими свойствами. С его помощью можно увидеть будущее или прошлое, поэтому он иногда именуется «камнем видения». «Вот снова гневен Царь, им окровавлен шут...». Вероятно, подразумевается царь Иван Грозный. «Светлый мальчик, быстрый мальчик, лик его как лик камей. / Волосёнки — цвета Солнца...». Строки имеют автобиографическую основу (ср. со стих. «От Солнца» в том же «Ясене»: «Я родился от Солнца. Сиянье его заплелось / В ликованье моих золотых и волнистых волос...»). Иванова ночь — народный праздник языческого происхождения, приуроченный к христианскому празднику Рождества Иоанна Крестителя, который отмечается 24 июня. «Дорога Млечная» — Млечный Путь — любимый астральный символ Бальмонта, имеющий амбивалентный смысл. Здесь имеет значение небесной дороги душ, восходящее к древним космогоническим мифам разных народов.

Вопль к Ветру

Написанное в классической форме сонета, стихотворение отличается глубиной и ёмкостью осмысления экзистенциальной темы. Судьбоносной силой выступает в нём стихия ветра, не случайно представленная как поэтический символ, выделенный заглавной буквой и на протяжении всего текста употреблённый в старославянском поэтическом варианте — *Ветр*. Ритмомелодический характер катренов, повторы и синтаксический параллелизм в расположении строк создают масштабность и особый суггестивный характер заглавного образа и подчёркивают значимость основных характеристик *Ветра* как стихии, одноприродной русскому миру.

Развитие темы первой части сонета завершается прямым обращением лирического героя, за счёт аллитерации звучащим на языке *Ветра*.

В терцетах троекратным анафорическим повтором акцентируется выражение духовной истощенности земного бытия человека.

Драматизм завершения земного пути усиливается глобализацией образа Ветра, выступающего в масштабе «пустыни беспредельной» (с одной стороны, сохраняющей семантику русского мира, с другой — приобретающей вселенский размах). Грандиозный характер завершающего образа Ветра соотносится с глобальностью человеческого переживания, заострённого сильной позицией (сонетным замком): «Возьми меня в последний свой предел» [см. подробнее: Петрова 2012: 244–250].

Алыча

Алыча — сливовое дерево, распространённое в Закавказье и Передней Азии. В стихотворении Бальмонта образ связан с цветущим деревом («*дерево-цвет*»); обилие белоснежных цветов («*цветок тысячекратный*») создаёт необходимое впечатление, открывает ассоциативный ряд при первом упоминании Грузии. Теме «Бальмонт и Грузия» посвящена одноимённая книга Лии Андгуладзе, в которой рассматриваются творческие связи Бальмонта с грузинской поэзией и культурой в целом.

Скажите вы

В. Марков пишет: «Обращено к Тамаре Канчели, которую Бальмонт встретил в Тифлисе в первую поездку в Грузию (10–28 апр. 1914)» [Markov 1992: 180].

Тамар

Тамар — грузинское женское имя; его носила царица, с которой связан золотой век в истории Грузии (XII — нач. III в.). В её царствование была написана поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (в переводе К. Бальмонта — «*Носящий барсову шкуру*»).

В. Марков пишет, что для Бальмонта имя Тамар «ассоциировалось со знаменитой царицей Тамарой (12–13 вв.), — которую, как утверждают, любил Руставели» [см.: Markov 1992: 181].

Грузия

Имена собственные в стихотворении выступают метонимическими репрезентантами образа Грузии. *Казбек* (грузин. «ледяная вершина») — гора в средней части Кавказского хребта, на границе России и Грузии; представляет собой потухший вулкан. Мимо неё проходит Военно-Грузинская дорога. *Арагва* — устаревший русский вариант названия Арагви (грузин.) — река в Восточной Грузии, левый приток Куры. *Терек* — река на Северном Кавказе.

Все три названия встречаются в текстах А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова; в бальмонтовском тексте характер их употребления позволяет усматривать аллюзии на классические образы (в частности, представление образа через звучание: «*Поёт Арагва, звучно вторит Терек*»; у Пушкина: «Шумит Арагва предо мною...» («На холмах Грузии...»; у Лермонтова: «Терек воеет, дик и злобен...» (Дары Терека); см. также в стих. Пушкина «Монастырь на Казбеке» — Казбек — «царственный шатёр», рифма «Казбек» — «ковчег»).

В имени *Светлана В. Марков* совершенно справедливо усматривает в поэзии Бальмонта «больше метафору, чем имя»; в данном тексте, считает исследователь, это имя — «дословный перевод грузинского имени Натела» [см.: *Markov 1992: 182*]. Там же отмечено: «*Макоце* — по-грузински «целуй меня».

Древний перстень

В бальмонтовской лирике образ перстня реализует семантику волшебства, магической силы, драгоценного, соединяющего и оберегающего начала, причастности к высшим формам бытия. *Халцедон* — полудрагоценный камень, притягивающий любовь и ограждающий от злых чар, прогоняющий тоску. *Волкоок* — у В. Маркова: «По Далю (волчий глаз) это опал, а не халцедон» [см.: *Markov 1992: 183*]. Для образной семантики стихотворения, видимо, важно звуко-смысловое соотношение названия *волкоок* с мотивом Луны («В себя вобрал всю власть Луны») и любви (*любить, скрепляю кольцом, холодеешь, халцедон*).

Верховный звук

Марсий, в греческой мифологии божество круга Кибелы, вытесненное Аполлоном. По мифу, Марсий подобрал флейту, выброшенную Афиной. В игре на флейте Марсий достиг необычайного мастерства и, возгордясь, вызвал на состязание самого Аполлона. Играя на кифаре, Аполлон победил Марсия, а затем ободрал с него кожу. В мифе о состязании Аполлона и Марсия отразился начальный этап борьбы божеств-антагонистов Аполлона и Диониса. Оппозиция Аполлона и Диониса у Бальмонта запечатлена в противопоставлении ключевых инструментов — струнного и духового, с которыми ассоциируются эти древнегреческие боги; мотив их музыкального соперничества, перешедшего к людям, звучит в культурной аллюзии Пифийских игр: «Напрасно мыслил рдяный Аполлон / Свести к струне — что хочет жить в свирели, / В Пифийских играх это мы презрели».

Орхидея тигриная

Сон — у символистов — состояние, в котором высвобождается энергия иррационального постижения мира и прозреваются скрытые сущности бытия. *Орхидея* — словообраз, наделённый в символической поэзии семантикой страсти и экзотической изысканности. Бальмонт определяет орхидею как «чувственную и хищную», «чудовищный цветок, // Взлелеянный желаньем, полный ядом» (Вещий сон, 1897). Для его лирики характерно соотношение орхидеи с соблазняющим женским и змеиным началом (Орхидея, 1908). В образном представлении орхидеи отмечается зыбкость границы между растительным и животным миром (что характерно не только для Бальмонта, но отрефлексовано и другими символистами [см.: Фаустов 2013]).

Сглаз

Этим стихотворением открывается ряд стихов, отражающих мотив тёмных сил, «злых чар», действию которых подвергается лирический герой и мир в целом. Комментируя эпиграф, В. Марков упоминает один из вариантов ассиро-вавилонского мифа о начале мира, «когда богиня злого хаоса Тиамат произвела “составных существ”, не вынесших света и погибших» [см.: Markov 1992: 186]. *Сглаз* как обобщённый образ тёмных сил представлен в тексте в стилистике, характерной для книг «Злые чары» (1906) и «Жар-Птица» (1907). Нечеловеческая, колдовская его сила необходимо акцентирована здесь и в следующих стихах как проявление тёмной стороны бытия, противовесом которой выступает в контексте всей книги певучая ясность ясеня.

Чёрное зелье

«*Чёрное зелье*», «*дьявольский куст*», «*ягоды — точно слепые глаза*», «*волчьи глаза*» — все эти элементы контекста вызывают коннотации, связанные с явлением, называемым в народе «волчьими ягодами», — растения с привлекательными на вид, но ядовитыми плодами.

Чернокнижие

В основе образного отражения «злых чар», несущих в себе губительное начало, творческая трансформация народных представлений о «сёстрах-лихорадках», «сёстрах-холерах», имеющих страшный вид и несущих смерть [Афанасьев 2008: 956, 974]. А. Н. Афанасьев упоминает также «новогреческое сказание <...> о трёх страшных жёнах, которые странствуют вместе по городам и сёлам и карают жителей моровой язвой» [Афанасьев 2008: 974]. В том же источнике упоминается о

народном представлении моровой язвы, которой «даются острые зубы и жало», а также оспы, которая «ходит с клювом и, ударяя им, пятнает человека щедринками» (с. 949). *Женщина-змея* — возможно, образ, отражающий оккультное изображение Астарты (в шумеро-аккадской мифологии богини любви и плодородия Иштар) в виде женской фигуры, каждая нога которой оканчивается змеиным хвостом.

Здесь и далее развёртываются страшные образы мирового зла, отражающие как метафизический, так и мифопоэтический лик войны (см., в частности, «Из подземелья», «Вихри»).

Заговор о конях

К народным заговорам Бальмонт впервые обратился в книге «Жар-птица. Свирель славянина» (раздел «Ворожба»). «*Возьму струю трав...*» — см. предыдущее стих. «Зелья» (*травы-«лгунья»*).

Бег

Ведогонь — «по верованиям черногорцев и сербов, живущий в человеке дух, который во время крепкого сна может покидать на время тело и странствовать по белу свету; то, что В. в это время видит, после пробуждения от сна кажется человеку сновидением» [*Брокгауз — Ефрон*]. *Мавры* — название в средневековой Западной Европе мусульманского населения Пиренейского полуострова и западной части Северной Африки — арабов и берберов, захвативших эти территории в ходе второй волны арабских завоеваний. Здесь употреблено в обобщённом значении — враги-иноверцы. В некоторых случаях Бальмонт упоминает ударные инструменты в переносном значении, например, в «Бегах» *литавры* — метафора учащённого пульса.

Царевич из сказки

(См. далее комментарий к стихотворению «Клубок»).

Два бога

Тескатлипока — («дымящееся зеркало»). В мифологии индейцев Центральной Америки — бог ночи, войны, холода, наказаний. Является покровителем жрецов и разбойников. Выступает главным противником бога Кецалькоатля, с которым вступает в борьбу за обладание миром. *Кецалькоатль* («змея, покрытая зелёными перьями» или «драгоценный близнец») — в мифологии индейцев Центральной Америки одно из главных божеств, творец мира, человека и всех живых существ. Он считался создателем благ цивилизации и религиозных обрядов. Ему поклоняются как покровителю наук и жречества.

Клубок

Земной путь — это путь испытаний, в которых противоборствуют судьба и воля человека. Традиционным образом судьбы выступает клубок, в котором — нить человеческой жизни и «*власть живая*». И в приведённом контексте, и в ряде других стихотворений образно отражаются черты автобиографического мифа: уход вслед за возлюбленной из родного мира «*в неизвестные поля*» (см. «Мойры»); попытка своею волею завершить земную жизнь. Шёлковая нить судьбы становится «*ниткою суровой*», а «*царевич из сказки*» — «*бедным нищим на пути*»: «*Мне сказки больше незнакомы, / Лишь грёза молится одна, / Чтоб в голубые водоёмы / Лилась от Бога тишина*».

Плита

«*Видением из дальних дней, где ты...*». В. Ф. Марков задаётся вопросом: «Автобиографично ли “ты”?» — и указывает дату написания стихотворения по записным книжкам — 10 февраля (1915). А. Ю. Романов сообщает, что 10 февраля 1889 года состоялось венчание Бальмонта с Ларисой Гарелиной. — Выражаем Александру Юрьевичу признательность за указанную информацию.

Мойры

Норна — богиня судьбы в скандинавской мифологии. *Мойры* или *Парки* (греч. Μοῖραι, Parcae) — три богини, дочери Ночи, управляющие судьбой человека (греч. μοῖρα — судьба). Первая, Клофо, прядёт нить жизни; вторая, Лахезис, определяет судьбу жизни; третья, Атропа, т. е. неизбежная, отрезает нить жизни. Они знают наперёд участь, ожидающую каждого человека, и люди должны подчиняться этим могущественным богиням. У римлян эти богини назывались *парками*. *Суденицы* — в славянской мифологии — духи, определяющие судьбу человека при его рождении. Согласно преданиям, *судениц* было трое — три сестры. Младшей из них на вид лет двадцать, а старшей — тридцать — тридцать пять. Они были бессмертны и приходили издалека, обычно в полночь на третий (реже — на первый или седьмой) день после рождения ребёнка в его дом, чтобы «судить» ему жизненную судьбу. Таким образом, как непосредственные наименования (*норны, мойры, парки, суденицы*), так и синонимические и перифрастические (*п्राхи, судьбы* и др.) связаны с ключевой в стихотворении темой судьбы.

Ордалии (от англосакс. ordol, лат. ordalium — приговор, суд) — в широком смысле то же, что и «Божий суд»; в узком — суд путём испытания огнём и водой. Ордалии считаются одним из видов архаичес-

кого права, впервые подобные испытания упоминаются ещё в законах Хаммурапи.

В строках «Я оставил дом родимый, гумна, мельницу, амбары»; «Я под ивою плакучей. Вижу сад, амбары, гумна» — аллюзия на образ усадьбы Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии, где родился и провёл детство поэт [Куприяновский 2014].

Ama nesciri

Ama nesciri... — желай, чтобы не знали тебя и ни во что не вменяли [Латино-русский словарь 1954: 12].

Отшельник

Отшельники-дендриты — монахи, по обету живущие на деревьях.

Уж полно

Гонитва (Honitva) — в древнечешском праве граница, до которой жители общины должны были преследовать преступника и вообще нести круговую ответственность за все преступления. *Гонитва* существовала и у поляков и сербов. *Ловитва* — то же, что и ловля; охота.

Подвижная свеча

Заглавный образ — традиционная метафора духовного горения. В. Марков совершенно справедливо усматривает семантически мотивирующую основу слова *подвижный* в существительном *подвиг*: «Подвижная — от *подвиг* в религиозном значении (ср. *Мельников-Печерский*. В лесах. Кн. I, гл. 16: “те скитские жители, что самое подвижное житие провозждают”)» [Markov 1992: 196].

Слово *подвиг* применительно к духовной жизни употреблено в следующем стихотворении — «Превозмогшая».

Превозмогшая

Характеристика, вынесенная в заглавие — превозмогшая, — относится к героине стихотворения, обозначенной эпитафией. Боярыня Морозова — верховная дворцовая боярыня, деятельница русского старообрядчества, сподвижница протопопа Аввакума. За приверженность к «старой вере» в результате конфликта с царём Алексеем Михайловичем была арестована, лишена имени, а затем сослана в Пафнутьево-Боровский монастырь и заточена в монастырскую тюрьму, в которой погибла от голода. Почитается старообрядческой церковью как святая. Семантика духовного горения, развивающаяся и в этом

тексте, связана с образным представлением преодоления телесного, плотского земного плена души (строка «Здесь в земляную ввержена тюрьму» прочитывается как в буквальном, так и в символическом смысле) и преображения светом истинной веры (отсюда — «превозмогшая»).

Святой Боже

Святитель Прокл, архиепископ Константинопольский, в V в. ввёл в христианское богослужение молитву, именуемую «Трисвятое», в которой трижды повторяется прошение: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!». История её такова.

В святительство святого Прокла случилось в Константинополе страшное землетрясение. Весь народ пришёл в ужас. Святой Прокл устроил крестный ход и торжественно совершал всенародное, на открытом воздухе, молебствие. Все плакали, горячо молились, и вслух восклицали: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» Вдруг из среды молящихся внезапно восхищается на воздух один отрок; скоро тою же невидимую силою он был опущен и объявил, что он был на небе и слышал там ангелов, которые пели: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный!» Все начали повторять эту песнь с прибавлением слов: «Помилуй нас», — и землетрясение кончилось. С этих пор священная песнь введена в употребление при богослужении; её принято петь и тогда, когда провожают усопшего в последний земной путь.

Молитва каждого дня

В основе стихотворения — «Отче наш», главная молитва в христианстве.

Отче наш (также молитва Господня; *ст.-слав.* **ОТЬЧЕ НАШЬ**, *греч.* Πάτερ ἡμῶν или *Кирик* προσευχή, *лат.* Pater noster). Согласно Евангелию, Иисус Христос дал её своим ученикам в ответ на просьбу научить их молитве. Приводится в Евангелиях от Матфея и от Луки.

Текст молитвы на церковнославянском языке:

Отче наш, Иже еси на небесех!
 Да святится имя Твое,
 да приидет Царствие Твое,
 да будет воля Твоя,
 яко на небеси и на земли.
 Хлеб наш насущный даждь нам днесь;
 и остави нам долги наша,

якоже и мы оставляем должником нашим;
и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукаваго.

На русском языке:

Отче наш, сущий на небесах!
Да святится имя Твое;
Да придет Царствие Твое;
да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

Хлеб наш насущный дай нам на сей день;
И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;
И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукаваго.
Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.

(Мф., 6:9-13)

Отче наш, сущий на небесах!
Да святится имя Твое;
да придет Царствие Твое;
да будет воля Твоя и на земле, как на небе;
хлеб наш насущный подавай нам на каждый день;
и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому
должнику нашему;

и не введи нас в искушение,
но избавь нас от лукаваго.

(Лк., 11:2-4)

Белое веяние

Концепция человеческого бытия на земле развивает отражённое в предыдущих книгах представление о том, что «жизнь — испытание духа» [Бальмонт 2008: 218], а смерть — это дверь в жизнь вечную.

Отсюда — образы кроткого смирения, картины благодного покоя в «вышних», небесных полях: «Кто, белый, там идёт от нас? / Проблаговестил звёздный час. / И Мать ушла. Ушёл Отец. / На нём, на ней — один венец <...> Благословенье, Светлым, вам, / Что к вышним отошли полям». Традиционное выражение закономерной смены этапов единого бытия — смена дня вечером и ночью, молотьба, «посев и жатва — путь судеб»; «рожденье и падение звезды» (Перед зеркалом); преодоление мятежности — тихим заветрием: «Смерть нас в тихое заветрие возьмёт, / Там есть музыка, что сладостней, чем мёд. / Там

есть светлы, что светлее наших свеч, / Нет разлуки, но всегда есть радость встреч» (Заветрие).

Нет места тревоге

В центре стихотворения образ сердца как средоточие любви и добра в человеке, его божественной сути. Путь человека к спасению («подвиг») представлен как бы в двух стадиях. В первой части стихотворения этот путь направляется собственной волей, подчёркивается значимость этой воли в становлении самого себя, в осуществлении своего пути «в Мирозданье». Во второй части на первом плане — Божественная воля, определившая место человека в космическом устройении. Путь человека как осуществление Божественного промысла связан не только с идеей возвращения и приобщения к высшей правде, но и с постижением неисчерпаемой благодати и любви («нежности»), исходящей от Создателя. Таким образом, духовный путь лирического героя поэтически представлен как подвиг сохранения и приумножения в человеческом сердце Божественной любви. Этот путь не определяется лишь пространственными или временными характеристиками. Он отражает ещё и экзистенциальные аспекты, и этапы творческого движения и постижения мира.

Око

Стихотворение с символическим названием, за которым — Создатель, Творец вселенной. Масштабность и беспредельность — определяющие свойства такого *Ока*, способного прозревать Вечность и судьбы миров. Цикличность, с одной стороны, обуславливает возможность вновь и вновь возродиться в самых разных формах и таким образом быть причастным ко всем временам (см. следующее стихотворение «Преображение»). С другой — такой путь, как наглядно представлено в стихотворении «Око», неизбежно приводит к гибели миров, существование которых определяется параметрами времени и измеряется «веками».

Преображение

Для книги очень важна идея преобразования как необходимого преобразования души на пути к высшему и вечному бытию, к Богу. Вот почему сам поэт определяет характер такого пути не как кольцо, а как «змеиную спираль»: «В вертенье круга — радость и печаль, / Но ввысь ведёт змеиная спираль». Представление о спиралеобразной форме развития возникло у Бальмонта как раз в 1910-е годы [см. подробнее: Молчанова 2011: 108]. В статье «Солнечная сила» Бальмонт

пишет: «Каждое явление, через полноту своего выявления, неизбежно ведёт к новому, а новое по змеевидной линии, неуклонными путями спирали, увлекает всё живущее, от песчинки до Солнца в Звёздную бесконечность» [Молчанова 2011: 109].

«*En esta vita todo es verdad*» (Calderon) — в этой жизни всё истина (Кальдерон); «*En esta vita todo es mentira*» (исп.) — в этой жизни всё ложь.

«Я был на зиккуратах Вавилона...» — *Зиккурат* (от вавилонского слова *sigguratu* — «вершина», в том числе «вершина горы») — многоступенчатое культовое сооружение в Древней Месопотамии и Эламе, типичное для шумерской, ассирийской, вавилонской и эламской архитектуры. Зиккурат представляет собой башню из поставленных друг на друга параллелепипедов или усечённых пирамид. Рядом со ступенчатой башней-зиккуратом обычно находился храм, который являлся не молитвенным сооружением как таковым, а жилищем бога.

Узури — Осирис (Озирис).

Варяг, варяги — выходцы из Балтийского региона, наёмные воины либо торговцы в Древнерусском государстве (IX—XII вв.) и Византии (XI—XIII вв.).

Валгалла — (сканд. *valhalla*, от др.-герм. *wal* — убитые, и *hall* — королевский замок) — по верованию древних скандинавов — дворец бога Одина, обиталище душ воинов, павших в бою; рай, куда могли попасть только павшие геройской смертью.

«Я был жрецом на грозном теокалли» — *Теокалли* («дом бога») — тип культового сооружения, характерного для Центральной Америки доколумбовой эпохи. Представляет собой четырёхугольную каменную пирамиду, стороны которой, как правило, были строго ориентированы по сторонам света. Пирамида состояла из нескольких уступов, образывавших террасы, а также имела крутую лестницу на всю высоту. На самом верхнем уступе располагался храм для жертвоприношений. Теокалли характерны для архитектуры ацтеков, тольтеков, майя.

Обсидиан — магматическая горная порода, состоящая из вулканического стекла при содержании воды не более 1%; однородное вулканическое стекло, прошедшее через быстрое охлаждение расплавленных горных пород. Согласно различным поверьям, обсидиан, наряду с серебром, способен наносить ликантропам незаживающие раны (ликантроп — оборотень, принимающий образ волка (у др. славян — волколака)).

Адам

Эпиграф взят сразу из нескольких древнеегипетских источников. Бог *Атуму* неоднократно упоминается Бальмонтом в книге «Край Озириса», в очерке «Солнечное единобожие» он дословно воспроизводит описание этого бога, прочитанное им в Абидосском храме Рамзеса: «Один из древнейших богов и главнейших. Ипостась ночного солнца. Творитель людей и делатель богов. Самосозданный» (с. 52). Идея «самосозданности» — узловая в бальмонтовском венке сонетов, видимо, вследствие этого древнейший египетский бог здесь причудливо соединяется с библейским первочеловеком Адамом.

«И был он слеплен божеской рукой. / Но в этом колдовал ещё другой, И все его стремленья не едины». К божескому провидению у Бальмонта оказывается причастным ещё и тёмный демиург. *«Симфонии девятой»* — симфония Л. ван Бетховена. *«Мне Ева белокурая жена / Но есть Лилит...»* Противопоставление *Евы* и *Лилит* — первой («ночной») жены Адама, было весьма распространено у русских символистов. *«В двенадцати искусный Геркулес...».* Имеются в виду двенадцать подвигов Геркулеса. *«Иду к святому гаю».* *Гай* — лиственный лес, дубрава, роща. *«В отчий дом возврат мне будет дан...»* — отсылка к притче о блудном сыне.

Целью пути человека и мира в лирическом контексте Бальмонта неизменно выступает божественное инобытие, постижение Бога, возвращение к утраченному Раю. Венок сонетов «Адам» развивает важнейший аспект образной репрезентации духовного преображения, приобщения к мировым тайнам и возвращения к духовной родине — это боль, испытания, жертва и искупление. Основание движения по пути духовного восхождения — сила духа, свободная воля и верность идеалам добра и Красоты.

Ордали (см. заключ. статью Т. С. Петровой, с. 210)

Полночь

Книга «Ясень» завершается ёмким символическим изображением неизбежной гибели пути мира, цельность и сущностный характер которого, равно как и космический путь, представляются в образе древа. Мифопоэтические черты этого древа обнаруживают характеристики заглавного образа-символа — Ясеня, Мирового Древа, соединяющего мир земной с небесным и выступающего для человеческой души мостом в инобытие. Песня, пение устойчиво передают в поэтическом языке Бальмонта сущностное экзистенциальное

начало. В стихотворении «Полночь» пение сопровождает процесс не зарождения (как в стих. «Утро Земли», «Тот предок» и др.), а крушения мира. Пение оказывается основополагающим свойством мира, и ключевая для поэта идея всеединства мира развивается в границах данной музыкальной категории. Семантика пения гармонизирует в общем символическом строе стихотворения и образы пламени, огня, репрезентирующие мотив гибели материального временного мира и духовного преобразования как необходимого в осуществлении высшего божественного промысла. Весь строй завершающего книгу стихотворения отражает *вечный* процесс обращения материального мира к инобытию, поскольку, чтобы быть уничтоженным в пламени, мир должен возникнуть и существовать. Идея цикличности космического пути миров отражается в кольцевой композиции книги: открывающее её стихотворение «Навек» несёт в своём названии семантику вечности, завершающее заканчивается почти сакральным выражением «*во веки веков*». Эсхатологический аспект образа Ясеня, с одной стороны, отражает мифопоэтические представления о путях мира: в кельтских историях говорится о циклах перерождения и лёгкости перемещения между физическим миром и многими другими мирами; в доктрине друидов — учение о времени как отрывке вечности и о существовании бесконечного ряда миров, в мифологии древних народов Центральной и Южной Америки отразились представления о гибели миров (в пожаре, наводнении — при этом источник вод открывается под корнями срубленного дерева). В то же время «мифы о сменяющих друг друга мирах не связаны в Америке с идеей регресса» [*Мифы 1992*: II, 522].

«Ясень» — это книга о достижении царствия Любви и об утверждении его в основании всего мира «во веки веков»; книга о слиянии воли человека с Божественной волей, о спасительной силе Любви — «*ибо я зачарую своё сердце и помещу его на вершине Древа в цветке*».

Н. А. Молчанова
Т. С. Петрова
О. В. Епишева

БИБЛИОГРАФИЯ

- Markov 1992:* *Markov, V.* Kommentar zu den Dichtungen von K. D. Balmont. Köln, Weimar, Wien, 1992. Т. 2.
- Андреева-Бальмонт 1996:* *Андреева-Бальмонт, Е. А.* Воспоминания. М., 1996.
- Афанасьев 1983:* *Афанасьев, А. Н.* Древо жизни. М., 1983.
- Афанасьев 2008:* *Афанасьев, А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу // *Афанасьев, А. Н.* Славянская мифология. М.: Эксмо, Спб.: Мидгард, 2008.
- Бальмонт 1990:* *Бальмонт, К.* Стозвучные песни. Ярославль, 1990.
- Бальмонт 2008:* *Бальмонт, К. Д.* Будем как Солнце. Книга символов. *Марьева, М. В.* Книга К. Д. Бальмонта «Будем как Солнце»: Эклектика, ставшая гармонией. Иваново, 2008.
- Бальмонт 1916:* *Бальмонт, К. Д.* Ясень. Видение Древа. М., 1916.
- Библия:* Библия. Северо-Западная Библейская Комиссия: Духовное просвещение, 1991. Т. I. С. 46—47.
- Блаватская:* *Блаватская, Е.* Разоблачённая Изида [Электронный ресурс]. URL: http://libok.net...235...blavat-skaya/razoblachennaya_izida
- Брокгауз — Ефрон* — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: <http://dic.academic.ru>
- Волошин 1988:* *Волошин, М.* Лики творчества. Л., 1988.
- Выгодский 1917:* *Выгодский, Д.* О творчестве Бальмонта // *Летопись.* 1917. № 5—6. С. 251.
- Гаспаров 2003:* *Гаспаров, М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 2003. С. 123.
- Геннеп 1999:* *Геннеп, Арнольд ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 85 [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru>
- Даль 1978:* *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978. Т. II. С. 690.
- Евангельский синопсис:* Евангельский синопсис. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2008.

- Епишева 2006:* *Епишева, О. В.* Музыка в лирике К. Д. Бальмонта: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2006.
- Куприяновский 2014:* *Куприяновский, П. В.* Бальмонт / Павел Куприяновский, Наталья Молчанова. М.: Молодая гвардия, 2014.
- Латино-русский словарь 1954:* Краткий латино-русский богословский словарь / сост. свящ. С. Тышкевич. Russian Center, Fordham University. New York, 58. N.Y., 1954.
- Мелетинский 1994:* *Мелетинский, Е. М.* О литературных архетипах. М., 1994.
- Мифы 1992:* Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. М., 1992.
- Молитвослов 2007:* Молитвослов «Всегда с собой». Православное издательство «Глаголь», 2007.
- Молчанова 2011:* *Молчанова, Н. А.* «Всю жизнь хочу создать из света, звука...»: Вопросы поэтики лирики К. Д. Бальмонта. Воронеж: НАУКА—ЮНИПРЕСС, 2011.
- Октагон:* Октагон. Эзотерический словарь. Мистерии [Электронный ресурс]. URL: <http://ashram.ru/Oktagon/SiteOktagon/misteryi.htm>
- Петрова 2012 а:* *Петрова, Т. С.* Мотив пути в книге К. Бальмонта «Птицы в воздухе» // Солнечная пряжа: Науч.-популяр. и лит.-худож. альманах. Иваново; Шуя: Издатель Епишева О. В., 2012. Вып. 6. С. 25–26.
- Петрова 2012:* *Петрова, Т. С.* Сонет К. Д. Бальмонта «Вопль к Ветру»: опыт интерпретации // *Петрова, Т. С.* «Певучая сила» поэта Константина Бальмонта. Сб. ст. Иваново: Издатель Епишева О. В., 2012.
- Приходько 1999:* *Приходько, И. С.* Слово *пыль* в символистском контексте (Материалы к словарю) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Вып. 4. Иваново, 1999. С. 330.
- Русская эпиграмма 1988:* Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Л., 1988.
- Сабашниковы 1979:* Из переписки М. В. и С. В. Сабашниковых с авторами // Книга: Исследования и материалы. М., 1979. Т. 38. С. 142.
- СРЯ:* Словарь русского языка: В 4 т. М., 1982. Т. 2. С. 638.

- Старшая Эдда* 2005: Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. СПб., 2005.
- Стеблин-Каменский* 1975: *Стеблин-Каменский, М. И.* Примечания к кн. «Старшая Эдда» // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
- Топоров* 1991: *Топоров, В. Н.* Дерево мировое // Мифы народов мира. М., 1991. Т. 1.
- Фаустов* 2013: *Фаустов, А. А.* Игры воображения. Историческая семантика характера в русской литературе / А. А. Фаустов, С. В. Савинков. Воронеж: ООО ИПЦ «Научная книга», 2013. С. 231–232.
- Флоренский* 1992: *Флоренский, П.* Особенное // Флоренский, П. Десям моим. М., 1992. С. 190.
- Ханзен-Лёве* 2003: *Ханзен-Лёве, А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб., 2003.
- Холл* 1992: *Холл, М. П.* Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1992.
- Христианство* 1995: *Христианство: Энциклопедический словарь:* в 3 т. М., 1995. Т. 2.
- Чистяков:* *Чистяков, Г.* Путешествие души (из книги «В поисках вечного града» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tapit.com/ekkklesia/chistyakov/vechn_grad/puteshest.htm).
- Шарки* 1975: *Шарки, Джон.* Кельтские тайны. Древняя религия. Лондон, 1975 [Электронный ресурс]. URL: http://hsgmagic.ru/biblioteka/books/1750_Кельтские_Мистерии
- Шюре:* *Шюре, Э.* Великие посвящённые. Очерк эзотеризма религий. Калуга, 1914. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/shure01/index.htm>
- Эллис* 1996: *Эллис.* Русские символисты. Томск, 1996.
- Юнг* 1996: *Юнг, К.* Об отношении к поэзии // Юнг, К. Г. Психоанализ и искусство / К. Г. Юнг, Э. Нойманн. М., 1996. С. 27–28.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. А. Молчанова. Мифопоэтическая картина мира в книге К. Д. Бальмонта
 «Ясень. Видение Древа» 3

ЯСЕНЬ. ВИДЕНИЕ ДРЕВА

Навек	16	Алый изумруд	64
Солнцезернь	17	Солнечник	65
Час и дом	19	Тии-вит	66
Звёздная пляска	20	Миг благовестия	67
Мёд веков	24	Царь-Трава	69
Закон светил	25	Краса цветка	70
От Солнца к Солнцу	26	Отражение	71
Имена	27	Сад	72
Тайна	28	Мёд	73
Канун	29	Сарасвати	74
Наручни	30	Пение	75
Поющее дерево	31	Индия	77
Зверь-цветок	34	Танец искр	78
Я играю берегами	35	Венчание в стране Лотоса	79
Ларец	37	Деодар	80
Немой ураган	38	До рождения	81
Ветви	39	Сонетное течение	82
Водоворот	40	Кольцо	83
Колдующий	41	Портрет	84
Красота	42	Ключ	85
Линия природы	43	Знаки	86
Молчание	44	Через века	87
Верным путём	45	Звук звуков	88
Четыреликий	46	Скифская летопись	89
Звериное число	47	Кто кого	91
От предельности	48	Дуга	92
Сказка Месяца и Солнца	49	Ковчег Завета	94
Снеговые руны	51	Ушедший	95
Снежные боги	52	Превращения	96
Саги	54	Из вьюги	97
Сага	55	Стрела	98
Летопись листьев	56	Ходящая сила	99
Прозреньё	58	Весеннее	100
Утро Земли	59	Древостук	101
В былое время	60	Весенний свет	102
Тот предок	61	На мельнице	103
Рука	62	Неизъяснимое	105
Закатная пирамида	63	По зарям	106

Иная жизнь.....	107	Поместье.....	150
Ожерелье.....	108	Предел.....	152
Из дрёмы.....	109	Из подземелья.....	153
От Солнца.....	110	Вихри.....	154
Громовым светом.....	111	Зелья.....	155
Под знаком Луны.....	112	Заговор о конях.....	156
К Луне.....	113	Бег.....	157
Под ветром.....	114	Царевич из сказки.....	158
Пять.....	116	Упрямец.....	160
Грёза.....	117	Саморазвенчаный.....	161
Алая вишня.....	118	Сосредоточие.....	162
Вдруг.....	119	Два бога.....	163
Ворожея.....	120	Псалом Земли.....	164
Лоза.....	121	Искры тайн.....	165
Пересвет.....	122	Клубок.....	166
В потоке.....	123	Если хочешь.....	167
Под деревом.....	125	Сон.....	168
Кристалл.....	126	Плита.....	169
Свист.....	128	Мойры.....	170
Вопль к Ветру.....	129	Доверие.....	172
Саваны.....	130	Ama Nescigi.....	173
Несчастье.....	131	Отшельник.....	174
Золотистым аметистом.....	132	Уж полно.....	175
В тихом заливе.....	133	Подвижная свеча.....	176
Вечерний ветер.....	134	Превозможная.....	177
Алыча.....	135	Святой Боже.....	179
Скажите вы.....	136	Молитва каждого дня.....	180
Тамар.....	137	Белое веянье.....	181
Грузия.....	138	Нет места тревоге.....	182
Любовь.....	140	Пред зеркалом.....	183
Древний перстень.....	141	Заветрие.....	184
Сквозь слепоту.....	142	Око.....	185
Верховный звук.....	143	Преображение.....	186
Зовы.....	144	Равный Ису.....	188
Орхидея тигриная.....	145	Издrevле.....	192
Сглаз.....	146	Адам.....	194
Чёрное зелье.....	148	Ордалии.....	202
Чернокнижие.....	149	Полночь.....	208

ИССЛЕДОВАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

<i>Т. С. Петрова.</i> «Путём ордалий» — в «путь чудес».....	210
Комментарии (<i>Н. А. Молчанова, Т. С. Петрова, О. В. Епишева</i>).....	223
Библиография.....	259

Литературно-художественное издание

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич

ЯСЕНЬ

Видение Древа

Компьютерная вёрстка — О. В. Епишева
Редактор — О. В. Епишева
Корректоры — О. В. Епишева, Т. С. Петрова, А. Ю. Романов

Подписано в печать 18.11.2014 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Гарнитура Petersburg.
Печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 8,27.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 670

ИП О. В. Епишева
153027, г. Иваново, ул. 2-я Лагерная, 54–48
Тел.: (4932) 35-20-59, e-mail: eshur@mail.ru
www.yepisheva.ru

Отпечатано в типографии
ОАО «ВПК «НПО машиностроения»
143966, г. Реутов Московской обл., ул. Гагарина, 33
www.npomash.ru